

ISSN 2304– 960X

**Инновационный Центр прикладных научных исследований
«РИМ Университет»**

**№ 4 (53)
ОКТАБРЬ-ДЕКАБРЬ
2025**

Современный Юрист

Международный научно–практический журнал

Издается с октября 2012 года

Журнал включен в систему РИНЦ

Москва

ISSN 2304– 960X

**Innovation Center for applied scientific research
«RIM University»**

**№ 4 (53)
OCTOBER-DECEMBER
2025**

The Modern Lawyer

**International scientific– practical journal
SOVREMENNYJ ŪRIST
Published since October 2012**

Moscow

**РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ**

Председатель совета:

Альбов А.П., д.ю.н., проф.

Зам. председателя:

Куприянова Л.М., к.э.н., доцент

Амосова О.С., к.ю.н.

Ананьева А.А., к.ю.н., доц.

Беликова К.М., д.ю.н., проф.

Ванин В.В., д.ю.н., доц.

Гирько С.И., д.ю.н., проф.

Головинская И.В., д.ю.н., доц.

Гришина Я.С., д.ю.н., доц.

Иванова С.А., д.ю.н., проф.

Капустин А.Я., д.ю.н., проф.

Кирпичев А.Е., д.ю.н., доц.

Кулаков В.В., д.ю.н., проф.

Курбатов А.Я., д.ю.н., проф.

Курчина А.С., к.ю.н.

Левушкин А.Н., д.ю.н., проф.

Назаренко Г.В., д.ю.н., проф.

Никифоров В.А., д.ю.н., проф.

Омелин В.Н., д.ю.н., проф.

Оспенников Ю.В., д.ю.н., доц.

Павликов С.Г., д.ю.н., проф.

Петюкова О.Н., д.ю.н., проф.

Попова Н.Ф., д.ю.н., проф.

Рожнов А.А., д.ю.н., доц.

Рубаник В.Е., д.ю.н., доц.

Ручкина Г.Ф., д.ю.н., проф.

Степаненко Ю.В., д.ю.н., проф.

Суслова С.И., д.ю.н., доц.

Ульянова М.В., к.ю.н.

**МЕЖДУНАРОДНЫЙ
СОВЕТ**

Лоренцо Меццасома —

Председатель — доктор, проф.,
Университет Перуджа, Италия

Федерика Маццасетта —

Зам. председателя — доктор, проф.,
Университет Перуджа, Италия

Джакомо Понгелли — Научный

редактор — доктор, проф.,

Университет Перуджа, Италия

Джанмарко Чифальди, проф.,

Университет им. Д'Аннунцио, город
Пескара, Италия

Франческо Риццо, доцент кафедры

гражданского права, Университет
Камерино, Италия

Джованни Берти де Маринис,

адвокат, Италия

Агустин Луна Серрано, проф.

кафедры гражданского права,
Университет Барселоны, Испания

Евгенио Лямас Помно, доктор

права, профессор, Университет
Саламанки, Испания

Перес–Серрабона Гонсалес,

доктор права, Университет Гранады,
Испания

Чирич Александр, доктор

юридических наук, проф.,

Факультет права, Университет Ниш,
Сербия

Деян Вучетич, доктор юридических

наук, доцент, Факультет права,

Университет Ниш, Сербия

Петер Поташ, доктор права,

Панъевропейская высшая школа,
Братислава, Словакия

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Степаненко Ю.В., д.ю.н., проф.

Зам. главного редактора:

Куприянова Л.М., доцент,
директор Центра научно–
прикладных исследований «РИМ
Университет»

Журнал зарегистрирован
в Министерстве Российской
Федерации по делам печати,
телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций
30 ноября 2011 г.
Свидетельство о регистрации
средства массовой информации
ПИ № ФСС77– 47531

**Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(НЭБ РИНЦ)**

Приобретение старых выпусков:
Старые, ранее опубликованные
выпуски доступны по запросу:
rimuniver@gmail.com

Ответственность за содержание
публикаций несут авторы.
Мнение редакции может
не совпадать с мнением автора.

Перепечатка материалов,
опубликованных в журнале,
допускается только с письменного
разрешения редакции.

Рукописи
авторам не возвращаются.

При перепечатке материалов
ссылка на журнал
Современный Юрист
обязательна.

Внимание авторов!
Свои материалы направляйте по
электронной почте:
E– mail: rimuniver@gmail.com

**Журнал выходит
4 раза в год**

По вопросам редакционной
подписки обращаться по
электронной почте
E– mail: rimuniver@gmail.com

**Журнал включен
в Российский индекс
научного цитирования
(НЭБ РИНЦ)**

Приобретение старых выпусков:
Старые, ранее опубликованные
выпуски доступны по запросу:
rimuniver@gmail.com

© Коллектив авторов, 2025
© «РИМ Университет», 2025

Показатель журнала в рейтинге SCIENCE INDEX за 2024 год – 2.82.
Процентиль в рейтинге SCIENCE INDEX за 2024 год – 72.
182 – е место по тематике «Государство и право. Юридические науки» в
рейтинге SCIENCE INDEX за 2024 год. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ
– 0,390. Двухлетний импакт-фактор РИНЦ с учетом цитирования из всех
источников – 0,746. Пятилетний импакт-фактор РИНЦ – 0,395. Журнал
включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий
(ВАК), в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и
кандидата наук. Решение Президиума ВАК от 01.12.2015 № 13– 6518
<http://perechen.vak2.ed.gov.ru> (ред. 01.02.2022 года).

*«Нет и не может быть конституций,
одинаково подходящих всем народам»
Иван Александрович Ильин*

Уважаемые читатели!

Содержание заключительного номера нашего журнала в уходящем году впечатляет разнообразием тем и научных направлений. В нем мы видим и классику права, и глубокие по своей сути отраслевые публикации, а также исследования, связанные с цифровизацией публичного управления, в том числе правовым регулированием и правоприменительной деятельностью. Значительное внимание уделено научному познанию правовой материи в международных отношениях и позиционированию правовой системы Российской Федерации в правовых семьях.

Для отечественного юриста абсолютной и непререкаемой парадигмой является утверждение о том, что все правовое берет начало в Конституции Российской Федерации. С учетом того что 12 декабря 2025 года Конституция нашей страны отметила свое 32-летие, весьма символично и патриотично, что практически в каждой статье авторы ссылаются на ее положения.

Радует и то, что наш журнал все более привлекает внимание молодых, начинающих исследователей. Следует отметить публикацию аспиранта Псковского госуниверситета *Д.А. Быкова*, посвященную правам человека, закрепленным в современных конституциях стран с мусульманским большинством. Обладает научной новизной статья аспиранта РГАИС *К.А. Караманова*, в которой он сравнивает подходы Российской Федерации, Европейского союза и Китайской Народной Республики к машиночитаемости права как инструменту правовой определенности. Представляет познавательный интерес статья аспиранта РГАИС *В.С. Штукарева*, посвященная архитектуре как одному из ключевых элементов программы для ЭВМ. Отчетливо отображает реалии времени публикация аспиранта МГЮА *К.З. Штымова*, в которой он исследует проблемные вопросы автоматической фиксации административных правонарушений. В статье аспиранта РГУП *А.Ю. Стебикко* поднимается ряд проблем правовых режимов персональных данных в автоматизированном судопроизводстве и предлагаются конкретные меры по их решению. В научной работе аспиранта Финансового университета при Правительстве РФ *А.О. Кулажиной* с позиций финансового суверенитета рассматриваются финансовые технологии в России, Китае, Бразилии и ОАЭ.

С неизменным интересом и научной пользой воспринимаются статьи наших постоянных авторов. Так, *А.П. Альбовым* анализируется ключевая проблема современной юридической теории, обусловленная необходимостью преодоления терминологической неопределенности и концептуальной размытости данных категорий в доктрине – проблема разграничения понятий «сила в праве» и «правовая сила». *А.А. Ананьевой* исследуется правовая природа договора о передаче полномочий исполнительного органа управляющей организации или управляющему. *С.И. Гирько* рассматриваются вопросы, связанные с образовательной средой, формированием личности гражданина России и их отражением в концепции национальной безопасности государства. *А.Г. Карпов* посвятил свою статью исследованию теоретических аспектов и правоприменительных проблем, возникающих при реализации задержания (как административного, так и уголовно-процессуального) как меры государственного принуждения. Предметом публикации *А.Р. Пурге* послужили проблемные аспекты состояния и перспектив внедрения бэби-боксов в Российской Федерации.

Поздравляем вас с Новым годом, дорогие друзья, желаем здоровья и мира!

С уважением и наилучшими пожеланиями,
главный редактор Юрий Викторович Степаненко

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

- Альбов А.П.* «Сила в праве» и «Правовая сила»: проблема дефиниции в парадигме современной теории права 8

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

- Штукарев В.С.* Архитектура как один из ключевых элементов программы для ЭВМ 23
- Ананьева А.А.* Квалификация договора о передаче полномочий исполнительного органа управляющей организации (управляющему) 35

МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО

- Быков Д.А.* Современные конституции стран с мусульманским большинством и права человека 46

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА

- Гирько С.И.* Образовательная среда, российский гражданин и национальная безопасность государства 56

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

- Карпов А.Г.* Задержание как мера государственного принуждения: проблемы теории и практики 73
- Штымов К.З.* К вопросу автоматической фиксации административных правонарушений 82

СЕМЕЙНОЕ ПРАВО

- Пурге А.Р.* Состояние и перспективы внедрения бэби-боксов в России: проблемный аспект 92

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПРАВО

- Стебикко А.Ю.* Правовые режимы персональных данных в автоматизированном судопроизводстве 105
- Караманов К.А.* Машиночитаемость права как инструмент правовой определённости: сравнение подходов Российской Федерации, Европейского союза и Китайской Народной Республики 114

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

- Кулажина А.О.* Финансовый суверенитет в цифровую эпоху: финансовые технологии в России, Китае, Бразилии, Объединенных Арабских Эмиратах 129

CONTENT

THEORY OF STATE AND LAW

- Alexey P. Albov* "Power in law" and "Legal power": the problem of definition in the paradigm of modern legal theory 9

CIVIL LAW

- Vladislav S. Shtukarev* Architecture as one of the key elements of a computer program 24
- Anna A. Ananyeva* Qualification of the contract on the transfer of functions of the executive body of company to the management company (manager) 36

INTERNATIONAL LAW

- Denis A. Bykov* Modern constitutions of muslim-majority countries and human rights 47

NATIONAL SECURITY OF THE STATE

- Sergey I. Girko* Educational environment, russian citizenship, and national security of the state 57

ADMINISTRATIVE LAW

- Artem G. Karpov* Detention as a measure of state coercion: problems of theory and practice 74
- Kantemir Z. Shtymov* On the issue of automatic recording of administrative offenses 83

FAMILY LAW

- Anna R. Purge* The state and prospects of the introduction of baby boxes in Russia: a problematic aspect 92

INFORMATION LAW

- Alexey Yu. Stebivko* Legal regimes of personal data in automated legal proceedings 106
- Konstantin A. Karamanov* Machine-readable law as a tool for legal certainty: a comparison of approaches in the Russian Federation, the European union and the people's republic of China 115

YOUNG SCIENTIST'S TRIBUNE

- Anastasia O. Kulazhina* Financial sovereignty in the digital age: financial technologies in Russia, China, Brazil, and The United Arab Emirates 130

Теория государства и права

УДК. 340.12

JEL: K10

АЛБОВ Алексей Павлович¹

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), ул. Миклухо-Маклая, 55А, Москва, 117279, Россия.

¹ Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России). Азовская ул., д. 2, корп. 1, Москва, 117638, Россия

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

¹ Албов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права (РГАИС). E-mail: aapb2@yandex.ru

«СИЛА В ПРАВЕ» И «ПРАВОВАЯ СИЛА»: ПРОБЛЕМА ДЕФИНИЦИИ В ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ ПРАВА¹

Аннотация

Предмет/тема. Статья анализирует разграничение понятий «сила в праве» (принуждение) и «правовая сила» (иерархия) — ключевую проблему современной юридической теории, обусловленную необходимостью преодоления терминологической неопределенности и концептуальной размытости данных категорий в доктрине.

Цели/задачи. Выявить сущностные различия и диалектическую взаимосвязь категорий «сила в праве» и «правовая сила»; проанализировать существующие доктринальные подходы к интерпретации данных понятий; сформулировать четкие критерии их разграничения и определить функциональную роль в механизме обеспечения эффективности правового регулирования общественных отношений.

Методология. Диалектический метод раскрыл единство и различие исследуемых понятий в их системном взаимодействии; формально-юридический и логический методы определили конкретные критерии разграничения (источник, природа, содержание, функции); сравнительно-правовой метод позволил проанализировать существующие доктринальные подходы отечественной и зарубежной юридической науки.

Результаты/выводы. В результате исследования разграничены категории «сила в праве» как интегративное свойство правовой системы и «правовая сила» как формально-юридическая характеристика нормативных актов. Предложены авторские дефиниции, преодолевающие терминологическую неопределенность и выявляющие их диалектическую взаимосвязь. Практическая значимость заключается в возможности оптимизации нормотворческой деятельности, совершенствования правоприменительной

¹ Статья подготовлена в рамках Гос. задания (2 – этап Шифр НИР 5-ГЗ-2023) по теме: «Принудительное лицензирование по мотивам государственного, общественного и иного публичного интереса: правовой и социально-экономический аспект» // The article was prepared as part of the State assignment (5-GZ-2023) on the topic: "Compulsory licensing based on state, public and other public interests: legal and socio-economic aspects".

практики, повышения эффективности правового регулирования и разрешения юридических коллизий, что вносит значительный вклад в развитие теоретико-правовой науки.

Ключевые слова: *сила в праве, правовая сила, теория права, правовая система, нормативные акты, интегративное правопонимание, правовое регулирование, легитимное принуждение, иерархия правовых норм, действие права.*

Theory of State and Law

¹ Alexey P. Albov

Doctor of Law, Professor, Department Professor of the Department of Civil and Business Law Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS)

¹ Professor of the Department of Theoretical and Legal Disciplines and International Law of the Russian Customs Academy

"POWER IN LAW" AND "LEGAL POWER": THE PROBLEM OF DEFINITION IN THE PARADIGM OF MODERN LEGAL THEORY

Abstract

Subject/Topic This article analyzes the distinction between the concepts of "force in law" (coercion) and "legal force" (hierarchy)—a key problem in modern legal theory, arising from the need to overcome terminological ambiguity and conceptual fuzziness of these categories in doctrine.

Goals/Objectives To identify the essential differences and dialectical interrelationships between the categories of "force in law" and "legal force"; to analyze existing doctrinal approaches to interpreting these concepts; to formulate clear criteria for their distinction; and to determine their functional role in the mechanism for ensuring the effectiveness of legal regulation of social relations.

Methodology The dialectical method revealed the unity and difference of the concepts under study in their systemic interaction; the formal-legal and logical methods defined specific criteria for distinction (source, nature, content, functions); the comparative legal method allowed for an analysis of existing doctrinal approaches in Russian and foreign legal scholarship.

Results/Conclusions The study distinguishes between the categories of "legal force" as an integrative property of the legal system and "legal force" as a formal legal characteristic of normative acts. The authors offer definitions that overcome terminological ambiguity and reveal their dialectical interrelationship. The practical significance of this research lies in the possibility of optimizing rulemaking, improving law enforcement practices, enhancing the effectiveness of legal regulation, and resolving legal conflicts, which significantly contributes to the development of theoretical legal science.

Keywords: *legal force, legal force, legal theory, legal system, normative acts, integrative legal understanding, legal regulation, legitimate coercion, hierarchy of legal norms, operation of law.*

Актуальность исследования обусловлена назревшей в современной юриспруденции необходимостью преодоления терминологической неопределенности, которая создает определённые трудности как для развития юридической науки, так и для правоприменительной практики. Отсутствие строгого разграничения между смежными, но не

тождественными юридическими категориями, приводит к методологическим ошибкам и неверной интерпретации правовых явлений. Яркий пример такой ошибки — смешение понятий «сила в праве» и «правовая сила».

Данная проблема выходит далеко за рамки сугубо академического спора. Если категория «правовая сила» носит формально-юридический, иерархический характер, определяя место нормативного акта в системе права и его способность порождать юридические последствия, то понятие «сила в праве» апеллирует к фактической мощи государственного принуждения, к способности обеспечить исполнение правовых предписаний, в том числе вопреки воле субъектов. Их неразличение размывает саму природу права, подменяя легитимность эффективностью, а долженствование — принуждением. Особую остроту эта проблема приобретает в условиях цифровизации, когда алгоритмические системы обрели фактическую «силу», не обладая при этом традиционной «правовой силой». Нельзя забывать и о влиянии глобализации, где нормы международного права, обладая «правовой силой», зачастую лишены действенных механизмов принуждения.

Таким образом, задача исследования заключается не просто в уточнении дефиниций, а в разработке концептуального каркаса, позволяющего четко разграничить нормативную валидность и фактическую принудительность как два фундаментальных, но разнопорядковых измерения права, что имеет существенное значение для понимания трансформации права в XXI веке.

Методологическую основу исследования составляет комплекс взаимодополняющих методов научного познания: диалектический метод позволяет рассмотреть категории «сила в праве» и «правовая сила» в их историческом развитии и взаимосвязи; историко-правовой метод используется для анализа генезиса данных понятий от римского права до современности; формально-юридический и формально-логический методы обеспечивают конструирование четких дефиниций исследуемых категорий. Кроме того, использовался герменевтический подход для выявления сущностных смыслов исследуемых понятий.

Логическое и историческое в развитии понятий.

Очевидно, что для понимания современной диалектики исследуемых категорий — «правовой силы» и «силы в праве» — представляется методологически правильно начать анализ с римского права как колыбели европейской юридической мысли. Такой подход обусловлен не только данью традиции, но и тем фактом, что именно в римской правовой доктрине было сформировано концептуальное ядро и основные юридические конструкции.

Так были заложены фундаментальные принципы иерархии правовых актов и концепции легитимного принуждения; понятие «*potestas*»

обозначало легитимную, установленную законом власть и полномочия, то есть внутреннюю авторитетность нормы, ее правовую силу. В то же время «imperium» – высшая государственная власть – предполагала право и возможность принуждать к исполнению этой нормы, то есть представляла собой силу в праве. Ключевым моментом являлось их диалектическое единство: potestas была бессмысленна без imperium, а imperium был нелегитимен без potestas, то есть сила была атрибутом права, а право — источником легитимной силы. Римские юристы не противопоставляли эти категории, а рассматривали их как две стороны единой сущности — государственно-организованного правопорядка.

Однако в ходе дальнейшего исторического и правового развития эта тонкая двойственность была утрачена, и произошло кардинальное смещение акцентов. Распад Западной Римской империи привел к диффузии власти и партикуляризму права в раннем Средневековье, а идея единого, авторитетного закона, обладающего внутренней правовой силой, уступила место праву-обычаю и праву-привилегии.

На этом фоне, в эпоху становления централизованных национальных государств XIV–XV веков, произошла концептуальная редукция. Для преодоления феодальной раздробленности и утверждения монаршего суверенитета требовался простой и действенный инструмент.¹ Таким инструментом стала абсолютизация одного из элементов римской дихотомии — принуждения (*vis coactiva*). Именно способность монарха обеспечить исполнение своей воли силой стала рассматриваться не просто как гарантия права, а как его дефинитивный признак и источник легитимности.

В результате право стало отождествляться с приказом суверена, подкрепленным санкцией. Внутренняя авторитетность нормы, ее соответствие высшим принципам справедливости или традициям, отошли на второй план. Главным стало наличие у носителя власти монополии на легитимное насилие. Таким образом, «сила в праве» поглотила «правовую силу». Принуждение из атрибута права превратилось в его сущность, что и было положено в основу целой правовой доктрины, раннего юридического позитивизма, которая стала идейным знаменем абсолютизма и доминировала в юридической мысли вплоть до эпохи Просвещения.

В рамках данной концепции неотъемлемым атрибутом права признается его обеспеченность силой государственного принуждения. Право здесь – это прежде всего система команд, исходящих от суверена и подкрепленных угрозой применения санкции. Его основная социальная функция сводится к установлению и поддержанию порядка через императивное, властное воздействие на поведение индивидов. Соответственно, правовой нормой

¹ Сироткин С.В. Демократия в средние века. Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://old.memo.ru/about/biblio/demokratiya/chapt2.htm> (дата обращения: 10.11.2025).

признается лишь то предписание, за нарушением которого следует реальная возможность государственного вмешательства через специализированный аппарат (суды, полицию, пенитенциарную систему). В этой логике «сила в праве» становится не просто его свойством, а его конституирующим признаком: без принуждения право превращается в мораль, благие пожелания или социальные обычаи, но перестает быть правом в строгом смысле этого слова.

Несмотря на свою кажущуюся логическую стройность, эта парадигма страдает от ряда недостатков, делающих её уязвимой с точки зрения научности. Ключевая уязвимость юридического позитивизма заключается в редукционизме — сведении сложного и многоаспектного социального феномена права исключительно к его принудительному элементу.¹

Такой подход игнорирует аксиологическую (ценностную), организационную и интегративную функции права, неспособность удовлетворительно объяснить феномен добровольного соблюдения правовых норм большинством субъектов, которые руководствуются не страхом наказания, а внутренним признанием легитимности и справедливости правопорядка. Более того, данная концепция оказывается несостоятельной при анализе целых правовых массивов, таких как международное публичное право или «мягкое право», где классический аппарат государственного принуждения либо отсутствует, либо крайне ослаблен, но нормы при этом эффективно действуют.

Наиболее же серьезный упрек в адрес данной концепции состоит в том, что, отождествляя право с силой и приказом суверена, или совокупностью нормативных правовых актов, она рискует легитимизировать любой, даже самый антигуманный и несправедливый правопорядок. В рамках этой логики печально известная формула «закон есть закон» становится неопровержимой, а право лишается своего гуманистического содержания, превращаясь из инструмента справедливости в технологию насилия. Таким образом, абсолютизируя один из атрибутов права — его принудительность, — данный подход не только искажает его подлинную природу, но и оказывается неадекватным инструментом для понимания сложной и многогранной правовой реальности современного мира.

Альтернативная концепция предлагает иной взгляд на природу права. Согласно этому подходу право возникает не столько из воли государства, сколько из потребностей самого общества в координации действий, разрешении конфликтов и артикуляции общих ценностей.

¹ Севастьянова А. Критика правового позитивизма в философии права Р. Дворкина. / Материалы национальной научной конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов СПбГУ ВМ / ред.: К.В. Племешов, А.А. Сухинин, Г.С. Никитин [и др.]; МСХ РФ, СПбГУВМ. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ ВМ, 2023. Электронный ресурс. Доступно на сайте: / <https://www.academia.edu/> (дата обращения: 11.11.2025).

Как писал Б.А. Кистяковский: «Ведь право зарождается для удовлетворения практических нужд при совместной жизни людей. Далее, по преимуществу практические потребности являются основной двигательной силой в развитии права. Поэтому и техническое знание права, создаваемое и разрабатываемое юридической догматикой, возникает в первую очередь и прежде всего достигает высокого уровня развития» [1, с.162].

Его первоочередная функция – не принуждать, а организовывать, служить инструментом социального согласия и предсказуемости, выражая коллективные интересы и представления о справедливости. В этой парадигме подавляющее большинство субъектов соблюдает правовые нормы добровольно, исходя из внутреннего убеждения в их легитимности, разумности и справедливости. Принуждение же играет вторичную, вспомогательную, гарантирующую роль, и является не источником силы права, а лишь средством, предназначенным для защиты правопорядка от девиантного поведения меньшинства. Таким образом, «сила права» заключается не в его способности карать, а в его авторитете, социальной легитимности и способности обеспечивать общественную интеграцию, в то время как аппарат принуждения выступает лишь как защитный механизм этой системы [2].

Данная концепция базировалась на трех фундаментальных принципах римской юриспруденции.

Во-первых, принцип «*Nulla auctoritas rationis, sed ratio auctoritatis dominaque esse debet*» (не авторитет должен господствовать над разумом, но разум — над авторитетом) прямо утверждал, что легитимность нормы исходит не из статуса власти, а из ее внутренней рациональности. Развивая эту мысль, Цицерон в своем труде «О законах» шел еще дальше, утверждая: «*Est quidem vera lex recta ratio naturae congruens*» (истинный закон — это подлинный разум, согласующийся с природой). Таким образом, для античных мыслителей даже подкрепленное силой предписание не являлось истинным правом, если оно противоречило фундаментальным принципам разума и справедливости, что четко разграничивало фактическую «силу в праве» и подлинную «правовую силу».

Во-вторых, *Consensus Utilitatis* – как мы видим из «Диалогов» Цицерона признание силы права через консенсус в обществе и его полезность для всех [3]. По этому поводу Цельс дает формулировку права как искусства доброго и равного «*Ius est ars boni et aequi*», акцентировав при этом служебную функцию права по отношению к общему благу¹. Сам Цельс в своих «Дигестах» делал акцент на том, что знание закона заключается не

¹ Pierre de la Ramée. Dottorato in Ricerche e studi sull'Antichità, Medioevo e l'Umanesimo, Salerno (RAMUS). Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://philarchive.org/archive/SALLDM-4> (дата обращения: 20.06.2025).

столько в восприятии его слов, сколько в понимании его содержания [4, с.14]. Преторская практика введения *actiones utiles* наглядно демонстрировала этот утилитарный подход [5].

В-третьих, в Дигестах Юстиниана обосновывается *Perpetuitas Traditionis* (незыблемые традиции) – историческая преемственность укрепляет авторитет права [6]. Как отмечает ряд ученых, Ульпиан не случайно начинает Дигесты с изложения исторического развития права, подчеркивая его непрерывность: «*Necessarium itaque nobis videtur ipsius iuris originem atque processum demonstrare*» (Таким образом, нам кажется необходимым показать происхождение и развитие самого права) [7].

И.Б. Новицкий не раз подчеркивал, что Римское право разработало стройную систему источников права с четкой градацией их формальной силы. Гай в «Институциях» выделял законы (*leges*), плебисциты (*plebiscita*), сенатусконсульты (*senatusconsulta*), конституции принцепсов (*constitutiones principum*), эдикты магистратов (*edicta magistratuum*) и ответы юристов (*responsa prudentium*) [8]. Римляне руководствовались принципами, позднее сформулированными как «*lex posterior derogat legi priori*» (позднейшим законом отменяется более ранний) и «*lex superior derogat legi inferiori*» (высший по силе закон отменяет закон, низший по силе). Классический пример – *Lex Aquilia* (закон Акилы), который, согласно Ульпиану, отменил все предшествовавшие постановления о неправомерно причиненном вреде, как законов XII таблиц, так и другие, на которые ныне нет надобности ссылаться [9]. Формальная действительность определялась соблюдением процедуры принятия – требования к *comitia*, *auspicia* и другим формальностям служили гарантией правовой силы актов.

Таким образом, как мы видим, Римское право четко дифференцировало внутренние качества права, обеспечивающие его эффективность как социального регулятора («сила в праве»), и формальные атрибуты правовых актов, определяющие их обязательность и место в иерархии источников («правовая сила»).

Следовательно, можно предварительно утверждать, что категория «сила в праве» представляет собой философско-социологическую категорию, отражающую внутренние, имманентные качества правовой системы, которые обеспечивают её реальную действенность и фактическую реализуемость в конкретном социально-историческом контексте. В отличие от формально-догматических категорий позитивного права, описывающих структуру и иерархию норм, данная категория обращена к содержательным, функциональным аспектам правовой действительности и призвана объяснить феномен превращения абстрактных правовых предписаний в действующие регуляторы общественных отношений. «Сила в праве» характеризует не просто наличие санкций или государственного принуждения, а внутреннюю способность правовой системы быть признанной, понятой и реализованной участниками правоотношений, то

есть её органическую встроенность в социальную ткань общества.

Это сложная совокупность взаимосвязанных факторов, делающих право подлинно действенным регулятором общественных отношений: рациональность правовой системы (её внутренняя логическая согласованность, непротиворечивость, познавательная доступность), социальная полезность (способность отвечать на реальные потребности общества, решать актуальные проблемы, снижать конфликтность) и историческая преемственность (укорененность в правовой культуре, связь с традициями, соответствие правовому менталитету). Принципиально важно, что данное понятие существует независимо от аксиологического, ценностного содержания самих правовых норм и отвечает на сущностный вопрос: «почему право работает?», а не «является ли право справедливым?». Это означает, что эффективность и действенность правовой системы, её внутренняя «сила» могут проявляться как в гуманистически ориентированных демократических правовых порядках, так и в репрессивных, авторитарных системах, что требует от исследователя строгого разграничения технико-юридической действенности права и его морально-этической оценки.

Правовая сила – формально-юридическая категория, характеризующая место нормативного акта в иерархии источников права и его обязательность для исполнения. Определяется через компетенцию органа, издавшего акт, процедуру принятия и соответствие вышестоящим нормам. Правовая сила устанавливает формальную обязательность нормы и разрешает коллизии между правовыми актами.

Принципиально важно понимать, что «сила в праве» функционирует диаметрально противоположным образом в зависимости от политического режима и его идеологической направленности. В демократических системах она направлена на защиту прав и свобод человека, становясь барьером против произвола власти. Классическим примером служит английский Habeas Corpus Act 1679 года, чья «сила» заключалась в создании действенного механизма судебной защиты от незаконных арестов, который работает по сей день.¹

В США «сила в праве» проявилась в решении Верховного суда по делу *Brown v. Board of Education* (1954), которое, опираясь на принцип равной защиты законом, положило конец расовой сегрегации в школах – при этом эффективность решения обеспечивалась не только судебным авторитетом, но и его рациональной аргументацией, социальной востребованностью и конституционной преемственностью.² Европейская конвенция о правах

¹ Бекболатовна А.Э. Основные идеи Альберта Дэйси о господстве права. / Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-idei-alberta-daysi-o-gospodstve-prava> (дата обращения: 12.11.2025).

² Буккер И. Браун против совета по образованию. Электронный ресурс. Доступно на сайте: https://naslediepravda.ru/1607974-black_history/ (дата обращения: 18.11.2025).

человека 1950 года обрела «силу» благодаря созданию реально работающего Европейского суда, чьи решения исполняются даже против воли национальных правительств. Германский Grundgesetz (Основной закон) 1949 года, закрепивший принцип неотчуждаемости человеческого достоинства, демонстрирует, как рациональная конструкция, социальная полезность и историческое осмысление нацистского прошлого создают правовую систему, эффективно защищающую свободы граждан.¹

Однако в авторитарных и тоталитарных режимах та же самая «сила в праве» – системность, логическая выверенность, укорененность в традиции – трансформируется в инструмент легализованного подавления и насилия.

Нюрнбергские расовые законы нацистской Германии 1935 года («Закон о гражданстве Рейха»² и «Закон о защите немецкой крови и немецкой чести») обладали всеми признаками «сильного» права: они были системными, детально проработанными, опирались на германскую правовую традицию кодификации, создавали ясные (хотя и чудовищные) критерии «расовой принадлежности».³

Именно эта юридическая «безупречность» сделала возможным бюрократически организованный Холокост – геноцид превратился в исполнение законных предписаний. Система апартеида в Южно-Африканской Республике (1948-1994) представляла собой детально разработанную правовую конструкцию из сотен законов и подзаконных актов (Population Registration Act, Group Areas Act, Bantu Education Act), которые обладали внутренней логикой, исторической преемственностью с колониальным правом и функциональностью – они эффективно выполняли задачу расовой сегрегации именно потому, что были юридически «сильными».⁴

В СССР сталинских времен статья 58 Уголовного кодекса РСФСР о «контрреволюционных преступлениях», с её расплывчатыми формулировками и предельно широким толкованием, обрела «силу»

¹ Европейский суд по правам человека. Электронный ресурс. Доступно на сайте: https://euro-ombudsman.org/ombudsmen_activities/european_court_of_human_rights/istoricheskaya-spravka-o-evropeyskom-sude (дата обращения: 18.11.2025).

² The Reich Citizenship Law (September 15, 1935) and the First Regulation to the Reich Citizenship Law (November 14, 1935)/ Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://germanhistorydocs.org/en/nazi-germany-1933-1945/the-reich-citizenship-law-september-15-1935-and-the-first-regulation-to-the-reich-citizenship-law-november-14-1935> (дата обращения: 18.11.2025).

³ The Nuremberg Race Laws. The Nuremberg Race Laws defined Jews in racial terms. The laws proclaimed that Jews could not be citizens and restricted who Jews could marry / Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://encyclopedia.ushmm.org/content/en/article/the-nuremberg-race-laws> (дата обращения: 18.11.2025).

⁴ UCLA National Black Law Journal Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://escholarship.org/content/qt5ph2613n/qt5ph2613n.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

через системность репрессивного аппарата, псевдорациональность обвинений и опору на революционную «традицию» борьбы с врагами народа – это позволило осудить миллионы человек в рамках формально легальных процедур.¹

Таким образом, «сила в праве» представляет собой принципиально ценностно-нейтральный, амбивалентный феномен, некий юридический «инструмент», чье социальное значение и моральная оценка всецело определяются содержательным наполнением правовых норм, аксиологическими установками законодателя и конечными целями политического режима – она может служить как защите человеческого достоинства, так и его планомерному уничтожению.

Рассматривая проблему через призму диалектических категорий «форма и содержание», можно утверждать следующее: «сила в праве» выступает как содержательный аспект правовой реальности, отражающий внутреннюю сущность права, его качественные характеристики и социальную ценность, тогда как «правовая сила» представляет собой формальное выражение права, его внешнюю структурированность и организацию. В диалектическом единстве этих категорий раскрывается полнота правового феномена: содержание (сила в праве) наполняет форму (правовую силу) смыслом и ценностным значением, в то время как форма обеспечивает структурированное и упорядоченное выражение содержания в нормативной иерархии.

В контексте современных правовых систем необходимо отметить, что действенность права проистекает не из какого-либо единственного источника: (будь то (1) рациональное начало, (2) утилитарная ценность или (3) традиционный авторитет), а из сложного диалектического взаимодействия между ними, при этом удельный вес каждого из оснований претерпевает существенные изменения и зависит как от специфики правоотношений, так и особенностей развития общества и государства.

Эта триада напоминает гегелевскую диалектику, где тезис, антитезис и синтез не существуют изолированно, но образуют органическое целое: рациональность без традиции становится абстрактным конструированием (попытки имплантации западных кодексов в незападные общества), традиция без рациональности вырождается в косный обычай (архаичные нормы, утратившие социальную функцию), а утилитарность без двух других оснований превращается в циничный прагматизм, лишенный

¹ Исаев М. История Российского государства и права. § 6. Развитие судебных и карательных органов. / Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://studfile.net/preview/6332172/page:46/>(дата обращения: 12.11.2025); Дорская А. А. Эволюция преступлений против правосудия в России // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2022. № 3. С. 15-23. / Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://cyberleninka.ru/article/n/evolyutsiya-prestupleniy-protiv-pravosudiya-v-rossii> (дата обращения: 12.11.2025).

легитимности (временные декреты диктаторов).

Мы видим по истории права и государства, что правовая система работает лучше всего, когда три её основных компонента дополняют друг друга в духе аристотелевской «золотой середины», обеспечивая динамический баланс, где сильные стороны одного компенсируют ограничения других, что позволяет всей системе действовать слаженно и эффективно.

Показательным примером такого синтеза служит англо-американское прецедентное право, где традиция уравнивается рациональностью и утилитарностью, или германское конституционное правосудие, соединяющее кантианскую философию достоинства (традиция), логику балансирования интересов (рациональность) и защиту от современных угроз (утилитарность).

В отличие от римской юриспруденции, где эти основания существовали параллельно, в современном праве формируется интегративный механизм легитимации, позволяющий праву сохранять силу даже при дефиците одного из оснований. Этот механизм объясняет устойчивость правовых систем в условиях кризиса рациональности, снижения общественной полезности или разрыва с традицией.

«Правовая сила» характеризуется такими свойствами, как обязательность исполнения, формальная определенность и зависимость от компетенции издавшего органа, при этом её реализация обеспечивается системой государственного принуждения. В качестве характеристики юридической иерархии документов правовая сила определяет место акта в системе законодательства, соподчиненность нормативных документов и служит критерием разрешения противоречий между актами разного уровня. Проблемы определения правовой силы особенно остро проявляются в коллизионном праве при конкуренции общих и специальных норм, актов одного уровня, изданных в разное время, и усложняются в условиях правовой глобализации и взаимодействия национальных и международных правовых систем.

«Сила в праве» как философско-правовая категория отражает фундаментальное качество правовой системы, обеспечивающее её действенность и авторитет. Онтологический статус силы в правовой системе определяется её имманентностью праву как социальному регулятору, выступая не внешним дополнением, а внутренним свойством правовой материи, обеспечивающим её способность упорядочивать общественные отношения. Соотношение силы в праве с категориями принуждения и насилия носит диалектический характер: в отличие от прямого насилия, правовая сила легитимирована общественным договором и направлена на защиту социального порядка, при этом государственное принуждение выступает лишь крайним инструментом реализации силы в праве, но не исчерпывает её содержания.

Таким образом, «правовая сила» и «сила в праве» представляют собой две взаимодополняющие, но качественно различные категории правовой теории, соотносящиеся между собой как форма и содержание, как внешнее и внутреннее измерение права. Если правовая сила отвечает на вопрос «какова юридическая иерархия норм и как разрешать их коллизии?», то сила в праве раскрывает более глубокий вопрос: «почему правовая система в целом обладает способностью регулировать общественные отношения?». Правовая сила может быть высокой у конституционной нормы с формально-юридической точки зрения, однако без силы в праве – без рациональности, социальной полезности и исторической легитимности – даже акт высшей юридической силы останется «мертвой буквой». Именно сила в праве превращает формальную юридическую иерархию в действующий социальный регулятор, наполняет абстрактную обязательность реальным авторитетом и трансформирует потенциальное государственное принуждение в добровольное правоисполнение.

Право делает силу законной, устанавливая четкие правила её применения. Оно определяет, когда и как можно использовать силу, заставляя её следовать принципам справедливости и соразмерности. Так опасная сила превращается в полезный инструмент для регулирования общества. На всех этапах общественного развития, и особенно на современном, - как утверждает В.В. Денисенко, - легитимность является необходимым условием существования позитивного права, но при этом менялась процедура легитимации позитивного права [10, с.16].

Наконец, сила в праве выступает важнейшим аспектом государственного суверенитета, определяя способность государства самостоятельно устанавливать и эффективно поддерживать правопорядок на своей территории.

Суверенитет не сводится к формальному праву издавать законы – он предполагает реальную способность обеспечивать их исполнение, что невозможно без внутренней силы правовой системы, признаваемой населением. Государство, чьё право лишено рациональности, утилитарной ценности или исторической легитимности, вынуждено опираться исключительно на принуждение, что свидетельствует о кризисе суверенитета.

Напротив, подлинно суверенное государство обладает правовой системой, чья сила проистекает из внутреннего признания, обеспечивая стабильный правопорядок без постоянного применения репрессивного аппарата. В условиях глобализации вопрос о силе национального права приобретает особую остроту: способность государства сохранять действенность собственной правовой системы перед лицом международных норм и наднациональных институтов становится критерием реального, а не номинального суверенитета [11].

Проблемы терминологической подмены в нормотворчестве

проявляются при смешении этих категорий, когда законодатель апеллирует к формальной правовой силе документа в ситуациях, требующих обращения к сущностным характеристикам права, или, напротив, пытается компенсировать дефицит внутренней силы права увеличением числа формально обязательных предписаний, что приводит к девальвации нормативных актов и снижению их регулятивного потенциала. Четкое разграничение «силы в праве» и «правовой силы» позволяет не только выстроить логически непротиворечивую систему законодательства, но и создать условия для повышения легитимности права, его авторитета в обществе, что в конечном итоге способствует минимизации принуждения и формированию правовой культуры, основанной на внутреннем признании ценности правовых норм.

Исходя из изложенного можно утверждать, что *«Сила в праве» – интегративное свойство правовой системы, выражающее её способность эффективно регулировать общественные отношения через внутренний авторитет и социальное признание правовых норм, основанное на их рациональной обоснованности, практической полезности и укоренённости в культурно-исторической традиции общества, при котором государственное принуждение выступает вспомогательным, а не определяющим механизмом обеспечения правопорядка.*

«Правовая сила» – формально-юридическое свойство нормативного правового акта, определяющее его место в иерархической системе источников права, степень обязательности для субъектов правоотношений и приоритет применения при возникновении нормативных коллизий, обусловленное юридической природой правотворческого органа, процедурой принятия акта и его функциональным назначением в механизме правового регулирования.

Разграничение этих понятий имеет принципиальное значение для развития теории права, поскольку позволяет преодолеть узконормативный подход к пониманию правовой реальности, дифференцировать содержательные и формальные аспекты права, углубить представления о механизмах правового регулирования и, кроме того, способствует развитию интегративного правопонимания, объединяющего нормативные и социологические подходы к праву.

Заключение

В результате проведенного исследования осуществлено концептуальное разграничение категорий «сила в праве» и «правовая сила», выявлена их этимологическая и семантическая дифференциация, раскрыта специфика их функционирования в различных правовых контекстах. Предложенные авторские дефиниции позволили четко отграничить имманентное качество правовой системы, отражающее её внутреннюю действенность и легитимность, от формально-юридического свойства нормативных актов, определяющего их место в иерархии источников права. Научная новизна

исследования заключается в преодолении терминологической неопределенности, выявлении диалектической взаимосвязи между содержательными и формальными аспектами правовой действительности, а также в обосновании триединой природы силы в праве как синтеза рационального, утилитарного и традиционного оснований.

Практическая значимость исследования проявляется в возможности оптимизации нормотворческой техники, совершенствования правоприменительной практики и повышения эффективности правового регулирования через осознанное использование обеих категорий в соответствии с их сущностными характеристиками. Полученные результаты могут быть применены при разрешении коллизий нормативных актов, оценке действенности законодательных инициатив, укреплении авторитета правовой системы и повышении уровня правосознания в обществе. Кроме того, предложенная концепция способствует более глубокому пониманию механизмов формирования государственного суверенитета и взаимодействия национального права с международными правовыми системами в условиях глобализации.

Список источников:

1. Кистяковский (1998) – Кистяковский Б.А. Социальные науки и право: очерки по методологии социальных наук и общей теории права // Кистяковский Б. А. Философия и социология права. СПб., 1998. – 704 с.
2. Рейснер (1925) – Рейснер М.А. Право: Наше право. Чужое право. Общее право / М. Рейснер. — М.; Л.: Гос. изд-во, 1925. – 275 с.
3. Цицерон (1994) – Цицерон М.Т. Диалоги. / Москва. Наука, 1994. – 222 с.
4. Перетерский (1956) – Перетерский И.С. Дигесты Юстиниана. М.: Госюриздат, 1956. – 131 с.
5. Кофанов, Томсинов (1998) – Кофанов Л.Л., Томсинов В.А. Институты Юстиниана. Перевод с латинского / Под ред.: Кофанов Л.Л., Томсинов В.А.; Пер.: Расснер Д. – М.: Зерцало, 1998. – 400 с.
6. Кофанов (2002) – Кофанов Л.Л. Дигесты Юстиниана / пер. с лат.; отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002. – 584 с.
7. Акинфиева, Воронцов (2020) – Акинфиева В.В., Воронцов С.Г. Публичное, частное, гражданское и гражданское право: содержание понятий в древнеримских и современных доктринальных источниках // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 226-247.
8. Новицкий (1972) – Новицкий И.Б. Основы римского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1972. – 296 с.
9. Сенякин (1997) – Сенякин И.Н. Правотворчество и законодательство // Теория государства и права: курс лекций / под ред. Н.И. Матузова и А.В. Малько. М.: Юрист, 1997. – 672 с.
10. Денисенко (2012) – Денисенко В.В. Легитимность и легитимация позитивного права: история и современность. // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2012. № 2. – с. 16-27.
11. Альбов, Панченко (2024) – Альбов А.П., Панченко В.Ю. Суверенитет и публично-правовое регулирование в контексте правовой культуры. / Современный юрист. 2024. № 1 (46). С. 16-28.

References:

Kistiakovsky (1998) – Kistiakovsky B.A. Social sciences and law: essays on the methodology of social sciences and the general theory of law [Social'nye nauki i pravo: ocherki po metodologii social'nyh nauk i obshchej teorii prava] // Philosophy and Sociology of Law [Filosofiya i sociologiya prava]. St. Petersburg, 1998. – 704 p.

Reisner (1925) – Reisner M.A. Law: Our law. Someone else's right. General law [Pravo: Nashe pravo. CHuzhoe pravo. Obshchee pravo] / M. Reisner. — M.: L.: State Publishing House [Gos. izd-vo], 1925. – 275 p.

Cicero (1994) - Cicero M.T. Dialogues [Dialogi]. / Moscow. Nauka [Nauka]. 1994. – 222 p.

Peretersky (1956) – Peretersky I.S. The Digests of Justinian [Digesty YUstiniana]. Moscow: Gosyurizdat [Gosyurizdat], 1956. – 131 p

Kofanov, Tomsinov (1998) – Kofanov L.L., Tomsinov V.A. Institutes of Justinian. Translation from Latin [Institucii YUstiniana. Perevod s latinskogo] / Transl.: Rassner D. - M.: Zertsalo [Zercalo]. 1998. - 400 p.

Kofanov (2002) –Kofanov L.L. Digests of Justinian [Digesty YUstiniana]. Translated from Latin; ed. by L.L. Kofanov. Moscow: Statut [Statut]. 2002. – 584 p.

Akinfieva, Vorontsov (2020) – Akinfieva V.V., Vorontsov S. G. Public, private, civil and civil law: the content of concepts in ancient Roman and modern doctrinal sources [Publichnoe, chastnoe, civil'noe i grazhdanskoe pravo: sodержanie ponyatij v drevnerimskih i sovremennyh doktrinal'nyh istochnikah]. // Bulletin of the Perm University. Legal sciences [Vestnik Permskogo universiteta. YUridicheskie nauki.]. 2020. Issue 48. pp. 226-247.

Novitsky (1972) – Novitsky I. B. Fundamentals of Roman civil law [Osnovy rimskogo grazhdanskogo prava]. Moscow: Jurid. lit. [YUrist]. 1972. – 296 p. 11.

Senyakin (1997) – Senyakin I.N. Law-making and legislation // Theory of State and law: a course of lectures [Legitimnost' i legitimaciya pozitivnogo prava: istoriya i sovremennost']. Edited by N.I. Matuzov and A.V. Malko. Moscow: Lawyer [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo]. 1997. – 672 p.

Denisenko (2012) – Denisenko V.V. Legitimacy and Legitimization of Positive Law: History and Modernity [Legitimnost' i legitimaciya pozitivnogo prava: istoriya i sovremennost']. // Bulletin of the Voronezh State University. Series: Law [Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo.]. 2012. No. 2. – p. 16-27.

Albov, Panchenko (2024) – Albov A.P., Panchenko V.Yu. Sovereignty and public-law regulation in the context of legal culture [Suverenitet i publichno-pravovoe regulirovanie v kontekste pravovoj kul'tury.]. / Modern lawyer [Sovremennyj yurist]. 2024. No. 1 (46). P. 16-28.

Гражданское право

УДК 347

JEL: K11, O34

*ШТУКАРЕВ Владислав Сергеевич*¹

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности, ул. Миклухо-Маклая, д. 55А, Москва, 117279, Россия.

¹ ООО «Яндекс.Технологии», ул. Льва Толстого, д. 16, Москва, 119021, Россия.

<https://orcid.org/0009-0006-3455-3457>

¹ Штукарев Владислав Сергеевич, разработчик интерфейсов ООО «Яндекс.Технологии», аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности. E-mail: pixel.develop@yandex.ru

Научный руководитель: Ревинский Олег Витальевич, кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры Патентного права и правовой охраны средств индивидуализации Российской государственной академии интеллектуальной собственности. E-mail: o_revinski@mail.ru

АРХИТЕКТУРА КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ЭЛЕМЕНТОВ ПРОГРАММЫ ДЛЯ ЭВМ

Аннотация

Предмет/тема. Научная статья посвящена такому результату интеллектуальной деятельности, как программа для ЭВМ. В данной работе выделяются существенные и несущественные составляющие этого объекта, устанавливается достаточность охраны каждого из них.

Цель/задачи. Проанализировав элементы программы для ЭВМ, важно определить, какие составляющие не получают свою должную правовую охрану, что может не отвечать нуждам рынка и, как следствие, снижать степень охраны программы для ЭВМ в целом, так как этот объект зависит от того, все ли его элементы имеют необходимую охрану. Задачами статьи являются: анализ дефиниции программы для ЭВМ; установление существенных и несущественных элементов, входящих в дефиницию программы для ЭВМ и выделяемых научной доктриной; установление достаточности охраны элементов; выявление проблем; формирование предложений для гармонизации законодательства.

Методология. При подготовке научной статьи использовался метод анализа в отношении программы для ЭВМ, осуществлялось толкование правовых норм, проводился сравнительный анализ элементов, которые относятся законодателем и научной доктриной к подготовительным материалам программы для ЭВМ с целью установления сходств и различий, а также применялись формально-юридический, абстрактно-логический методы для формулирования определения «архитектуры». Исследование опирается на действующее законодательство, регулирующее вопросы результатов интеллектуальной деятельности, и связанную с программами для ЭВМ научную доктрину, в отношении которой применялся метод теоретического анализа.

Результаты/выводы. Подтверждается факт, что программа для ЭВМ является многоэлементным объектом, полнота охраны которой напрямую зависит от возможности творца распространить свои права на все ее существенные элементы. Выявляется такой новый элемент современных

программ для ЭВМ, как «архитектура», который не получает свою должную охрану. Доказывается, что синтез подготовительных материалов и «архитектуры», который присутствует на данный момент, невозможен по причине наличия важных отличий в их правовых природах. В статье раскрывается сущность «архитектуры», формулируется ее дефиниция, а также обращается внимание на то, что ситуацию усугубляет развитие искусственного интеллекта, так как из-за этого элемент становится еще более востребованным на рынке уже сегодня.

Ключевые слова: *результаты интеллектуальной деятельности, программа для ЭВМ, программное обеспечение, элементы программы для ЭВМ, архитектура.*

Civil law

¹ Vladislav S. Shtukarev

¹ Postgraduate Student at the Russian State Academy of Intellectual Property, Moscow, Russia.

¹ Interface developer at Yandex.Technologies LLC, Moscow, Russia.

Research Supervisor: Oleg V. Revinskiy, PhD in Law, associated professor, professor of the Department of Patent law and legal protection of means of individualization of the Russian State Academy of Intellectual Property.

ARCHITECTURE AS ONE OF THE KEY ELEMENTS OF A COMPUTER PROGRAM

Annotation

Subject/topic This scientific article is devoted to such a result of intellectual activity as a computer program. This work identifies the essential and non-essential components of this object and establishes the sufficiency of protection for each of them.

Goals/objectives After analysing the elements of a computer program, determine which components do not receive adequate legal protection, which may not meet market needs and, as a result, reduce the level of protection for the computer program as a whole, since this object depends on whether all its elements have the necessary protection. The objectives of the article are: to analyse the definition of a computer program; to establish the essential and non-essential elements included in the definition of a computer program and identified by scientific doctrine; to establish the adequacy of protection for the elements; to identify problems; and to formulate proposals for harmonising legislation.

Methodology In preparing this scientific article, the method of analysis was used in relation to computer programs, legal norms were interpreted, a comparative analysis was conducted of elements that are considered by legislators and scientific doctrine to be preparatory materials for computer programs in order to establish similarities and differences, and formal legal and abstract-logical methods were used to formulate a definition of «architecture». The study is based on current legislation regulating issues of intellectual activity results and scientific doctrine related to computer programs, to which the theoretical analysis method was applied.

Results/conclusions It is confirmed that a computer program is a multi-element object, the completeness of protection of which directly depends on the creator's

ability to extend their rights to all its essential elements. A new element of modern computer programs, such as «architecture», is identified, which does not receive the protection it deserves. It is proven that the synthesis of preparatory materials and «architecture», which is currently present, is impossible due to important differences in their legal nature. The article reveals the essence of «architecture», formulates its definition, and also draws attention to the fact that the development of artificial intelligence exacerbates the situation, as this makes the element even more in demand on the market today.

Keywords: *results of intellectual activity, computer program, software, computer program elements, architecture.*

Программа для ЭВМ является одним из самых противоречивых результатов интеллектуальной деятельности (далее – РИД), перечень которых закреплен в ст. 1225 Гражданского кодекса РФ (далее – ГК РФ).

В научном сообществе ведутся многочисленные споры на тему того, какую оптимальную и исчерпывающую форму правовой охраны предоставить этому объекту: авторское право; патентное право; законодательство *sui generis*; право на секрет производства (*ноу-хау*); законодательство о недобросовестной конкуренции.

Тем не менее сегодня в России подход к программам для ЭВМ становится все более последовательным и определенным, вносятся изменения, касающиеся требований к документам заявки на выдачу патента на изобретение. Теперь изобретения дополнительно расширяются новыми признаками для характеристики: «способов в области информационных технологий»; «способов в области информационных технологий, основанных на обработке данных с помощью искусственного интеллекта»; «программируемого (настраиваемого) многофункционального средства»; «программируемого (настраиваемого) многофункционального средства, воплощающего системы искусственного интеллекта»¹. Во всех этих характеристиках отводится важное место вычислительно-логическим операциям, которые выполняются программируемой средой, работающей в соответствии с программой для ЭВМ.

Очевидно, что законодательство России уже точно движется в сторону предоставления патентной охраны программам для ЭВМ, но только тогда, когда последние выступают частью технического решения. Стоит отметить, что такие предложения уже давно выдвигались в

¹ Приказ Минэкономразвития России (2024) – Приказ Министерства экономического развития Российской Федерации от 15.03.2024 № 148 «О внесении изменений в некоторые приказы Минэкономразвития России по вопросам государственной регистрации изобретения и полезной модели, а также проведения предварительного информационного поиска изобретения и полезной модели» (Зарегистрирован в Минюсте России 13.05.2024 № 78120) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405140063> (дата обращения: 16.11.2025).

диссертационной работе О.В. Ревинским. Автор доказал уместность ряда изменений в нормативные документы и обосновал то, что его предложения «дадут возможность заявлять в качестве изобретений именно те объекты, на которые желательно получить патентную охрану, – способы функционирования компьютеров или носители данных с программными продуктами» [1, с. 119].

Тем не менее, даже с учетом вышеизложенного такой объект, как программа для ЭВМ, получает не всестороннюю охрану. Чтобы продемонстрировать это, автор считает необходимым выделить в дефиниции «программа для ЭВМ» ряд элементов и показать, что не все из них получают свою правовую охрану, которая так необходима заинтересованным лицам, принимающим участие в разработке этого РИД.

Одним из основных отличий объектов системы интеллектуальных прав от всех других объектов гражданских прав является «идеальная природа, отсутствие материального характера, что роднит их с нематериальными благами» [2, с. 259]. Человек формирует свое представление об окружающем его мире, собирая сигналы, посредством органов чувств или специально созданных приспособлений, расширяющих границы восприятия. Совокупность таких сигналов, которым мы приписываем смысл, поступает человеку в мозг, и эта совокупность уже при помощи интеллектуального усилия, мышления, обрабатывается и отражается в сознании в виде образа, некоторой информации. Выражение таких сформировавшихся образов происходит за счет воплощения их в конкретных предметах уже материального мира. Тут стоит сразу оговориться, что один результат, который может быть воспринят уже другими людьми, включает в себя сразу целую плеяду самостоятельных образов автора, подчиненных общей цели. Развитие мышления дало возможность человеку формировать сложные структуры образов, объединенные в системы. Сегодня 17 видов объектов, представляющие собой сложные системы образов, поименованы и закреплены в перечне, который содержится в ст. 1225 ГК РФ.

Р.А. Евдокимов раскрывает в своей работе «концепцию понимания компьютерной программы как многогранного объекта, способного к одновременному применению нескольких форм и способов правовой охраны» [3, с. 146]. Фактически этот подход сводится к тому, что предлагает использовать нормы сразу всех доступных форм правовой охраны в тех пределах, в каких они позволяют, для более полной охраны объекта. Тут стоит также сказать, что многоэлементность программы для ЭВМ видело большинство ученых, что будет продемонстрировано далее.

Анализируя дефиницию «программы для ЭВМ», которая содержится в ст. 1261 ГК РФ, можно выделить следующие элементы, определяющие ее содержание: совокупность данных и команд; результат, на получение которого направлена программа для ЭВМ и который достигается при

помощи нее; подготовительные материалы, куда ученые включают абсолютно все документы, связанные с программой для ЭВМ, которые применялись при разработке, в том числе и блок-схемы; аудиовизуальные отображения. Научная доктрина не останавливается только на этих элементах этого РИД и, в свою очередь, также выделяет и другие: алгоритм (Н.Ю. Моченов, В.А. Корнеев, О.В. Ревинский, И.А. Носова, В.В. Черячукин, Б.М. Асфандиаров, Б.Е. Семенюта, А.А. Крыжановская, О.А. Городов, Р.А. Евдокимов, Е.А. Алексанян и др.); интерфейс (Н.Ю. Моченов, В.В. Черячукин, В.А. Корнеев, Б.М. Асфандиаров, Б.Е. Семенюта, Р.А. Евдокимов, Е.А. Алексанян и др.); название или логотип программы для ЭВМ (В.А. Корнеев, В.В. Черячукин, Р.А. Евдокимов и др.); процедура, избираемая для решения проблемы (В.А. Корнеев, В.В. Черячукин); режим функционирования системы (В.А. Корнеев); стиль программирования (В.А. Корнеев, В.В. Черячукин); идеи и принципы интерфейса (В.А. Корнеев, И.А. Носова, В.В. Черячукин, Б.М. Асфандиаров, Р.А. Евдокимов и др.); идеи и принципы самой программы для ЭВМ (В.А. Корнеев, И.А. Носова, В.В. Черячукин, Б.М. Асфандиаров, Р.А. Евдокимов и др.); назначение программы для ЭВМ (В.В. Черячукин).

Все выделенные элементы подразделяются на охраняемые и неохраняемые. Так, форме выражения программы для ЭВМ, подготовительным материалам различного характера, в том числе и блок-схемам, предоставляется охрана нормами авторского права. Если название или логотип являются результатом творческого труда автора, то они могут регистрироваться как товарный знак, или охраняться средствами защиты от недобросовестной конкуренции. Идеи, принципы интерфейса или самой программы для ЭВМ, процедуры, концепции, режимы функционирования систем, стиль программирования, назначение программы для ЭВМ не охраняются, их можно записать на бумаге, но тогда получит охрану текст, в котором будут изложены эти элементы.

Письменное закрепление будет охраняться нормами авторского права, но само содержание элементов не получит охрану, а ценным является именно оно. Закон в отношении таких РИД, выделенных из программы для ЭВМ, достаточно категоричен. Ничего не остается, кроме того, как устанавливать на эти элементы режим секрета производства, коммерциализация от этого становится невозможной. Интерфейс программы для ЭВМ можно охранять в качестве промышленного образца. Последовательность данных и команд, являющих собой алгоритм, можно охранять только нормами авторского права в качестве литературных произведений. Сейчас уже вполне успешно саму программу для ЭВМ можно охранять и нормами патентного права в качестве изобретения или полезной модели, но охраняться будет не сам алгоритм, как есть, а только при условии, если программа для ЭВМ является частью технического решения, например программируемое средство, находящееся в устройстве,

может работать под управлением программы для ЭВМ и таким образом давать возможность устройству выполнять какую-либо функцию, или программа для ЭВМ может быть частью какого-либо способа, например способа стимулирования роста клеток, при котором программируемое средство, работающее под управлением программы для ЭВМ, будет контролировать лампочки с целью поддержания наиболее выгодного уровня яркости света, стимулирующего еще больший рост клеток.

Все это дает право говорить о программе для ЭВМ как о многоэлементном объекте, включающем в себя с точки зрения ГК РФ множество сложных систем образов. Сегодня основная часть существенных элементов программы для ЭВМ получает должную охрану, но, тем не менее, такой важный элемент, как «архитектура программы для ЭВМ», до этого момента еще не выделялся в доктрине. Очень косвенно про «архитектуру» уже говорили некоторые ученые, но они не концентрировали на ней особого внимания, не осмыслили ее должным образом, не имели точного понимания, что она из себя представляет, и не думали о том, что и этому элементу требуется должная охрана, так как заинтересованные авторы хотели бы установить свои права на этот элемент, который является таким же РИД и который может выступить самостоятельным элементом объекта, как, например, уже делается для персонажа произведения. Этот элемент программы для ЭВМ не выделялся, а только подразумевался всеми учеными и относился ими в общую группу подготовительных материалов, полученных в ходе разработки. Так, Н.Ю. Моченов выделял этап, предшествующий написанию самой программы для ЭВМ, и писал: «Этап проектирования, который можно сравнить с изготовлением некоего «чертежа» программы. На этом этапе определяется какова будет структура самой программы» [4, с. 30]. Н.Ю. Моченов называет результат разработки всех подготовительных элементов программы для ЭВМ, куда входит и архитектура, «проектным решением»: «Проектные решения являются более универсальными объектами, нежели готовая программа, что связано со значительной свободой автора при выборе средств их выражения. Вместе с тем все эти средства подчиняются определенной логике, законам, их выбор обусловлен не только желанием автора, но и характером стоящей перед ним задачи» [4, с. 33].

Е.А. Алексанян в своей статье отмечает, что чаще всего «подготовительные материалы содержат подробное описание деятельности программы, позволяющее понять принцип действия программы, структуру ее команд и иные сведения, с помощью которых можно вновь создать программу» [5, с. 2]. Если сказать точнее, то подготовительные материалы не позволяют понять «принцип действия программы, структуру ее команд». Эту важную содержательную часть будущей программы для ЭВМ несет в себе один конкретный элемент, «архитектура», позволяющий реализовывать в соответствии с ним, если будут вестись параллельные

разработки, разные программы, которые при этом будут содержать одинаковое логическое преимущество. Из-за того, что сейчас «архитектура» входит в подготовительные материалы, она не может получить отдельную достаточную правовую охрану, а нормы авторского права не позволяют это сделать. Подтверждает это и п. 3 ст. 1270 ГК РФ, в котором сказано, что практическое применение положений, составляющих содержание произведения, в том числе положений, представляющих собой техническое, экономическое, организационное или иное решение, не является использованием произведения.

Такое второстепенное отношение к «архитектуре программы для ЭВМ» обусловлено еще и тем, что раньше программы для ЭВМ писались при помощи низкоуровневых языков программирования, которым на этапе проектирования предшествовала блок-схема, так как именно она определяла, какую переменную создать, какие данные в нее записать, какую команду для обработки данных вызвать или в какую ветвь логического условия продолжить выполнение программы для ЭВМ, что соотносилось с синтаксисом низкоуровневого языка, оперирующего очень конкретными, узкими по своей ответственности, командами для ЭВМ. На сегодняшний момент блок-схемы практически не составляются, абстракция языков программирования очень сильно поднята, а с распространением разных моделей искусственного интеллекта, обученных на открытых исходных кодах программистов, знание синтаксиса, даже абстрактных языков, уже не является необходимым, достаточно правильно, в соответствии с законами логики, излагать свои мысли и четко ставить конкретные задачи. Модель искусственного интеллекта с тем или иным уровнем качества сможет написать программу для ЭВМ, разработчику остается ее только отредактировать и если какой-то модуль был неудачно спроектирован, то переделать его. В такой ситуации на первый план в программе для ЭВМ выходит именно «архитектура», этот элемент позволяет получить логическое преимущество при условии, если он очень хорошо проработан, и программа для ЭВМ будет написана строго в соответствии с ним. Занимаются разработкой таких «архитектурных решений» чаще всего высококвалифицированные кадры, но никто не мешает и среднему разработчику придумывать свои решения организации программы для ЭВМ. Младшие программисты тоже могут что-то спроектировать, но скорее всего их продукт будет представлять собой конкретное решение поставленной задачи, а не проработанное, универсальное, способное к гибкому масштабированию программы для ЭВМ решение.

Уже сегодня огромное количество разработчиков создает как самостоятельно, так и совместно с другими авторами свои «архитектурные решения». В крупных IT-компаниях уже давно нанимают инженеров на позицию – «архитектор программного обеспечения», такой специалист

может вообще не писать исходный код, а заниматься исключительно проработкой «архитектурных решений» как текущего функционала в развитие программы для ЭВМ, так и программ для ЭВМ, которые пишутся с нуля. Из-за невозможности использовать этот элемент программы для ЭВМ как некий актив на рынке на него устанавливается режим секрета производства, а независимые разработчики делают свои «архитектурные проекты» по большей части только для себя или для закрытых сообществ, не имея возможности должным образом охранять такие результаты своей интеллектуальной деятельности, так как им не предоставляется должная правовая охрана.

Чтобы предоставить этому элементу охрану, нужно понимать, что он из себя представляет. Обратимся к авторитетному стандарту, в котором сказано, что «архитектура» – это «основные понятия или существенные свойства системы в окружающей среде и связанных процессах жизненного цикла системы, воплощенные в ее элементах, отношениях и конкретных принципах ее разработки, эксплуатации, сопровождения, модернизации и развития»¹. Также в стандарте сказано, что термин «система» используется «для обращения к конкретным сущностям, архитектура которых подлежит описанию». Ниже приводится уточнение, что требуется понимать под конкретными сущностями: системы (раскрыто в ГОСТ Р 57193); программные системы и средства (раскрыто в ГОСТ Р ИСО/МЭК 12207, ГОСТ Р 51904, ГОСТ Р 58412); промышленные объекты (раскрыто в ГОСТ Р ИСО 14258, ГОСТ Р ИСО 15704); сервисы и услуги (раскрыто в ГОСТ Р ИСО/МЭК 20000-1, ГОСТ Р 57839)². Из этого вполне логично следует, что программа для ЭВМ представляет из себя систему, конкретные сущности которой – модули, элементы, осуществляющие некую свою узкую работу, подчинены строгой организации, являющей собой «архитектуру программы для ЭВМ». Стандарт обращает также внимание, что «архитектура» представляет собой то, что является наиболее существенным для самой системы и не ограничивается конкретным одним элементом, а включает в себя: системные компоненты или элементы; устройство или взаимосвязь системных элементов; принципы организации системы или проекта; принципы, управляющие развитием системы в ее жизненном цикле. Из этого можно сделать вывод, что только их совокупность образует «архитектуру программы для ЭВМ», а не их отдельные части.

Результатом разработки на этапе проектирования такого элемента, как «архитектура», в соответствии с которой будет написана программа для ЭВМ, является «архитектурное решение», выступающее законченным

¹ ГОСТ Р 57100-2025 42010:2011 (2025) – ГОСТ Р 57100-2025 42010:2011. Системная и программная инженерия. Описание архитектуры. – Введ. 2025-03-25. – М.: Стандартиформ, 2025. – 32 с.

² Там же.

проектом, являющим собой для разработчиков руководство к действию.

Опираясь на изложенный анализ, сформулируем определение этого существенного элемента программы для ЭВМ: архитектура программы для ЭВМ представляет собой комплекс конкретных логических решений, позволяющий получить логическое преимущество в случае написания в соответствии с ним программы для ЭВМ, который включает в себя различные структурные элементы, имеющие свои собственные свойства: интерфейс, тип связи, соединение с другими структурными элементами, область ответственности, определяющую поведение, – все эти свойства каждого структурного элемента подчиняются совокупности концепций и принципов, представляющей собой архитектурный стиль, который направляет всю организацию системы структурных элементов как внутри себя, так и в рамках взаимодействия с другими системами.

Архитектура программы для ЭВМ выражается в детализированной и проработанной схеме абстрактных сущностей. Первым делом разработчик определяет, сколько существенных элементов (модулей) ему потребуется выделить в программе для ЭВМ. Эти элементы определяются посредством деления конечной цели на области ответственности, которые и будут определять поведение модулей. Таких основных областей ответственности может быть несколько, что и определит количество элементов. Очень важно выделять только необходимые и достаточные единицы для достижения цели, не перегружая вспомогательными элементами «архитектуру программы для ЭВМ» и не вдаваясь в подробности конкретного решения задачи. Именно это и отличает «архитектуру» от блок-схемы. Последняя являет собой уже конкретизированное решение, в котором логические операции отражены с помощью геометрических фигур (блоков) и последовательности действий (стрелочек). Фактически блок-схема представляет собой алгоритм программы для ЭВМ в более понятной человеку форме, где даже сами фигуры блоков определяют тип действия, а стрелочки – последовательность логического условия, к какой части программы нужно перейти. В архитектуре тоже есть стрелочки, но они определяют лишь наличие связи между двумя абстрактными модулями, дают понять, что эти элементы программы для ЭВМ между собой взаимодействуют. Взаимодействие между модулями происходит посредством интерфейса. Интерфейс являет собой не то, что видит пользователь, например на веб-сайте, а совокупность методов, каждый из которых можно вызвать у модуля, чтобы получить результат его работы. Один абстрактный элемент может уметь выполнять сразу несколько разных действий, именно по этой причине у него и есть совокупность методов, которая и являет собой интерфейс. Если захотеть определить место блок-схемы в этой цепочке, то фактически блок-схемой может быть описана конкретная работа одного метода абстрактного элемента «архитектуры». Для взаимодействия модулей, помимо совокупности методов, также важен

тип связи, который определен в методе, т.е. какие дополнительные данные нужно передать в метод, чтобы модуль мог выполнить внутри него последовательность действий и вернуть результат, который нужен вызывающему его модулю. Тут стоит оговориться, что не всем методам элемента «архитектуры» нужно что-то передавать, какая-то работа может выполняться самостоятельно. Вся эта большая система, выраженная в элементах и их связях, может подчиняться определенным принципам или концепциям программирования, которых очень много. В одном «архитектурном решении» профессиональный разработчик может задействовать сразу несколько принципов и концепций программирования, если это уместно и позволяет получить логическое преимущество для будущей написанной в соответствии с этим решением программы для ЭВМ.

Такой «архитектурный проект» чаще всего включает в себя абстрактную схему существенных модулей, их связей, расписанных детально интерфейсов и типов связей. Тут нужно понимать, что это не конкретная реализация задачи, не алгоритм, а абстрактно описанное будущее решение, отражающее совокупность элементов и особенности их связей, которое позволяет получить логическое преимущество. Это логическое преимущество может сэкономить огромные деньги компании, даже не миллионы. Плохо написанная программа для ЭВМ при ее расширении в какой-то момент может потребовать полного отказа от текущей реализации и написания новой программы для ЭВМ с нуля, потому что такая «плохая» программа в какой-то момент может перестать позволять расширяться или при каждом добавлении новой функциональности будет порождать огромное количество ошибок.

По поводу наличия ошибок, которые могут приводить к серьезным сбоям в работе программы для ЭВМ, что, в свою очередь, способно породить негативные последствия, некоторые ученые уже высказывались. Так, А.А. Крыжановская в своей диссертации предлагает рассматривать сложные программы для ЭВМ «источником повышенной опасности» и считает необходимым ввод нового субъекта - «Специализированный оператор сложных программ для ЭВМ» - который будет нести ответственность за вред, причиненный программой для ЭВМ [6, с. 14]. На наш взгляд, ужесточение требований в этой сфере приведет к тому, что такие РИД будут создаваться все меньше, что существенно замедлит эту сферу и рынок. Необходимо, наоборот, проанализировать этот объект и предоставить должную правовую охрану всем существенным элементам программы для ЭВМ, чтобы на всех этапах авторы, принимающие участие в разработке, могли ввести в оборот свои права. Выделение «архитектуры» из программы для ЭВМ и добавление возможности установления на этот элемент прав авторов стимулирует появление более качественных и проработанных решений, которые за счет своего логического

преимущества будут исключать ошибки или существенно снижать их.

Сегодня «архитектурное решение» охраняется нормами авторского права. Это приводит к тому, что важным признается только форма такого элемента программы для ЭВМ, но этого недостаточно, так как форма элемента является содержательной, она подчинена определенным логическим закономерностям, обусловленным самой задачей, стоящей перед ее автором. Схему можно выразить разными способами, но ее суть останется такой же: интерфейсы; типы связей; существенные элементы; взаимодействие именно модуля А с модулем В, так как нельзя сделать так, чтобы элемент В стал вызывать метод у элемента А, потому что модуль В находится на своем определенном, обусловленном логикой месте в соответствии со схемой и т.д.

Важно отметить, что по одному «архитектурному решению» может быть реализовано сразу несколько разных программ для ЭВМ. У них может быть одинаковая «архитектура», но детали реализации - отличаться.

Таким образом, программа для ЭВМ как объект системы интеллектуальных прав представляет собой многоэлементный РИД, не все элементы которого должным образом получают сейчас правовую охрану. Если с отсутствием предоставления охраны для объектов, указанных в п. 5 ст. 1259 ГК РФ, еще можно согласиться, так как это является понятным решением, направленным на предотвращение возникновения монополии на рынке, то препятствий для предоставления должной охраны разработанной «архитектуре программы для ЭВМ» нет. Развитие моделей искусственного интеллекта дополнительно обязывает взглянуть по-новому на программы для ЭВМ и предоставить всем ее существенным элементам должную охрану. Система правовой охраны для этого элемента будет изложена автором в следующей статье.

Список источников:

1. Ревинский (2000) – Ревинский О.В. Правовые аспекты отграничения охраноспособных решений в области компьютерных технологий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / О.В. Ревинский; Российское агентство по патентам и товарным знакам (РОСПАТЕНТ), Рос. ин-т интеллект. собственности (РИИС). – М., 2000. – 144 с.
2. Суханов (2023) – Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Статут, 2023. – Т. 2. – 508 с.
3. Евдокимов (2015) – Евдокимов Р.А. Правовое регулирование охраны компьютерных программ (теоретические и практические проблемы): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Р.А. Евдокимов; Рос. гос. акад. интеллект. собственности. – М., 2015. – 213 с.
4. Моченов (2007) – Моченов Н.Ю. Правовая охрана программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Н.Ю. Моченов; Рос. гос. ин-т интеллектуал. собственности. – М., 2007. – 137 с.
5. Алексанян (2024) – Алексанян Е.А. Программы для ЭВМ как объект промышленной собственности // Международный научно-исследовательский журнал. 2024. № 11 (149). Вып. 11. С. 1-5.

6. Крыжановская (2009) – Крыжановская А.А. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный в связи с использованием сложных программ для ЭВМ: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / А.А. Крыжановская; Ин-т законодательства и сравнит. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М., 2009. – 174 с.

References:

Revinskiy (2000) – Revinskiy O.V. Legal Aspects of Delimiting Protectable Solutions in the Field of Computer Technologies [Pravovye aspekty otgranicheniya okhranosposobnykh resheniy v oblasti komp'yuternykh tekhnologiy]: thesis ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / O.V. Revinskiy; Russian Agency for Patents and Trademarks (ROSPATENT), Russian Institute of Intellectual Property (RIIS). – М., 2000. – 144 p.

Sukhanov (2023) – Civil Law [Grazhdanskoe parvo]: textbook: in 4 vols. / ed. by E.A. Sukhanov. – 3rd ed., revised and enlarged. – М.: Statut, 2023. – Vol. 2. – 508 p.

Evdokimov (2015) – Evdokimov R.A. Legal Regulation of Computer Program Protection (Theoretical and Practical Issues) [Pravovoe regulirovanie okhrany komp'yuternykh programm (teoreticheskie i prakticheskie problemy)]: thesis ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / R.A. Evdokimov; Russian State Academy of Intellectual Property. – М., 2015. – 213 p.

Mochenov (2007) – Mochenov N.Yu. Legal Protection of Computer Programs [Pravovaya okhrana programm dlya EVM]: thesis ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / N.Yu. Mochenov; Russian State Institute of Intellectual Property. – М., 2007. – 137 p.

Alexanyan (2024) – Alexanyan E.A. Computer programs as an object of industrial property [Programmy dlya EVM kak obyekt promyslennoy sobstvennosti] // International Research Journal [Mezhdunarodny nauchno-issledovatel'skiy zhurnal]. 2024. No. 11 (149). Iss. 11. P. 1-5.

Kryzhanovskaya (2009) – Kryzhanovskaya A.A. Civil Liability for Damage Caused by the Use of Complex Computer Programs [Grazhdansko-pravovaya otvetstvennost' za vred, prichinenny v svyazi s ispol'zovaniem slozhnykh programm dlya EVM]: thesis ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / A.A. Kryzhanovskaya; Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. – М., 2009. – 174 p.

Гражданское право

УДК 347.191.4

JEL K15

АНАНЬЕВА Анна Анатольевна

Российский государственный университет правосудия имени
В.М. Лебедева, ул. Новочерёмушкинская, 69, Москва, 117418, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-2018-9918>

Ананьева Анна Анатольевна, Заведующий кафедрой гражданского права,
доктор юридических наук, доцент. E-mail: annaslast@mail.ru

**КВАЛИФИКАЦИЯ ДОГОВОРА О ПЕРЕДАЧЕ ПОЛНОМОЧИЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ОРГАНА УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ
(УПРАВЛЯЮЩЕМУ)**

Аннотация:

Предмет/тема. Статья посвящена исследованию правовой природы договора о передаче полномочий исполнительного органа управляющей организации или управляющему. Рассматриваются особенности правового статуса управляющего лица, соотношение данного договора с трудовым договором, договором поручения, агентским договором, а также проблемы квалификации подобного соглашения с точки зрения гражданского права.

Цели/задача. Цель исследования заключается в квалификации договора о передаче полномочий исполнительного органа управляющей организации или индивидуальному предпринимателю. Основные задачи исследования включают изучение имеющихся в доктрине и судебной практике подходов к квалификации договора о передаче полномочий исполнительного органа управляющей организации или управляющему, формирование авторской позиции по исследуемому вопросу.

Методология. Методологическая основа исследования включает комплекс методов научного познания, таких как анализ, синтез, сравнение, моделирование и другие.

Вывод. Итоги исследования позволяют сделать заключение о том, что договор о передаче полномочий исполнительного органа управляющей организации или управляющему имеет смешанную, двухуровневую природу, где уровень передачи полномочий обеспечивает юридическое основание для реализации управленческой функции, а уровень оказания услуг по управлению конкретизирует содержание деятельности управляющего, создавая обязательственную связь между сторонами. Он сочетает в себе два начала: организационно-правовое, которое заключается в делегировании полномочий исполнительного органа (этот уровень по своей природе является корпоративным, поскольку затрагивает структуру органов юридического лица и перераспределение компетенций между ними), и обязательственное, заключающееся в оказании управляющих услуг. В этом и заключается его специфика как особого договора, соединяющего нормы корпоративного и гражданского права.

Ключевые слова: *передача полномочий, единоличный исполнительный орган, управляющая организация, управляющий, корпоративное управление*

Civil law

Anna A. Ananyeva

Head of the Department of Civil Law at Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev, Moscow, Russia

QUALIFICATION OF THE CONTRACT ON THE TRANSFER OF FUNCTIONS OF THE EXECUTIVE BODY OF COMPANY TO THE MANAGEMENT COMPANY (MANAGER)

Abstract

Subject/Topic This article examines the legal nature of the contract on the transfer of functions of the executive body of company to the Management Company or manager. It examines the legal status of the manager, the relationship of this agreement to an employment contract, a commission agreement, and an agency agreement, as well as the challenges of qualifying such an agreement from a civil law perspective.

Objectives/Task The purpose of this study is to qualify the contract on the transfer of functions of the executive body of company to the management company or manager. The main objectives of the study include examining existing doctrinal and judicial approaches to the qualification of the contract on the transfer of functions of the executive body of company to the management company or manager, and formulating the author's position on the issue under study.

Methodology The methodological basis of the study includes a range of scientific methods, such as analysis, synthesis, comparison, modeling, and others.

Conclusion The results of the study allow us to conclude that the agreement on the transfer of powers of the executive body to the management organization or manager has a mixed, two-tier nature, where the level of delegation of authority provides the legal basis for the implementation of the management function, and the level of provision of management services specifies the content of the manager's activities, creating a binding relationship between the parties. It combines two principles: the organizational and legal element, which consists of delegating the powers of the executive body (this level is corporate in nature, as it affects the structure of the legal entity's bodies and the redistribution of competencies between them), and the binding element, which consists of providing management services. This is its specificity as a special agreement, combining the norms of corporate and civil law.

Keywords: *transfer of functions, delegation of authority, sole executive body, management company, manager, corporate governance*

Современное развитие корпоративных отношений в России демонстрирует устойчивую тенденцию к разнообразию моделей управления хозяйственными обществами. Одной из таких конструкций стал договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации (управляющему).

С самого момента его нормативного закрепления данный институт вызывал широкий научный и практический интерес, став предметом многочисленных дискуссий о его правовой природе и месте в системе обязательственного права. Даже в судебной практике обнаружилась

неоднородность подходов. Подобная разноплановость свидетельствует скорее не о правовых пробелах, а больше о неопределённости относительно правовой сущности такого договора.

Несмотря на имеющийся массив судебных актов и научных публикаций по данному вопросу, остаются нерешёнными многие вопросы: в какой мере принцип свободы договора допустим при делегировании отдельных полномочий; каково соотношение статуса управляющего (или управляющей организации) с иными субъектами корпоративного управления; ну, и в конце концов, какова правовая природа исследуемого договора.

Так, с момента внесения в законодательство нормы, предусматривающей возможность заключения договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа хозяйственного общества гражданину или юридическому лицу, вопрос о правовой природе такого договора стал предметом активных научных и практических дискуссий. На протяжении всего времени существования этой нормы в правоприменительной практике сформировалось несколько подходов к определению сущности данного договора.

Первый подход заключается в признании такого договора разновидностью договора возмездного оказания услуг. В рамках этой концепции управляющая организация оказывает корпорации услуги управленческого характера, действуя на возмездной основе. При этом некоторые суды, уточняя данную позицию, квалифицируют указанный договор как смешанный, с преобладающими элементами договора возмездного оказания услуг¹.

Второй подход основывается на том, что договор о передаче полномочий исполнительного органа является непоименованным договором в рамках отечественного гражданского законодательства и специальных законов. Здесь суды исходят из уникальности правового содержания такого договора, обусловленного сочетанием элементов организационно-правовых и управленческих отношений².

Не является исключением и доктрина, в которой также отсутствует единообразие мнений по данному вопросу. Ряд исследователей указывает на специфический характер исследуемых правоотношений, заключающийся в том, что передача полномочий исполнительного органа

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 15.08.2024 № Ф08-6473/2024 по делу № А53-8408/2023; Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 28.10.2014 по делу № А67-1985/2014; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.10.2017 N Ф10-3137/2017 по делу N А54-6457/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

² См., например: Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 01.08.2025 N Ф09-2193/25 по делу № А71-14151/2024; Постановление ФАС Северо-Кавказского округа от 19.06.2013 по делу № А53-27161/2012 // СПС «КонсультантПлюс».

не ограничивается оказанием услуг, а предполагает фактическое участие в управлении юридическим лицом от его имени и в его интересах, что придаёт такому договору особую правовую природу, выходящую за рамки классической конструкции вышеуказанного договора.

Так, О.М. Олейник отмечает, что договор о передаче полномочий управляющей организации (управляющему) представляет собой прямо не поименованное в ГК РФ (но и не запрещенное действующим законодательством) соглашение, предметом которого являются действия управляющей организации (управляющего) по оказанию юридическому лицу (обществу) юридико-фактических услуг [1, с. 157]. При этом автор подчеркивает, что вопрос о квалификации договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа, заключенного с управляющей организацией (управляющим), был разрешен в Постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 23.01.2007 № 11578/06, в котором высказывается позиция о том, что договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации (индивидуальному предпринимателю) является гражданско-правовой сделкой, в силу которой управляющая организация (управляющий) обязуется оказывать юридическому лицу (обществу) управленческие услуги и наделяется в связи с этим полномочиями по распоряжению имуществом общества.

Д.И. Степанов, являясь сторонником подхода, допускающего квалификацию договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа как агентского, отмечает, что именно агентская конструкция предоставляет возможность определять лишь общие рамки полномочий агента, не конкретизируя каждое из них в договоре. По мнению исследователя, предметом такого договора может выступать как совершение юридических, так и фактических действий в интересах принципала [2, с. 68]. Его тезис подтверждает и Н.В. Козлова, отмечающая, что на практике при передаче полномочий единоличного исполнительного органа, хозяйственное общество также нередко заключает агентский договор [3, с. 51].

Нам представляется неверным такой подход. Несмотря на внутреннюю логичность этой аргументации, представляется, что позиция о тождестве договора управления и агентского договора в корне не отражает сущности исследуемого правоотношения. Поскольку управляющий получает полномочия не просто представлять принципала, он по своей сущности становится исполнительным органом общества: руководит текущей деятельностью общества, заключает от имени общества сделки, выдает доверенности, осуществляет функции работодателя по отношению к работникам общества, представляет общество как налогоплательщика и др.

Кроме того, прослеживается (пусть и несущественное) различие в статусе субъектов. Если в агентском договоре речь идёт о любых субъектах

гражданского оборота, то при толковании статьи 42 Федерального закона от 08.02.1998 №14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» мы видим, что стороной договора может быть [4]:

1) управляющий, то есть физическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность;

2) управляющая организация в лице коммерческого юридического лица любой организационно-правовой формы.

Таким образом, агентская модель оказывается концептуально неспособной отразить специфику корпоративно-организационного компонента этих отношений.

Требует дополнительной аргументации и точка зрения В.В. Кулакова, согласно которой целесообразно отнесение исследуемого договора к договору поручения [5]. Сущность и содержание предмета договора поручения, как следует из статьи 971 ГК РФ, заключаются в совершении поверенным юридических действий от имени и за счёт доверителя, то есть в представительской деятельности. Между тем управляющая организация, получившая полномочия единоличного исполнительного органа, не выступает представителем общества, а действует от его имени как орган юридического лица, формируя и выражая волю корпорации во внешних отношениях. Следовательно, природа данного договора не сводится к классическому посредническому обязательству, поскольку направлена на передачу объёма полномочий, несоизмеримого с тем, что может быть передано по доверенности в классической модели договора поручения.

Кроме того, в научной литературе достаточно последовательно прослеживается направление, в рамках которого договор между обществом и лицом, осуществляющим функции единоличного исполнительного органа, рассматривается как разновидность трудового договора.

Сторонники данного подхода исходят из того, что руководитель общества, несмотря на занимаемое им особое положение, по своей сущности остаётся наёмным работником, а его деятельность осуществляется в интересах и под контролем собственника имущества. Согласно их позиции, отношения между обществом и руководителем подчиняются прежде всего нормам трудового законодательства, поскольку именно Трудовой кодекс прямо закрепляет специфику труда работника организации. Так, В.А. Белов указывает, что договор с лицом, исполняющим функции единоличного исполнительного органа, по своей природе является трудовым и должен отвечать требованиям трудового законодательства [6, с. 21]. Он же подчёркивает, что придание физическому лицу статуса директора само по себе не создаёт гражданско-правовых отношений [6, с. 21], а Г.Л. Рубеко развивает эту позицию, рассматривая деятельность руководителя как «особую трудовую функцию», связанную с управлением организацией, и настаивает на необходимости регулировать эти отношения в рамках трудового права,

учитывая их специфическую природу [7, с. 32].

Однако, при всей логичности данной концепции, такой подход представляется ограниченным и не соответствующим действительной правовой природе исследуемого нами договора.

Во-первых, отношения, возникающие на основании этого договора, не укладываются в рамки классической модели трудового подчинения. Управляющая организация (или управляющий) действует не как наёмный работник, а как самостоятельный субъект гражданского оборота, несущий предпринимательский риск и выступающий по отношению к обществу на возмездной основе. Во-вторых, отсутствует элемент личного труда, обязательный для трудового договора: управляющий может привлекать работников, специалистов, консультантов, тем самым реализуя деятельность не индивидуально, а организационно-обособленно. На этот же аспект указывает И.С. Шиткина, отмечая, что при реализации полномочий управляющая организация в пределах компетенции может осуществлять комплекс управленческих услуг (юридическое обеспечение, финансовый менеджмент, бухгалтерский учет, экономическое сопровождение, инвестиционный консалтинг и др.) [8, с. 182-193].

В-третьих, общество не осуществляет непосредственного контроля над процессом исполнения обязанностей управляющим, ограничиваясь лишь субъективной оценкой конечного результата – эффективности управления. Это сближает исследуемое правоотношение с гражданско-правовыми конструкциями, а не с трудовыми.

Наконец, специфическая роль управляющего кроется не в выполнении трудовой функции, а в осуществлении властно-распорядительных полномочий органа юридического лица, что принципиально несовместимо с положением наёмного работника, находящегося в подчинении работодателя. Следовательно, договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа не может рассматриваться ни как трудовой, ни как сочетающий в себе элементы гражданского и трудового договоров. Это качественно иная конструкция, требующая правового осмысления в рамках исключительно гражданско-правовой модели.

Не соответствует действительности и отнесение договора о передаче полномочий исполнительного органа к разновидности договора доверительного управления (далее – ДДУ), которой, в частности, придерживается Э.Р. Мартиросян, относя руководителя организации к доверительному управляющему [9, с. 53].

Существо ДДУ состоит в передаче имущества в самостоятельное владение и распоряжение доверительного управляющего с целью извлечения прибыли или сохранения его стоимости, тогда как в рассматриваемом случае речь идёт не об управлении имуществом как объектом гражданских прав, а об управлении юридическим лицом как субъектом и его имуществом – как объектом права. Управляющая

организация, наделённая полномочиями единоличного исполнительного органа, действует от имени самого общества, а не в собственных интересах и не от своего имени. Хотя в пределах своих полномочий она вправе распоряжаться имуществом управляемого общества, её действия юридически тождественны действиям самого юридического лица. Иными словами, управляющая организация не приобретает статус доверительного управляющего, а лишь становится функциональным продолжением воли общества в лице его исполнительного органа.

Ещё Е.А. Суханов обращал внимание на необходимость строго различать доверительное управление имуществом и управление организацией. Учёный подчёркивал, что в первом случае объектом управления является имущество как самостоятельный комплекс прав и обязанностей, тогда как во втором – организация как субъект права, действующий через свои органы [10, с. 81].

Данная логика представляется методологически верной. При доверительном управлении управляющий действует от своего имени, хотя и в интересах учредителя управления; при управлении организацией управляющий (или управляющая организация) действует от имени самой организации, не вступая с ней в гражданско-правовые отношения по поводу имущества. Это фундаментальное различие исключает возможность квалификации исследуемого договора как договора доверительного управления.

Кроме того, характерная для доверительного управления обособленность имущества полностью отсутствует в договоре о передаче полномочий исполнительного органа. Имущество общества не выделяется в отдельную массу, не учитывается обособленно на балансе управляющей организации и не переходит в её владение. Соответственно, отсутствует основной элемент правовой конструкции доверительного управления – временная передача имущественного комплекса в самостоятельное управление.

Закономерно в этой связи прийти к выводу, что правовая природа исследуемого договора лежит в иной плоскости – это самостоятельный гражданско-правовой договор, в котором корпоративные и обязательственные элементы соединяются особым образом.

На основании изложенного анализа доктринальных подходов к правовой природе договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа, представляется логически верной позиция, согласно которой данный договор надлежит квалифицировать как смешанный, не поименованный в гражданском законодательстве договор. Ранее мы уже обращали внимание на двухуровневое существо такого договора, где первый уровень представляют договоры о передаче полномочий, а второй – договоры на оказание услуг по управлению [11, с. 28].

Представляется, что данная концепция заслуживает поддержки, поскольку она наиболее последовательно отражает реальный юридический и экономический смысл рассматриваемого договора. Действительно, он сочетает в себе два начала: организационно-правовое, которое заключается в делегировании полномочий исполнительного органа (этот уровень по своей природе является корпоративным, поскольку затрагивает структуру органов юридического лица и перераспределение компетенций между ними), и обязательственное, кроющееся в оказании управляющих услуг. Так, последующее регулирование действий управляющего, порядка их осуществления, а также условия возмездности носят обязательственный характер, близкий к модели договора возмездного оказания услуг. Здесь проявляется вторая, функциональная составляющая отношений между обществом и управляющим.

По договору о передаче полномочий единоличного исполнительного органа управляющей организации или управляющему одна сторона (управляющий) в интересах, за вознаграждение и за счёт заказчика и (или) указанных им лиц (выгодоприобретателей) реализовывает приобретённые им полномочия посредством воздействия на объекты управления в целях обеспечения, определенных договором, законом или уставом организации целей. При этом под содержанием предмета договора о передаче полномочий следует понимать совокупность управленческих правомочий, делегируемых управляемым обществом управляющей организации или управляющему.

Важно подчеркнуть и следующее: хотя принцип свободы договора и допускает возможность заключить договор смешанный, он не означает абсолютной способности передать тот объём, который законодатель отнёс к исключительной компетенции постоянно действующего единоличного исполнительного органа в лице директора.

М.Н. Илюшина в этой связи отмечает следующие группы полномочий:

- 1) полномочия на изменение учредительных сведений в ЕГРЮЛ;
- 2) полномочия по внесению изменений в учредительные документы и созыву общего собрания;
- 3) полный объём полномочий, переданный по доверенности или приказу [12].

Эти вопросы по своей природе относятся к исключительной компетенции корпоративных органов и не сводятся к исполнительной функции. Любое соглашение, которое фактически подменяет или перераспределяет полномочия, отнесённые законом к иным органам юридического лица, будет противоречить нормам корпоративного права и, как следствие, в судебном порядке может быть признано недействительным в соответствующей части. Так, ряд полномочий остаётся закреплённым за постоянно действующим исполнительным органом.

Таким образом, несмотря на существующие научные дискуссии,

договор о передаче полномочий единоличного исполнительного органа не может рассматриваться как единая, выделенная в отдельный вид, договорная модель. Представляется, что позиция, сформулированная Президиумом Высшего арбитражного суда Российской Федерации в своем постановлении, является обоснованной, поскольку в данном договоре действительно прослеживаются отличительные особенности, затрудняющие его отнесение к уже устоявшимся видам обязательственных договоров, поименованных в гражданском законодательстве¹.

Одновременно с тем что исследуемый договор содержит элементы возмездного оказания услуг, управляющая организация фактически наделяется полномочиями органа юридического лица (конструкция договора содержит формулировки-маркеры «от имени общества», «за счёт общества»), что в свою очередь делает невозможным полное признание такого договора договором возмездного оказания услуг².

Он имеет смешанную, двухуровневую природу, где уровень передачи полномочий обеспечивает юридическое основание для реализации управленческой функции, а уровень оказания услуг по управлению конкретизирует содержание деятельности управляющего, создавая обязательственную связь между сторонами. В этом и заключается его специфика как особого договора, соединяющего нормы корпоративного и гражданского права.

Список источников:

1. Олейник (2015) – Олейник О.М. Договор о передаче полномочий исполнительного органа общества: проблемы квалификации и применения // Закон. 2015. № 12. С. 150-158.
2. Степанов (2000) – Степанов Д.И. Компания, управляющая хозяйственным обществом // Хозяйство и право. 2000. № 10. С. 60-73.
3. Козлова (2004) – Козлова Н.В. Гражданско-правовой статус органов юридического лица // Хозяйство и право. 2004. № 8. С. 42-60.
4. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федеральный закон от 08.02. 1998 № 14 // Собрание законодательства РФ. 16.02.1998. № 7. Ст. 785.
5. Кулаков (2010) – Кулаков В.В. Обязательство и осложнение его структуры в гражданском праве России: монография. 2-е изд., перераб. и доп. М.: РАП. 2010. 238 с.

¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 23.01.2007 N 11578/06 по делу № А11-7485/2005-К1-4/498

² Форма договора о передаче полномочий единоличного исполнительного органа общества с ограниченной ответственностью управляющему - индивидуальному предпринимателю. URL: <https://demo.consultant.ru/cgi/online.cgi?req=doc&base=PAP&n=44748&cacheid=1A5F061D53377A24F032C273BED2284E&mode=splus&rnd=zKuco0VhWuhizFw#CJNho0VimOkkhJun> (дата обращения: 12.10.2025)

6. Белов (2004) – Белов В.А. Оформление сделок хозяйственных обществ, совершаемых их управляющими (на примере доверенностей) // Законодательство. 2004. №10. С. 21-28.

7. Рубеко (2005) – Рубеко Г.Л. Исполнительные органы акционерных обществ: особенности правового статуса // Хозяйство и право. 2005. №12. С. 28-34.

8. Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: т. 2 / под ред. И.С. Шиткиной. М.: Статут. 2021. 486 с.

9. Мартиросян (1996) – Мартиросян Э.Р. Правовая природа отношений между руководителем организации и собственником ее имущества // Государство и право. 1996. № 10. С. 48-53.

10. Суханов (2000) – Суханов Е.А. Договор доверительного управления имуществом // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2000. № 1. С. 81-94.

11. Ананьева (2021) – Ананьева А.А. Индивидуальное договорное регулирование передачи полномочий управляющему // Российское правосудие. 2021. № 8. С. 25-33.

12. Илюшина (2022) – Илюшина М.Н. Проблема передачи полномочий единоличного исполнительного органа в обществах с ограниченной ответственностью // Нотариальный вестник. № 7. 2022 // СПС «КонсультантПлюс».

References:

1. Oleynik (2015) – Oleynik O.M. Agreement on the transfer of powers of the executive body of the company: problems of qualification and application [Dogovor o peredache polnomochij ispolnitel'nogo organa obshchestva: problemu kvalifikacii i primeneniya] // Law [Zakon]. 2015. No 12. pp. 150-158.

Stepanov (2000) - Stepanov D.I. Company managing a business entity [Kompaniya, upravlyayushchaya hozyajstvennym obshchestvom] // Economy and law [Hozyajstvo i pravo]. 2000. No 10. pp. 60-73.

Kozlova (2004) - Kozlova N.V. Civil status of bodies of a legal entity [Grazhdansko-pravovoj status organov yuridicheskogo lica] // Economy and law [Hozyajstvo i pravo]. 2004. No 8. pp. 42-60.

About limited liability companies [Ob obshchestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu]: Federal Law of the Russian Federation of February 8, 1998 No. 14 // Collection of Legislation of the Russian Federation [Sobranie zakonodatel'stva RF]. 16.02.1998. No 7. Art. 785.

Kulakov (2010) – Kulakov V.V. Obyazatel'stvo i oslozhenie ego struktury v grazhdanskom prave Rossii: monografiya [Obligation and complication of its structure in Russian civil law: monograph]. 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: RAP. 2010. 238 p.

Belov (2004) – Belov V.A. Arrangement of transactions by business companies made by their managers (based on trusts example) [Oformlenie sdelok hozyajstvennykh obshchestv, sovershayemykh ih upravlyayushchimi (na primere dovyerennostey)] // Legislation [Zakonodatel'stvo]. 2004. No. 10. Pp. 21-28.

Rubeko (2005) – Rubeko G.L. Executive bodies of joint-stock companies: features of legal status [Ispolnitel'nye organy aktsionnykh obshchestv: osobennosti pravovogo statusa] // Economy and Law [Hozyaistvo i pravo]. 2005. No. 12. Pp. 28-34.

Shitkina (2021) – Shitkina I.S. (Ed.) Scientific-practical commentary to the Federal Law “On Limited Liability Companies”: vol. 2 [Nauchno-prakticheskij kommentarij k Federal'nomu zakonu «Ob obshestvah s ogranichennoj otvetstvennost'yu»: t. 2]. Moscow: Statut Publ., 2021. 486 p.

Martirosyan (1996) – Martirosyan E.R. Legal nature of relations between an organization's head and its property owner [Pravovaya priroda otnoshenij mezhdru rukovoditelem organizacii i sobstvennikom ee imushchestva] // State and Law [Gosudarstvo i pravo]. 1996. No. 10. Pp. 48-53.

Sukhanov (2000) – Sukhanov E.A. Agreement on trust management of property [Dogovor doveritelnogo upravlenija imushhestvom] // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation [Vestnik Vysshego Arbitrazhnogo Suda Rossijskoj Federacii]. 2000. No. 1. Pp. 81-94.

Ananieva (2021) – Ananieva A.A. Individual contractual regulation of transferring powers to a manager [Individual'noe dogovornoe regulirovanie peredachi polnomochij upravlyayushchemu] // Russian Justice [Rossijskoe pravosudie]. 2021. No. 8. Pp. 25-33.

Ilyushina (2022) – Ilyushina M.N. The problem of transferring powers of a single-executive body in limited liability companies [Problema peredachi polnomochij edinolichnogo ispolnitel'nogo organa v obshchestvakh s ogranichennoj otvetstvennost'yu] // Notarial Bulletin [Notarial'nyj vestnik]. No. 7. 2022 // Legal Information System «ConsultantPlus».

Международное право

УДК 342
JEL K19

*БЫКОВ Денис Александрович*¹

¹ ФГБОУ ВО «Псковский государственный университет», пл. Ленина, д. 2, г. Псков, 180000, Россия.

¹ «Ozon Забота», куратор направления развития благотворительности для продавцов маркетплейса и агентов ПВЗ

<https://orcid.org/0000-0002-4160-0833>

¹ Быков Денис Александрович, менеджер социальных проектов «Ozon Забота», аспирант, 3 курс, профиль теоретико-исторические правовые науки Псковского государственного университета.

E-mail: denis989222@yandex.ru

СОВРЕМЕННЫЕ КОНСТИТУЦИИ СТРАН С МУСУЛЬМАНСКИМ БОЛЬШИНСТВОМ И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Аннотация

Предмет/тема. В статье рассматриваются современные конституционные системы Индонезии, Пакистана, Бангладеш, Египта, Ирана, Турции и Алжира, где мусульманское большинство составляет подавляющее число граждан, а также исследуется корреляция между количеством прав граждан и степенью проникновения ислама в основной закон. Основное внимание уделяется конституционно-правовым аспектам.

Цели/задачи. Цель исследования – проанализировать взаимосвязь между универсальными правами человека и исламской правовой мыслью в конституциях современных стран с мусульманским большинством. Для достижения цели проведен сравнительный анализ конституций, оценка уровня религиозного влияния и изучена корреляция между количеством прав человека и степенью проникновения ислама.

Методология. Методология основана на анализе первоисточников и литературы, на сравнительном и корреляционном анализе. Также применяется формально-юридический метод.

Выводы. В результате исследования был дан ответ на вопрос, что можно считать примером исламской конституции, были выработаны критерии и характеристики исламской конституции. Проведенный анализ позволил выявить влияние исламского дискурса на содержание современных конституций, а также степень интеграции стандартов прав человека в основные законы.

Ключевые слова: *исламский конституционализм, шариат, сравнительные конституционные исследования, проект исламской конституции, права человека, демократия, исламизация, колониализм.*

International law

Denis A. Bykov

Social Project Manager "Ozon Care", PhD student, 3st year, profile of theoretical and historical legal sciences, Pskov State University.

E-mail: denis989222@yandex.ru

MODERN CONSTITUTIONS OF MUSLIM-MAJORITY COUNTRIES AND HUMAN RIGHTS

Abstract

Subject/Topic This article examines the contemporary constitutional systems of Indonesia, Pakistan, Bangladesh, Egypt, Iran, Turkey, and Algeria, where Muslim majorities constitute the overwhelming majority of citizens, and examines the correlation between the number of citizens' rights and the extent to which Islam is embedded in the constitution. The focus is on constitutional and legal aspects.

Goals/Objectives The aim of this study is to analyze the relationship between universal human rights and Islamic legal thought in the constitutions of modern Muslim-majority countries. To achieve this goal, a comparative analysis of the constitutions was conducted, the balance of religious influence was assessed, and the correlation between the number of human rights and the degree of Islamic penetration was examined.

Methodology The methodology is based on primary source and literature analysis, as well as comparative and correlational analysis. A formal legal approach is also used.

Conclusions The study provided an answer to the question of what can be considered an example of an Islamic constitution, and developed criteria and characteristics of an Islamic constitution. The analysis revealed the influence of Islamic discourse on the content of modern constitutions, as well as the degree of integration of human rights standards into basic laws.

Keywords: *Islamic constitutionalism, Sharia, comparative constitutional studies, draft Islamic constitution, human rights, democracy, Islamization, colonialism.*

Введение

Взаимодействие религиозных норм и международных стандартов в области прав человека становится важной темой в эпоху постсекуляризма. Особенно если данная тема касается современных конституционных исследований и современного конституционного строительства. Ислам сегодня – это основополагающий элемент правового и политического порядка в государствах с мусульманским большинством. Он формирует как моральные устои многих обществ, так и влияет на развитие конституционных норм. В то же время идея прав человека оказывает все большее влияние на правовые системы национальных государств.

События 11 сентября 2001 года ознаменовали поворотный момент в глобальных отношениях, политике, в общественном мнении и «изменили мировую историю навсегда» [1, с. 7]. Теракт коренным образом изменил дискурс об исламе. В средствах массовой информации ислам все чаще стал ассоциироваться с угрозой безопасности и с несовместимостью с современным миром и демократией. Исламская идеология стала описываться в терминах «радикальный ислам», «исламский экстремизм» и «исламофашизм» [4, 3–6], что в свою очередь укрепило дискурс о несовместимости исламских принципов со стандартами прав человека и

демократическими режимами. Времена Арабской весны показали, что многие исламские партии национальных государств склонны обещать принятие исламской конституции. Первая арабская конституция с европейскими чертами была принята в Тунисе в 1861 году. Данный опыт конституционного строительства является ключевым в дебатах о соотношении ислама и демократии.

Несмотря на значительный объем исследований на данный момент не существует единой концепции исламской конституции. Существует только множество мнений, базирующихся на разных принципах, которые характеризуют общество как исламское. Например, последователи религиозного либерализма склонны относиться «к первоисточникам как к текстам, появившимся в определенных условиях» и считают, что можно их применять, «лишь отказавшись от буквалистской герменевтики» [2, с. 372]. Также в исследованиях наблюдается недостаточная изученность в области соотношения прав человека с исламизированными конституциями. В частности, отсутствует комплексный сравнительный анализ. Этот пробел определяет научную проблему и рассматривается в настоящей статье.

Для дальнейшего исследования и сравнения за основу будет взята исламская конституция, разработанная университетом аль-Азхар в Каире¹. Данный университет является старейшим и наиболее престижным исламским духовным образовательным учреждением. Также проект данной конституции был специально подготовлен как базис для дальнейшего использования правительствами [8, с. 57–85]. В 2011 году данный прототип конституции получил новую жизнь и был представлен на площади в Каире во время выступлений. Позже эта конституция стала основой для новой исламской конституции Египта, разработанной протестующими.

Цель данного исследования – выявить на основе проекта конституции Аль-Азхар степень исламизации основных законов самых больших стран с мусульманским населением и выявить степень инкорпорации стандартов прав человека в них.

В данном контексте важной проблемой правового и политического исследования является исламский конституционализм и его развитие в XX в. Со времён зарождения первых государств с мусульманским большинством вопрос включения ислама в конституции оставался определяющим. Конституционное проектирование обрело масштабный характер в XX в., когда мусульманские страны стали обретать свою независимость от колониального господства. «Исламская система не исключает человеческого законотворчества, но оно должно соответствовать целям откровения» [9, с. 128], поэтому правительства желали отразить в своих первых конституционных проектах суверенитет, независимость и исламскую основу управления. Ярким примером таких

¹ URL: <https://ar.islamway.net/article/11897/> (дата обращения: 15.09.2025).

дебатов служат Сирия [7] и Пакистан [5], где все споры и дискуссии были сосредоточены на вопросе божественного или общественного суверенитета и правовом статусе ислама в политической системе. В правовом дискурсе применение исламского права является важным элементом создания легитимности правления как в демократических режимах, так и в авторитарных. Существует множество способов закрепления ислама в конституционном порядке. Ислам часто используется для определения требования к главе государства, исламские ценности фиксируются в преамбуле и прочее. Подавляющая часть конституций стран содержит определения ислама и шариата, строгость которых зависит от уровня влияния исламских правовых школ.

Однако, когда мы говорим о том, что ислам является единственным источником политической легитимности, мы забываем, что есть и другие факторы, которые определяют конституционные устремления мусульманских стран. История ислама показывает симбиоз религии и общественного управления.

Методы исследования

В исследовании применяются общенаучные методы, а именно анализ первоисточников и литературы. Под первоисточниками подразумеваются анализ шариата, анализ конституций исламских стран. За основу были взяты 7 стран - членов организации исламского сотрудничества (ОИС)¹, так как данная международная организация создана для защиты интересов мусульманского мира: Индонезия, Пакистан, Бангладеш, Египет, Иран, Турция и Алжир. Данные страны были выбраны, потому что они представляют разные регионы и имеют самую высокую численность мусульман.

Чтобы ответить на вопрос, какую конституцию можно считать исламской, в исследовании будет использован метод сравнительно-правового анализа, который заключается в сравнении положений проекта исламской конституции Аль-Азхар с положениями современных конституций Индонезии, Пакистана, Бангладеш, Египта, Ирана, Турции и Алжира. Данный проект конституции был разработан во второй половине XX в. группой ученых в университете Аль-Азхар в Каире. Модель конституции состоит из преамбулы и 9 разделов, охватывающих 93 статьи. В каждом разделе она отдает предпочтение исламу как основному принципу конституционного и правового порядка². Данный проект конституции был создан как шаблон, который национальные государства могут наполнить в зависимости от своих внутренних обстоятельств. В данном подходе прослеживается историческая роль исламского права как адаптивного механизма, учитывающего традиции разных культур. Проект

¹ URL: <http://oic-oci.org/> (дата обращения: 15.09.2025).

² URL: <https://ar.islamway.net/article/11897/> (дата обращения: 15.09.2025).

исламской конституции Аль-Азхар стал базисом, на котором построено данное исследование. В ходе анализа было выделено 18 общих характеристик, по которым можно оценить конституцию на степень исламизации (см. таблицу 1). С помощью метода балльной оценки, опираясь на положения, мы будем оценивать уровень влияния ислама на конституции 7 стран, указанных ранее. Далее также на основе метода балльной оценки будет проанализировано влияние европейской идеи прав человека на тексты данных документов.

Таблица 1 - Основные принципы исламской конституции, разработанные на основе проекта конституции Аль-Азхар / Table 1. Basic principles of the Islamic constitution, developed on the basis of the Al-Azhar draft constitution¹

Утверждение (принцип)	Балл
1. Ислам - государственная религия	1
2. Единство с мусульманским миром	1
3. Защита веры	1
4. Глава государства или правительства должен быть мусульманином	3
5. Все граждане должны быть мусульмане	3
6. Положения, связанные с исламом, неизменны	3
7. Упоминания религиозного консультативного совета	3
8. Конституция устанавливает соблюдение прав или свобод в соответствии с требованиями шариата	3
9. Положения о служении женщины	1
10. Глава государства или правительства имеет религиозные обязанности	3
11. Глава государства или правительства должен обладать спектром знаний об исламе	2
12. Ислам - источник закона	3
13. Законы не могут противоречить исламу	3
Судебная власть должна применять шариат	3
14. Судьи должны обладать спектром знаний об исламе	2
15. Экономика или банковское дело будут осуществляться в соответствии с исламом	1
16. Применение исламских уголовных наказаний	3
17. Обязанность государства предоставлять религиозное исламское образование	2

Общий анализ конституций показывает, что исламская конституция характерна только для стран с мусульманским большинством, в связи с чем для дальнейшего исследования выбраны страны, где мусульмане составляют подавляющее большинство. Однако стоит отметить, что некоторые страны с таким большинством называют себя светскими или вообще умалчивают об отношении к религии. Далее будут продемонстрированы результаты исследования.

Также за основу будет взята Европейская конвенция о защите прав

¹ URL: <https://ar.islamway.net/article/11897/> (дата обращения: 15.09.2025).

человека и основных свобод¹, на основе которой будет проанализирована корреляция между стандартными правами человека и исламизацией конституций.

Результаты

В ходе исследования были получены следующие результаты.

Во-первых, в конституциях более чем половины исследуемых стран с мусульманским большинством выражается связь с исламским дискурсом. Данное влияние имеет разную степень. В одних странах, более подверженных светским тенденциям, ислам повлиял в роли культурного феномена, в других – в роли религии. Также в некоторых конституциях мы видим декларативный принцип о единстве с исламским миром и исламскими государствами: Иран, Пакистан, Египет.

Во-вторых, статья о государственной религии является наиболее популярным способом подчеркнуть исламский характер конституции и государства.

В-третьих, положения конституции, ссылающиеся на шариат как на источник права, также широко включены. Дополнительно в конституциях некоторых стран содержатся положения, предусматривающие невозможность противоречия законов шариату. Например, в Иране и Пакистане. Так, в Пакистане ст. 227 констатирует, что не может быть введен в силу ни один закон, противоречащий исламским предписаниям.

В-четвертых, одно из популярных положений – это требование к главе государства или правительства быть мусульманином. Некоторые страны идут дальше в данном направлении и предъявляют похожие требования к членам законодательной и исполнительной властей.

В-пятых, что весьма интересно, довольно часто в исследуемых странах встречается положение о религиозном консультативном совете.

Также, но уже реже, в основных законах встречаются положения о шариатском суде, об обязанности главы владеть исламским дискурсом. Совсем редко встречаются положения о служении женщин, благотворительности и о религиозном исламском образовании.

Далее в таблице 2 будет представлен рейтинг исследуемых стран от наибольшего влияния ислама на конституции до наименьшего.

Обзор конституций стран, лидирующих по численности мусульман, позволяет нам сделать некоторые общие выводы о степени влияния ислама на конституции и зависимости этого влияния от численности. Данный сравнительный анализ позволяет нам ответить на вопрос: влияет ли степень внедрения ислама в основные законы на степень закреплённости прав человека в этом законе? Для ответа на этот вопрос были проанализированы конституции стран. Оценка происходила на базе упомянутых положений

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 15.09.2025).

проекта конституции Аль-Азхар. Особое внимание уделялось положениям, которые прямо ссылаются на исламское право, как на источник права, или ссылаются на его принципы.

Причина внимания заключается в том, что данные положения предусматривают соответствие законов исламу или отдают предпочтение исламу как источнику права.

Таблица 2 – Рейтинг исламизации конституций / Table 2. Islamization of Constitutions Rating¹

Принцип/Страна	Иран	Пакистан	Алжир	Египет	Бангладеш	Индонезия	Турция
Ислам – государственная религия	1	1	1	1	1	0	0
Единство с мусульманским миром	1	1	0	1	0	0	0
Защита веры	1	0	1	0	0	0	0
Глава государства или правительства должен быть мусульманином	3	3	3	0	0	0	0
Все граждане должны быть мусульмане	0	0	0	0	0	0	0
Положения, связанные с исламом, неизменны	3	0	3	0	0	0	0
Упоминания религиозного консультативного совета	3	3	3	0	0	0	0
Конституция устанавливает соблюдение прав или свобод в соответствии с требованиями шариата	3	3	0	0	0	0	0
Положения о служении женщины	0	0	0	0	0	0	0
Глава государства или правительства имеет религиозные обязанности	3	0	3	0	0	0	0
Глава государства или правительства должен обладать спектром знаний об исламе	3	0	0	0	0	0	0
Ислам – источник закона	3	3	0	3	0	0	0
Законы не могут противоречить исламу	3	3	0	3	0	0	0
Судебная власть должна применять шариат	3	3	0	3	0	0	0
Судьи должны обладать спектром знаний об исламе	2	2	0	0	0	0	0
Экономика или банковское дело будут осуществляться в соответствии с исламом	1	0	0	0	0	0	0
Применение исламских уголовных наказаний	3	3	0	0	0	0	0
Обязанность государства предоставлять религиозное исламское образование	0	2	0	0	0	0	0
Итого	36	27	14	11	1	0	0

¹ Конституция Исламской Республики Иран; Конституция Пакистана; Конституция Алжира; Конституция Египта; Конституция Бангладеш; Конституция Индонезии; Конституция Турции.

Также эти положения о верховенстве исламского права имеют тенденцию позволять судам осуществлять шариатский надзор за законодательством.

Все это создает привилегированное положение ислама в конституционно-правовом порядке. В этом случае положения о государственной религии не являются такими же весомыми, так как данное положение не позволяет формировать фундаментальную правовую базу.

Таким образом, если страна стоит первой в списке, то это означает, что конституция провозглашает более привилегированное положение ислама. Особенно это заметно в конституциях Ирана и Пакистана. Страны Индонезия и Турция не подверглись серьезной степени влияния ислама на свои основные законы. В Алжире и Египте наблюдается умеренное влияние ислама. Результаты по Турции и Индонезии говорят о высокой степени приверженности секуляризму в своем законе. Бангладеш испытывает низкое влияние ислама на свой основной закон.

В результате данная классификация иллюстрирует, что влияние исламского дискурса не зависит от процента исламского населения в государстве. Все это позволяет улучшить понимание проблем, связанных с исламом и правами человека.

Западная правовая мысль склонна рассматривать ислам как противопоставление демократии и конституционному правлению. Этому посвящены книги «Ислам и демократия» [6], «Столкновение цивилизаций» [3] и др. Многие политики, говоря о включении в конституции исламских положений, считают, что это путь к автократическому режиму с бесправием граждан. Используя ранее полученные данные сравнительного анализа, исследуется взаимосвязь степени внедрения исламского права с количеством конституционных прав. Мы получим корреляцию, показанную в таблице 3.

Таблица 3 – Рейтинг исламизации конституций и количества пунктов о правах человека в них / Table 3. The Islamization of constitutions and the number of human rights clauses in them¹

Страна	Уровень исламизации	Количество прав
Иран	36	44
Пакистан	27	43
Алжир	14	36
Египет	11	29
Бангладеш	1	47
Индонезия	0	31
Турция	0	66

¹ URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/ (дата обращения: 15.09.2025).

В целом мы видим, что нет прямой корреляции между количеством прав и степенью проникновения ислама в основной закон. Мы даже видим, что конституции с высокой степенью проникновения ислама имеют большее количество конституционных прав, чем конституции с меньшим влиянием. Например, Иран и Пакистан по количеству прав стоят выше стран, где исламское влияние ниже. Конечно, есть еще много факторов, которые могут повлиять на количество зафиксированных конституционных прав. Однако говорить о том, что исламизация ведет к уменьшению числа прав граждан, закрепленных в основных законах, не представляется возможным.

Заключение

Проведенный анализ конституций Ирана, Пакистана, Алжира, Египта, Бангладеш, Индонезии и Турции показал, что исламский дискурс оказывает существенное влияние на современные конституции большинства стран с мусульманским большинством. Это влияние выражается в закреплении ислама как в роли основного источника права, так и в роли ключевого элемента, образующего правовую систему. Также в некоторых странах с исламским большинством мы наблюдаем отсутствие прямого влияния исламского права на основной закон, что позволяет нам сказать, что процент мусульманского населения в стране не является ключевым фактором исламизации конституции. Стоит отметить, что даже если ислам прямо не отражен в основном законе, то это не отменяет того, что исламские нормы формируют ценностную и моральную основу общества. Ислам все так же задает рамки допустимого и является одним из общественных регуляторов.

Одновременно с этим в современных конституциях данных стран мы видим влияние международных стандартов прав человека. Во многих странах фиксируются разные конституционные права: от права на свободу личности до равенства всех граждан. Мы видим, что количество прав человека в конституциях не зависит от степени исламизации. Так, может быть, более современные конституции склонны вбирать в себя международный опыт стандартов прав человека?

Таким образом, сопоставление исламского права и прав человека показывает, что современные конституции исламских стран стремятся к поиску баланса, отражающего современные реалии и культуру.

Список источников:

1. Армстронг (2013) – Армстронг К. Битва за Бога: История фундаментализма: монография. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. С. 502.
2. Халляк (2020) – Халляк В. История исламских теорий права: введение в суннитскую теорию права: монография. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2020. С. 464.
3. Хантингтон (2025) – Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2025. С. 640.

4. Berman (2003) – Terror and Liberalism. N.Y.: W.W. Norton, 2003. P. 242.
5. Hamid (2001) – Hamid Khan. Constitutional and Political History of Pakistan. Oxford University Press, 2001, P. 692.
6. John (1996) – John L. Esposito Islam and Democracy. Oxford University Press, 1996, P. 240.
7. Karim (2018) – Karim Atassi. Syria, the Strength of an Idea: The Constitutional Architectures of Its Political Regimes. Oxford University Press, 2018, P. 514.
8. Moamen (2013) – Moamen Gouda. Islamic Constitutionalism and Rule of Law: A Constitutional Economics perspective // Constitutional Political Economy. 2013. № 24(1). P. 57-85.
9. Pietro (2019) – Pietro Longo. Theory and Practice in Islamic Constitutionalism: From Classical Fiqh to Modern Systems. Piscataway, NJ: Gorgias Press LLC, 2019. P. 378.

References:

- Armstrong (2013) – Armstrong K. The Battle for God: The History of Fundamentalism [Bitva za Boga: Istoriya fundamentalizma: monografiya]. M.: Alpina non-fiction, 2013. P. 502.
- Khalyak (2020) – Khalyak V. History of Islamic Theories of Law: Introduction to the Sunni Theory of Law [Istoriya islamskikh teoriy prava: vvedeniye v sunnitskuyu teoriyu prava]. M.: Publishing House of the Higher School of Economics, 2020. P. 464.
- Huntington (2025) – Huntington S. Clash of Civilizations [Stolknoveniye tsivilizatsiy]. M.: AST, 2025. P. 640.
- Berman (2003) – Terror and Liberalism. N.Y.: W.W. Norton, 2003. P. 242.
- Hamid (2001) – Hamid Khan. Constitutional and Political History of Pakistan. Oxford University Press, 2001, P. 692.
- John (1996) – John L. Esposito Islam and Democracy. Oxford University Press, 1996, P. 240.
- Karim (2018) – Karim Atassi. Syria, the Strength of an Idea: The Constitutional Architectures of Its Political Regimes. Oxford University Press, 2018, P. 514.
- Moamen (2013) – Moamen Gouda. Islamic Constitutionalism and Rule of Law: A Constitutional Economics perspective // Constitutional Political Economy. 2013. № 24 (1). P. 57-85.
- Pietro (2019) – Pietro Longo. Theory and Practice in Islamic Constitutionalism: From Classical Fiqh to Modern Systems. Piscataway, NJ: Gorgias Press LLC, 2019. P. 378.

Национальная безопасность государства

УДК: 351.74

JEL: K 14

*ГИРЬКО Сергей Иванович*¹

¹ Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Центр исследования проблем безопасности Российской академии наук (ЦИПБ РАН). Гарibaldi ул., 21 б, Москва, 117135, Россия.

¹ Федеральное казенное учреждение Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации (ФКУ НИИ ФСИН России). Житная ул., 14, ГСП-1, Москва, 119991, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-0344-0573>

¹ Гирько Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, директор, главный научный сотрудник ЦИПБ РАН, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, Заслуженный деятель науки Российской Федерации, академик РАЕН. E-mail: profgirko@mail.ru

**ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ СРЕДА, РОССИЙСКИЙ ГРАЖДАНИН И
НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ ГОСУДАРСТВА**

Аннотация

Необходимо правильно оформить рубрики аннотации

Предмет исследования данной статьи — вопросы, связанные с образовательной средой, формированием личности гражданина России и их отражением в концепции национальной безопасности государства.

Цель работы заключается в анализе факторов, влияющих на воспитание гармонично развитой, ответственной перед обществом личности на базе традиционных духовных и нравственных ориентиров российского общества. Автор обращает особое внимание на актуализацию данной задачи государственной властью и закрепление приоритетов формирования системы ценностей в ряде стратегических документов и поручений главы государства, касающихся совершенствования системы образования и обеспечения устойчивого развития страны, через призму образовательной деятельности, которая в России регламентирована профильным законодательством, находящимся в динамическом развитии, образовательного пространства, в условиях которого происходит формирование и корректировка личности российского гражданина применительно к качествам, востребованным государством и регламентированным законодательными актами Президента России. Автор гипотетически связывает указанные процессы, имея ввиду, что образовательное пространство, в которое человек попадает на разных этапах своего развития, формирует его индивидуальность и нацеленность, устраняя девиации и закрепляя позитивные начала, а в дальнейшем патриот, профессионал, обладающий иными востребованными свойствами гражданина, является целью и стратегическим приоритетом национальной безопасности государства.

Методология. Анализ, синтез, постановка проблемы, построение гипотез.

Вывод: при наличии сбалансированного и безопасного образовательного пространства, обеспечивающего поэтапное формирование личности российского гражданина, обладающего свойствами, определенными в

соответствии с положениями Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, обеспечение приоритетных национальных интересов рассматривается в качестве одной из ключевых задач государственно-правовой политики на долгосрочную перспективу.

Ключевые слова: *стратегический национальный приоритет, безопасность образовательного пространства, личные качества гражданина, воспитание личности, гармоничное развитие, социальная ответственность, традиционные российские духовно-нравственные ценности*

National security of the State

¹ **Sergey I. Girko,**

¹ Federal State Budgetary Institution of Science Center for Security Research of the Russian Academy of Sciences Director, Chief Researcher,

¹ Federal Penitentiary Service of Russia Research Institute, chief research fellow
Doctor of Law, professor

EDUCATIONAL ENVIRONMENT, RUSSIAN CITIZENSHIP, AND NATIONAL SECURITY OF THE STATE

Abstract

The subject of this article concerns issues related to the educational environment, the formation of the personality of citizens of Russia, and their reflection in the concept of the state's national security.

The purpose of this work is to analyze the factors influencing the upbringing of a harmoniously developed and socially responsible individual based on the traditional spiritual and moral guidelines of Russian society. The author pays special attention to the prioritization of this task by the state authorities and the establishment of value system priorities in a number of strategic documents and directives of the Head of State, which concern the improvement of the education system and ensuring sustainable development of the country. This is examined through the prism of educational activities, which in Russia are regulated by relevant legislation that is dynamically evolving, and the educational environment within which the formation and adjustment of the personality of a Russian citizen occurs in accordance with qualities demanded by the state and legislated by acts of the President of Russia. The author hypothetically connects these processes by suggesting that the educational environment, in which a person is immersed at various stages of their development, shapes their individuality and orientation, eliminates deviations, and consolidates positive tendencies. Ultimately, a patriot and professional, possessing other state-valued qualities, becomes the goal and strategic priority of the state's national security.

Methodology Analysis, synthesis, problem formulation, hypothesis construction.

Conclusion With a balanced and safe educational environment ensuring the phased formation of the personality of a Russian citizen endowed with specified qualities, in accordance with the provisions of the National Security Strategy of the Russian Federation, the assurance of priority national interests is considered one of the key tasks of state legal policy in the long term.

Keywords: *strategic national priority, safety of the educational environment, personal qualities of a citizen, personality education, harmonious development, social responsibility, traditional Russian spiritual and moral values.*

Проблеме безопасности образовательной среды нами было посвящено ранее проведенное исследование, результаты которого опубликованы в специальной литературе [1, с.3-9].

Настоящими рассуждениями по данной проблеме автор намерен логически соотнести между собой теоретические подходы и доктринальные позиции специалистов на предмет содержания такого явления, каким является образовательная среда (пространство), в наибольшей степени соответствующей задачам формирования личности современного российского гражданина, что составляет национальный приоритет государства, рассмотреть индивидуальные характеристики названной личности через призму качественных признаков, которыми она должна обладать в формате национальной востребованности, а также тем, насколько выше названный национальный приоритет реализуется системой правовых предписаний в сфере образования.

В контексте рассматриваемой темы целесообразно отметить, что в числе недавних инициатив Президента Российской Федерации была сформулирована задача перед Администрацией, Правительством и заинтересованными федеральными органами исполнительной власти, заключающаяся в подготовке национального проекта, ориентированного на воспитание граждан с гармонично развитой личностью и высокой социальной ответственностью, при опоре на базовые духовно-нравственные ценности российского общества.¹

Принципиальная позиция автора в данном случае заключается в том, что российское государство в своих нормативных правовых актах, характеризующих сферу национальной безопасности, в правовой и социально-философской доктрине формирует перечень ключевых характеристик личности, отражающих модель современного гражданина Российской Федерации. Обозначенные качества дают возможность индивиду соответствовать требованиям гармоничного развития и осознанной социальной ответственности, наряду с иными значимыми показателями. В качестве методологической основы для формирования этих свойств выступают исторически сложившиеся и поддерживаемые национальные духовные и нравственные ценности, призванные служить фундаментом гражданской идентичности и правосознания, в свою очередь, должна сформировать образовательная система государства на всех последовательных этапах обучения и воспитания человека в условиях образовательной среды (обстановки, пространства) конкретного учебного заведения, обеспечивая ее состояние защищенности как от внутренних вызовов, так и от внешних факторов, способных внести дестабилизацию.

¹ Электронный ресурс: Путин поручил подготовить нацпроект по воспитанию гармоничной личности. Доступно на сайте: <https://www.interfax.ru/russia/949727> – (дата обращения: 30.03.2024).

Анализ названных проблем считаем вполне обоснованным начать с погружения в доктринальные подходы специалистов, изучающих вопросы образовательной среды.

В научных источниках педагогов, социальных психологов, исследующих образовательное пространство, предлагаются различные подходы, которые частично нами рассмотрены в своих более ранних разработках. Во многом они пересекаются и в зависимости от своей адресности - индивидуализируются.

В предшествующих материалах, посвященных образовательной среде, в том числе и в авторской статье, упомянутой выше, мы более подробно останавливались на отдельных из них. Приведем ранее не упоминавшиеся доктринальные суждения.

По мнению, к примеру, С. Кривых, образовательное пространство определяется как совокупность образовательных институтов, процессов и сред, функционирующих в пределах определённой территории, а также как комплекс взаимосвязанных условий, оказывающих влияние на формирование личности [2, с. 2–6].

В научной литературе присутствует позиция Л.И. Новиковой, которая рассматривает образовательную среду как совокупность условий, способствующих развитию и формированию способностей, потребностей, интересов и сознания индивида [3].

Кроме того, интересно отметить определение, приведённое в толковом словаре русского языка: образовательная среда квалифицируется как компетентностно ориентированная, где студент, выступающий субъектом учебной, исследовательской, профессиональной деятельности, обладает благоприятными условиями для формирования общекультурных и профессиональных компетенций [4].

С точки зрения авторского концептуального подхода, изложенного нами выше, характеристике образовательной среды в большей степени соответствует позиция профессора МГПУ В. Ясвина. В своей монографии «Образовательная среда: от моделирования к проектированию», посвящённой развитию эколого-личностной модели, автор которой является В.А. Ясвин, образовательная среда определяется как система воздействий и условий, направленных на формирование личности в соответствии с заданным образом, а также предоставляющих возможности для её развития, находящихся в социальном и пространственно-предметном окружении [5, с. 14].

Кроме того, В. Ясвин рассматривает образовательную среду как взаимодополняющую систему, в которой происходят процессы возмещения и дополнения сложившихся к определённому этапу условий развития потребностей человека и внутренних установок и стереотипов, которые в процессе нахождения в условиях образовательной среды (обучения) дают

возможности для развития отдельных из них или препятствуют этому, блокируют.

Иными словами, попадая в образовательную среду школы, техникума, вуза человек, обладая определенным набором сформированных к этому времени стереотипов поведения, отношения к окружающим, т.е. качествами, привнесенными из предыдущего жизненного опыта (семьи, социальных контактов), под ее воздействием и в ее условиях, способен формировать и закреплять те качества, которые в своей совокупности и формируют позитивные феномены «гармоничного развития» и «социальной ответственности», безусловно основанные на традиционных российских духовно-нравственных ценностях.

Как нам представляется, для того чтобы процесс формирования и закрепления позитивной жизненной позиции и освобождения от приобретенных ранее негативных стереотипов поведения, избавления от вредоносных и криминальных проявлений преобразовывал мировосприятие человека в целом, отражался в его гражданской позиции, определяющей является роль педагога, учителя.

В этой связи важно отразить в условиях образовательного пространства роль педагога, учителя.

Следует заметить, что статус педагога состоит, возможно, не только и даже не столько в передаче знаний, умений и навыков, обучении подопечных учеников школы, студентов техникумов и вузов профессиональным подходам к будущим специальностям, сколько в организации адекватной образовательной среды, опираясь на личный профессиональный авторитет и жизненную позицию в целом. Способность найти индивидуальный подход к каждому учащемуся, проявить по отношению к нему персональное внимание, зная и нейтрализуя насколько это возможно, закрепившиеся негативные психологические и поведенческие установки, должно стать определяющим при оценке профессиональных качеств педагога.

В данной связи целесообразно вспомнить слова выдающегося педагога Л. С. Выготского, который отметил: «Опыт школьника формируется целиком под воздействием социальной среды. Если непосредственное воздействие учителя на ученика ограничено, то его влияние через социальную среду практически безгранично» [6].

Иными словами, профессиональный педагог способен сформировать индивидуальный подход к ученику, позитивно влиять на устранение его девиаций, поддерживать конструктивное, а в целом оказывать непосредственное воздействие на формирование его личности, стабилизируя позитивное и нейтрализуя вредоносное.

Заметим, что в разные годы отечественной педагогической школой был накоплен и описан в специальной и художественной литературе позитивный опыт воспитания «трудных». Известны педагогические школы

А.С. Макаренко, в рамках которой учителя работали с коллективом подростков, где воздействие на каждого осуществлялось через группу, причем негативное прошлое воспитанников игнорировалось и не обсуждалось ни педагогами, ни подростками; В.А. Сухомлинского, ориентированной на доброе отношение к детям, создание условий для индивидуального развития личности каждого подростка; С.Т. Шацкого, основанной на идее школы, как центра воспитания детей в социальной среде, а также непосредственном полноценном контакте с природой. Можно привести и другие примеры творческого подхода к педагогической профессии, приносящей пользу личности и обществу.

Сторонники компетентностного подхода утверждают, что сущность образовательного процесса заключается «в создании жизненных ситуаций для конкретного индивида и поддержке его активности, которые в совокупности способствуют формированию определённых профессиональных ориентаций, смыслов и ценностных установок. Этот процесс включает воспитательные и развивающие задачи образования, направленные на становление личности будущего специалиста, обеспечивающего его гармоничное духовное и нравственное развитие» [8]. Данный подход отражает ключевые требования государства и общества к результатам образования, обозначенные Президентом Российской Федерации В.В. Путиным, который акцентировал внимание на «необходимости воспитания гармонично развитой и социально ответственной личности, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях».¹

Основы государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей² (далее - Основы) дают чёткое понимание содержания и сущности традиционных ценностей. В данном документе традиционные ценности определяются как нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, которые передаются из поколения в поколение, являются фундаментом общероссийской гражданской идентичности и объединяют многонациональное культурное пространство страны. Эти ценности укрепляют гражданское единство и находят своё уникальное выражение в духовном, историческом и культурном развитии российского общества.

К ключевым традиционным ценностям относятся: жизнь, достоинство, права и свободы личности; патриотизм и гражданская активность; преданность Отечеству и ответственность за его будущее; высокие

¹ Электронный ресурс: Путин поручил подготовить нацпроект по воспитанию гармоничной личности. Доступно на сайте: <https://www.interfax.ru/russia/949727> – (дата обращения: 30.03.2024).

² Электронный ресурс: Указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению российских духовно-нравственных ценностей». Доступно на сайте: www.kremlin.ru/akts/bank/48502 – (дата обращения: 11.07.2025).

нравственные идеалы; устои крепкой семьи; созидательный труд; приоритет духовного начала над материальным; гуманизм и милосердие; справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение; историческая память и преемственность поколений; а также единство народов России¹.

Особое значение в формировании и поддержании этих ценностей придают традиционным религиям, таким как православие, ислам, буддизм и иудаизм, которые являются неотъемлемой частью историко-культурного наследия страны и оказывают существенное влияние на духовно-нравственное развитие общества. Эти ценности рассматриваются как основа, позволяющая сохранять суверенитет государства, укреплять национальное единство и обеспечивать устойчивость и развитие человеческого потенциала Российской Федерации.

Согласно статье 4 Основ, традиционные ценности представляют собой нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан Российской Федерации. Они передаются из поколения в поколение и служат фундаментом общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны. Эти ценности способствуют укреплению гражданского единства и находят своё неповторимое выражение в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

В статье 5 Основ государственной политики закреплён перечень явлений, отнесённых к числу традиционных ценностей. Среди них особо выделяются: «жизнь, достоинство, патриотизм, служение Родине и ответственность за её будущее, высокие нравственные идеалы, созидательный труд, приоритет духовного начала над материальным, гуманизм, справедливость, историческая память» и иные важные характеристики. В ст.3 Основ говорится ещё и о том, что Основы «конкретизируют отдельные положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

С нашей точки зрения, Основы дополняют положения названной Стратегии. Оба этих важнейших акта Президента России между собой связаны логически и даже переплетены. Подтверждение этому находим в ст.12 Основ, где говорится о том, что Стратегия национальной безопасности Российской Федерации² (далее Стратегия) ситуацию в России

¹ Электронный ресурс: Здесь и далее цитируются отдельные положения Основ государственной политики по сохранению и укреплению российских духовно-нравственных ценностей. Доступно на сайте: www.kremlin.ru/akts/bank/48502 – (дата обращения: 11.07.2025).

² Электронный ресурс: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступно на сайте: <https://base.garant.ru/401425792/#friends> (дата обращения: 05.09.2022).

и в мире оценивает как требующую принятия неотложных мер по защите традиционных ценностей.

Стратегия, являющаяся основополагающим документом стратегического планирования, формирует национальные интересы и приоритеты России в сфере национальной безопасности. Она не только оценивает состояние охраны традиционных ценностей, но и дополнительно характеризует качества, присущие гармонично развитой и социально ответственной личности современного российского гражданина.

Особое место в Стратегии занимает раздел IV, посвящённый вопросам сохранения народа и развитию человеческого потенциала. В данном разделе уделяется внимание таким индивидуальным характеристикам гражданина России, как свободное развитие личности, расширение возможностей для получения качественного образования, а также формирование здорового образа жизни. Государственная политика нацелена, в том числе, на повышение уровня образования, что признаётся приоритетной задачей национального масштаба¹.

В рамках задач, направленных на достижение целей государственной политики, предусматривающей бережение народа России и имеющей непосредственное значение для образовательной среды на различных уровнях, Стратегия выделяет следующие ключевые направления: «выявление и развитие талантов и способностей у детей и молодёжи; обеспечение профессиональной подготовки и переподготовки на протяжении всей жизни». Особое внимание при этом уделяется базисным элементам образовательного процесса — «традиционным российским духовно-нравственным и культурно-историческим ценностям», которые рассматриваются как фундамент для формирования знаний и жизненных компетенций подрастающего поколения. В целях реализации государственной политики, направленной на бережение народа России, и с учётом влияния на образовательную среду всех уровней, Стратегия выделяет ключевые задачи: стимулирование выявления и развития интеллектуальных и творческих способностей детей и молодёжи, а также обеспечение непрерывной профессиональной подготовки и переподготовки граждан на протяжении всей жизни. При этом в качестве фундаментальной основы в процессе образования и формирования жизненных навыков у молодых поколений закреплены традиционные российские духовно-нравственные и культурно-исторические ценности. Современные исторические условия, в которых находится Россия, когда в число приоритетных задач государства в очередной раз выдвинулись защита и оборона страны от внешней агрессии, существенное значение уделено военно-патриотическому воспитанию граждан, психологической и

¹ Электронный ресурс: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400. Доступно на сайте: <https://base.garant.ru/401425792/#friends> (дата обращения: 05.09.2022).

физической готовности молодых людей принять непосредственное участие в защите Страны от внешней и внутренней угрозы, способности противостоять им.

Это обстоятельство тем более выглядит важным в условиях происходящей в настоящее время специальной военной операции, куда добровольцы направляются по внутреннему убеждению и нравственным мотивам. Очевидно, что для этого названные убеждения и мотивы должны быть сформированы до уровня личной гражданской позиции.

Гражданско-патриотическое воспитание представляет собой систему мероприятий, направленных на формирование у граждан осознанного ощущения долга и готовности к самоотверженному, бескорыстному служению Родине в рамках выполнения профессиональных, трудовых и общественных функций. Важными элементами данного процесса являются укрепление любви к малой и большой Родине, развитие правовой культуры и законопослушания, формирование высокой нравственности и общей культуры, а также осознанной гражданской позиции, непрерывная готовность к выполнению своих конституционных обязанностей и гордость за причастность к великим достижениям и традициям предков.

Кроме того, военно-патриотическое воспитание понимается как комплекс мер, направленных на формирование у граждан убеждённости в необходимости защиты Отечества, подготовку к военной службе, развитие чувства гордости за национальное сообщество, его выдающиеся достижения, Вооружённые силы страны, уважение к отечественной истории и военной традиции, а также сохранение и приумножение боевых заслуг предков и увековечение памяти защитников Родины. Считается, что военно-патриотическое воспитание должно стать неотъемлемой частью образовательного пространства, закреплённой в его структуре и реализуемой на всех образовательных уровнях.

В качестве угроз национальной безопасности Стратегия называет «деятельность экстремистских и террористических организаций, идеологическое и психологическое воздействие на граждан», которое названо «деструктивной идеологией», включающее культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма и др.

Не случайным является тот факт, что распространение вредоносного и искаженного контента происходит в целях вовлечения студентов и молодежи в незаконные публичные выступления, массовые акции с проявлением агрессии, совершение криминальных поступков. Безопасность образовательного пространства, на наш взгляд, должна предусматривать ограничение и нейтрализацию вредоносного контента, формирование у молодежи адекватного отношения к названным негативным атакам.

В числе приоритетных задач, направленных на реализацию государственной политики в области обеспечения безопасности, Стратегия

выделяет повышение доверия граждан к правоохранительным и судебным органам, а также формирование эффективных механизмов участия общественности в обеспечении государственной и общественной безопасности. Эти аспекты тесно связаны с деятельностью образовательных учреждений и формированием соответствующей образовательной среды [1, с. 3–9].

Не менее значимой задачей для образовательных организаций является повышение уровня антитеррористической защищённости мест с массовым пребыванием людей, включая собственные помещения и территории учебных заведений. В данном контексте образовательные организации несут ответственность за создание и поддержание безопасных условий для обучающихся, преподавателей и персонала, что соответствует общегосударственным требованиям по предупреждению угроз терроризма и обеспечению устойчивого развития системы образования.

Но не только. Внутренняя обстановка образовательной организации также нередко нуждается в содержательной санации. Отдельные педагоги не скрывают своего негативного личного отношения к происходящим в стране и обществе событиям, подвергая их малообоснованному и непрофессиональному препарированию в среде студентов и молодежи, навязывая им свои суждения.

Результаты научных исследований, проведённых А.И. Кирсановым и А.И. Петрошенко, а также данные мониторинга безопасности образовательной среды свидетельствуют о том, что «часто представители руководящего состава образовательных учреждений и преподавательских коллективов не обладают необходимым уровнем правовой грамотности». Это обстоятельство обосновывает необходимость внедрения систем правового всеобучения при департаментах образования, организации специализированных курсов и семинаров для руководителей образовательных учреждений, их заместителей и сотрудников соответствующих организаций» [7, с. 33–36].

Получили в средствах массовой информации распространение прецеденты, подтверждаемые документально и фактически, когда представители педагогической среды, которые, без сомнений, должны быть призваны пресекать противоправные намерения подопечных, сами активно распространяют вредоносную и искажённую информацию, формируют у студентов намеренно изменённое восприятие ими исторических событий и действий официальных властей.

Изучение практики деятельности образовательных учреждений разных уровней показывает, что в них поступают для обучения подростки с различными уровнями закрепившихся и демонстрируемых поведенческих стереотипов. Нередко такие устоявшиеся стандарты носят негативный характер, включая склонность к воровству, употреблению алкоголя или наркотических веществ, а порой и к насильственным действиям в

отношении других учащихся. Такие случаи безусловно относятся к числу вызовов и угроз для образовательной среды, которые Стратегией включены в раздел, посвященный «государственной и общественной безопасности».

Не вызывает сомнений тот факт, что образовательная среда, конкретные учреждения образования не только способны, но и в состоянии наладить входной и этапные мониторинги качественного состояния учащихся, системный визуальный контроль преподавательского состава и учителей за ними на предмет выявления девиаций и последующего профилактического воздействия, выстраивания индивидуальной работы в целях как устранения негативных проявлений и тенденций, так и закрепления позитивных.

В соответствующем разделе Стратегии подчёркивается необходимость обеспечения соблюдения принципов правосудия, в частности «неотвратимости наказания за совершённые правонарушения», а также создания в обществе устойчивой атмосферы нетерпимости к противоправным действиям. Такой подход призван активизировать правовую культуру и повысить уровень общественной законопослушности, что входит в состав комплексных мер по укреплению государственной и общественной безопасности¹.

Образовательная среда должна быть насыщена атмосферой, направленной на формирование профилактического воздействия, пропаганду правомерного поведения и коррекцию склонностей учащихся к противоправным действиям при необходимости. Такой подход является важным элементом комплексной работы по предупреждению девиантного и правонарушающего поведения в образовательных организациях, обеспечивая создание условий для гармоничного развития личности и социально ответственного поведения.

Образовательная среда должна быть пронизана атмосферой, способствующей формированию правосознания и ответственности, одновременно осуществляя профилактическое воздействие и корректировку любых проявлений склонности к противоправным действиям среди учащихся. Другое дело, что не всегда педагогические методы способны обеспечить названные цели. В этих случаях субъекты образовательного пространства должны планировать и проводить свои профилактические мероприятия, взаимодействуя с профильными специалистами медицинского и правоохранительного профиля.

В соответствующем разделе Стратегии (статья 44) указывается, что «международные террористические и экстремистские организации предпринимают активные усилия по наращиванию пропагандистской

¹ Электронный ресурс: Указ Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступно на сайте: <https://base.garant.ru/401425792/#friends> (дата обращения: 05.09.2022).

деятельности, направленной на вовлечение российской молодёжи в противоправные действия». В связи с этим особое значение приобретают меры по предупреждению и пресечению террористических и экстремистских проявлений, а также любых форм радикализма, представляющих угрозу безопасности общества и государства¹ и их профилактика.

И это верно, важнее удержать подростков от подобного противоправного поведения и сформировать в них активную гражданскую жизненную позицию, чем вести их розыск за содеянное, проводить следственные процедуры и впоследствии надолго изолировать от общества, зачастую лишая перспектив в жизни.

При формировании образовательного пространства конкретного учебного заведения названные факторы должны быть учтены и творчески переработаны под индивидуальные и региональные особенности организации.

Стратегия формулирует позицию о том, что процветание Российской Федерации и построение справедливого общества возможно лишь при гармоничном сочетании сильной государственной системы и благополучия личности. В этом контексте субъекты образовательной деятельности — школы, колледжи и вузы, для которых основными функциями являются образование и воспитание, формируя образовательную среду, обязаны сохранять и активно развивать «российскую культурную самобытность, традиционные духовно-нравственные ценности и патриотическое воспитание». Стремление к этим целям должно быть неукоснительным с целью формирования у обучающихся чётко выраженных гражданских качеств.

Кроме того, Стратегия предъявляет к образовательному пространству требование его соответствия национальным интересам, которые в настоящее время определены в статье 25 как: «развитие человеческого потенциала; поддержание гражданского мира и общественного согласия; укрепление законности и правопорядка; защита граждан от противоправных посягательств; развитие безопасного информационного пространства и противодействие деструктивным информационно-психологическим воздействиям»².

Отдавая себе отчет в этом, средства массовой информации изобилуют фактами, свидетельствующими о том, что среда, сформировавшаяся в отдельных учебных заведениях, не способствует формированию у учащихся позитивных жизненных позиций, но в то же время автора не

¹ Электронный ресурс: Доступно на сайте: <https://base.garant.ru/401425792/#friends> (дата обращения: 05.09.2022).

² Электронный ресурс: Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Доступно на сайте: <https://base.garant.ru/401425792/#friends> (дата обращения: 05.09.2022).

покидает убежденность в том, что влияние на формирование личности школьников и студентов возможно и даже вполне перспективно в тех случаях, когда подобная установка, вытекая из внутренней структуры образовательного пространства, вдумчивого использования различных педагогических и психологических, а нередко, и правовых методов, подчиненных целям формирования у обучающейся молодежи гражданских качеств, отвечающих потребностям государства и общества, выступают в качестве целей образовательной работы.

В суждениях обычных людей, не связанных напрямую со сферой образования, оно нередко включается в разряд услуг. То есть передачи гражданину оговоренной с ним и оплаченной им учебной программы. Заметим, что подобные суждения несмотря на то, что как правило, опираются на конкретные факты, с точки зрения направленности Стратегии, не отвечают потребностям современной государственной политики в сфере образования населения.

В контексте авторской позиции также полезно проследить динамику развития законодательства Российской Федерации, регулирующего сферу образования, полноты отражения в законодательных актах задач, определенных Президентом России и закрепленных в Основах и Стратегии.

Федеральный закон, принятый 26 декабря 2012 года, который регулирует правовые, организационные и экономические основы системы образования в Российской Федерации, устанавливает ключевые принципы государственной политики в образовательной сфере, определяет общие правила функционирования системы образования и образовательной деятельности, а также закрепляет правовой статус участников образовательных отношений. Его введение проходило поэтапно, начиная с 1 сентября 2013 года, и продолжилось с 1 января 2014 года (далее - Закон)¹. О невысоком качестве самого законодательного акта свидетельствует тот факт, что уже в период до его вступления в действие было принято 5 федеральных законов, вносящих изменения в Закон, а в течение 2013 -2014 годов изменения в него содержались уже в 18 федеральных законах. К сегодняшнему дню изменения в Закон предусматривают более 150 законодательных актов государства.

Не станем касаться всего перечня и направлений, по которым Закон корректировался в течение прошедшего времени, однако заметим, что одним из основных его недостатков являлся тот факт, что система образования регламентировалась не иначе, как сфера услуг, в рамках которой педагогический коллектив, педагог, образовательная организация, предоставляя образовательные услуги по определенной программе и в определенном объеме часов, не несли на себе воспитательных функций и

¹ Электронный ресурс: Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации». Доступно на сайте: www.kremlin.ru/acts/bank/36698 (дата обращения 22.07.2025 г.)

ответственности за «конечный продукт» - качественные характеристики ученика, молодого гражданина государства, получающего вышеперечисленные образовательные услуги. И, соответственно, педагог, учитель был в целом свободен от подобной ответственности и обязанностей.

Как все это отразилось на нескольких поколениях российских граждан, также комментировать не требует, поскольку во многих случаях пришлось сталкиваться с фактами того, что молодые люди и в школе, и позднее в колледже или институте впитывали искаженный исторический и фактологический образовательный продукт, дезориентируясь в окружающем мире и достижениях российских науки, техники, искусства, жизненной ориентации и ценностях.

Изменения законодательства, регламентирующего образование в государстве, происходили последовательно, но в особенности хотелось бы задержать внимание на корректировках Закона, происшедших в период после принятия Основ, которые внесли основополагающие изменения в его сутевую часть, но главное, восстановили фундамент формирования гармоничного развития, патриотизма и социальной ответственности школьника-студента-гражданина российского государства, ответственности образовательной организации за конечные результаты своей педагогической и воспитательной деятельности. Такими законодательными актами явились федеральные законы о внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 4.08.2023 г. № 479-ФЗ; от 19.12.2023 г. № 618-ФЗ; от 25.12.2023 г. № 685-ФЗ.

Остановимся кратко на содержании вышеперечисленных законодательных актов и тех изменениях, которые они привнесли в Закон.

Федеральный закон от 4.08.2023 г. № 479-ФЗ¹, вступивший в действие с 1 сентября 2023 года, напрямую коснулся развития личности обучающегося и регламентировал обязанность образовательной организации по формированию у обучающегося «трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам», а также «обучения и воспитания», заменил в школьных курсах безликую дисциплину – «Основы безопасности жизнедеятельности» на востребованную обществом - «Основы безопасности и защиты Родины», а также обязал образовательную организацию «содействовать добровольческой (волонтерской) деятельности обучающихся, их участию в общественно-полезном труде». В то же время обучающиеся были обязаны «бережно относиться к имуществу» образовательной организации, «поддерживать в ней чистоту и порядок».

¹ Электронный ресурс: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 4 августа 2023 г. № 479-ФЗ. Доступно на сайте: <http://kremlin.ru/acts/bank/49666> – (дата обращения: 15.07.2025).

Федеральный закон от 19.12.2023 № 618-ФЗ¹ в целом затронул вопросы внутреннего распорядка обучающихся, их дисциплины на учебных занятиях, правил поведения в образовательной организации. Им было запрещено использование радиотелефонной связи во время проведения учебных занятий. Контроль за соблюдением правил внутреннего распорядка и дисциплины, как во время учебных занятий, так и внутри образовательной организации был возложен на педагогических и руководящих работников образовательной организации. Этим же законодательным актом регламентирована защита прав педагогического работника на всех уровнях в случае, когда они нарушаются обучающимися, требование привлечения их к дисциплинарной ответственности.

Федеральный закон от 25 декабря 2023 года № 685-ФЗ установил, что образовательные организации обязаны осуществлять свою деятельность, опираясь на традиционные российские духовно-нравственные ценности, в интересах личности, семьи, общества и государства. В процессе обучения должны формироваться такие качества, как патриотизм, уважение к памяти защитников Родины и подвигам героев, уважение к закону и правопорядку, к труду и старшему поколению, а также взаимное уважение. Закон также акцентирует внимание на развитии познавательной активности, самостоятельности, инициативы и творческих способностей обучающихся, формировании их гражданской позиции, трудолюбия и ответственного отношения к профессиональной и добровольческой деятельности, а также культивировании культуры здорового и безопасного образа жизни.² Нами феномен волонтерских организаций правоохранительной направленности в формате общественных объединений рассмотрен в специальном исследовании, и они воспринимаются как негосударственные субъекты национальной безопасности [9, с.122-131].

Вышеприведённые законодательные акты внесли значимые уточнения в сущность образовательной деятельности, ориентируя её на конечную цель – воспитание гармонично развитой и социально ответственной личности, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, которые востребованы как государством, так и социальной и исторической ситуацией, сложившейся в России.

Очевидно, что данные изменения в законодательстве неизбежно должны повлечь за собой соответствующую корректировку образовательного пространства на всех его этапах и уровнях. Это касается педагогической среды, в рамках которой формируется современный

¹ Электронный ресурс: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 19 декабря 2023 г. № 618-ФЗ. Доступно на сайте: <http://kremlin.ru/acts/bank/50109> – (дата обращения: 15.07.2025).

² Электронный ресурс: Федеральный закон «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 25 декабря 2023 г. № 685-ФЗ. Доступно на сайте: <http://kremlin.ru/acts/bank/50186> – (дата обращения: 15.07.2025).

русский гражданин, начиная со школьного образования и заканчивая периодом начала профессиональной деятельности. Образовательная среда должна быть насыщена атмосферой, направленной на формирование профилактического воздействия, пропаганду правомерного поведения и коррекцию склонностей учащихся к противоправным действиям при необходимости. Такой подход является важным элементом комплексной работы по предупреждению девиантного и правонарушающего поведения в образовательных организациях, обеспечивая создание условий для гармоничного развития личности и социально ответственного поведения, а это, в свою очередь, по мере приближения стандартов образования к поставленным в Основах реперам, позволит реализовать стратегические национальные приоритеты, сформулированные в Стратегии, и, соответственно, приблизить достижение стратегических целей развития российского государства, обеспечивая национальную безопасность Российской Федерации.

Список источников:

1. Гирько (2024) – Гирько С.И. Комплексная безопасность образовательной среды, как стратегический национальный приоритет Российской Федерации. Административное право и процесс. 2024. № 7.
2. Кривых (2011) – Кривых С. В. Соотношение понятий «среда» и «пространство» в социокультурном и образовательном аспектах / С.В. Кривых // Мир науки, культуры, образования. – 2011. №2.
3. Новикова (1985) – Новикова Л.И. Школа и среда. – М.: Изд-во «Знание». 1985. 80 с.
4. Ожегов, Шведова (2006) – Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М.: Изд-во ИТИ Технологии. 2006. 944 с.
5. Ясвин (2001) – Ясвин В.А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / Ясвин В. А. – М.: Смысл, 2001.
6. Выготский (1991) – Выготский Л. С. Педагогическая психология / под ред. В. В. Давыдова. — М.: Педагогика, 1991. 480 с.
7. Кирсанов, Петрошенко (2014) – Кирсанов А.И., Петрошенко А.И. Правовое воспитание старших школьников: состояние и проблемы совершенствования// «Право и образование». № 5 – М.: СГА. 2014.
8. Гирько, Безуглая, Мазеин (2025) – Гирько С.И., Безуглая А.А., Мазеин А.В. Общественные объединения, созданные с участием государства, как особые субъекты обеспечения национальной безопасности. Труды Академии управления МВД России. 2025. № 2 (74).

References:

Giriko (2024) – Giriko S.I. Comprehensive Security of the Educational Environment as a Strategic National Priority of the Russian Federation. Administrative Law and Process. [Kompleksnaja bezopasnost obrazovatelnoi sredi, kak strategicheskij natsionalnij prioritet Rossijskoj Federatsii]. 2024. No. 7.

Krivykh (2011) – Krivykh, S.V. The Relationship between the Concepts of "Environment" and "Space" in the Sociocultural and Educational Aspects [Sootnosheniye poniatij «sreda» I «prostranstvo» v sociokulturnom I

obrazovatelnom aspektah] / S.V. Krivykh // World of Science, Culture, and Education. — 2011. No. 2.

Novikova (1985) - Novikova L.I. School and Environment [Shkola i sreda]. Moscow: Znanie Publishing House. 1985. 80 p.

Ozhegov, Shvedova (2001) – Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu. Explanatory Dictionary of the Russian Language. M.: ITI Technologies Publishing House. 2006. 944 p.

Yasvin (2001) – Yasvin V.A. Educational Environment: From Modeling to Design [Obrazovatel'naja sreda: ot modelirovaniya k proektirovaniyu] / V.A. Yasvin. – M.: Smysl, 2001.

Vygotsky (1991) – Vygotsky L.S. Pedagogical Psychology [Pedagogicheskaja psihologija]/ edited by V.V. Davydov. – M.: Pedagogika, 1991. 480 p.

Kirsanov, Petroshenko (2014) – Kirsanov A.I., Petroshenko A.I. Legal Education of High School Students: Current State and Problems of Improvement [Pravovoe vospitanie starshih shkolnikov: sostojanie i problemy sovershenstvovaniya] // Law and Education. No. 5 – Moscow: SGA. 2014.

Giriko, Bezuglaya, Mazein (2025) – Giriko S.I., Bezuglaya A.A., and Mazein A.V. Public Associations Established with the Participation of the State as Special Subjects of National Security [Obshestvennije objedinenija, sozdannye s uchastiem gosudarstva, kak osobije subjekty natsionalnoy bezopasnosti]. Proceedings of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2025. No. 2 (74).

Административное право

УДК 342

JEL: К 23

*КАРПОВ Артем Гагикович*¹

¹ Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Всероссийский государственный университет юстиции» (РПА Минюста России). Азовская ул., д. 2 корп.1, Москва, 117638, Россия.

<https://orcid.org/0009-0004-1795-1176>

¹ Карпов Артем Гагикович, кандидат юридических наук, доцент кафедры административного, финансового и информационного права РПА Минюста России. E-mail: AGKarпов.91@yandex.ru

ЗАДЕРЖАНИЕ КАК МЕРА ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Аннотация

Предмет/тема. Статья посвящена исследованию теоретических аспектов и правоприменительных проблем, возникающих при реализации задержания как меры государственного принуждения.

Цели/задачи. Констатируется, что несмотря на схожую правовую природу административно-процессуального и уголовно-процессуального задержания, фактические аспекты их реализации в отношении отдельных групп правонарушителей имеют существенные отличия, а в некоторых случаях и нормативные пробелы. Основной задачей проведенного компаративистского анализа положений КоАП РФ, УПК РФ, а также ряда иных нормативных правовых актов выступает теоретическое обоснование существующих правовых неопределенностей, а также выработка практических предложений, которые направлены на их преодоление в целях обеспечения принципа законности в деятельности должностных лиц, наделенных правом реализации данной меры государственного принуждения.

Методология. При подготовке статьи были использованы общенаучные и частнонаучные методы познания. Диалектический метод позволил исследовать систему взаимосвязанных правовых предписаний, служащих основаниями для ограничения личной свободы правонарушителей в целях выявления существующих в нормативных правовых актах пробелов и противоречий; сравнительно-правовой метод позволил путем сопоставления различных правовых источников выявить и обосновать существующие между административно-процессуальным и уголовно-процессуальным задержанием сходства и различия; формально-юридический метод применялся при анализе законодательных норм.

Результаты/выводы. Элементом научной новизны проведенного исследования выступает предложенная автором отраслевая классификация оснований задержания правонарушителей, а также выделение в ней «внепроцессуальной» формы, определение особенностей ее реализации, а также сопутствующих нормативных неопределенностей и пробелов, которые оказывают существенное негативное влияние на правоприменительную практику.

Ключевые слова: *государственное принуждение, задержание, правовая*

неопределенность, правовые коллизии, законность.

Administrative law

¹ **Artem G. Karpov**

PhD in Law, Associate Professor of the Department of Administrative, Financial, and Information Law at the All-Russian State University of Justice (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation).

DETENTION AS A MEASURE OF STATE COERCION: PROBLEMS OF THEORY AND PRACTICE

Annotation

The subject/topic The article is devoted to the study of theoretical aspects and law enforcement problems that arise when implementing detention as a measure of state coercion.

Goals/objectives The author states that, despite the similar legal nature of administrative procedural and criminal procedural detention, the actual aspects of their implementation in relation to certain groups of offenders have significant differences, and in some cases, regulatory gaps. The main objective of the comparative analysis of the provisions of the Administrative Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, as well as a number of other regulatory legal acts is the theoretical justification of existing legal uncertainties, as well as the development of practical proposals aimed at overcoming them in order to ensure the principle of legality in the activities of officials authorized to implement this measure of state coercion.

Methodology When preparing the article, the author used general scientific and private scientific methods of cognition. The dialectical method made it possible to explore a system of interrelated legal prescriptions that serve as grounds for restricting the personal freedom of offenders, in order to identify gaps and contradictions existing in regulatory legal acts; the comparative legal method made it possible, by comparing various legal sources, to identify and substantiate the similarities and differences existing between administrative procedural and criminal procedural detention; The formal legal method was used in the analysis of legislative norms.

Results/conclusions An element of the scientific novelty of the conducted research is the sectoral classification of the grounds for detention of offenders proposed by the author, as well as the allocation of an "out-of-process" form in it, the definition of the specifics of its implementation, as well as the accompanying regulatory uncertainties and gaps that have a significant negative impact on law enforcement practice.

Keywords: *state coercion, detention, legal uncertainty, legal conflicts, legality.*

Вопросы государственного принуждения были, есть и, наверное, будут оставаться актуальными всегда. Внимание ученых и практиков, привлекаемое к данной проблематике, обуславливается многофункциональностью принуждения как правовой категории [1, с.22-28], его содержанием и предназначением. Подходы к определению понятия принуждения разнообразны, а их сущностные отличия определяются мировоззрением конкретного автора, сферой применения, а также отраслевой принадлежностью таких мер, определяющих их специфику и

содержание [2; 3, с. 394 – 396; 4; 5; 6, с.76; 7, с.3; 8; 9; 10; 11; 12; 13; 14]. Вместе с тем все авторы в достаточной степени едины в том, что сущность принуждения определяется его правоограничительным характером, применением лишений и обременений, которые выступают следствием невыполнения или сознательного нарушения участником общественных отношений конкретных правовых предписаний, содержащих запреты или ограничения, а равно накладывающих юридически значимые обязанности. Содержание негативных последствий, применяемых к правонарушителю, определяется степенью общественной опасности совершенного деяния. Не вызывает сомнения, что одной из наиболее серьезных мер воздействия, входящих в систему государственного принуждения, выступает ограничение конституционных прав граждан – свободы и личной неприкосновенности.

Задержание как мера государственного принуждения представляет собой кратковременное ограничение свободы физического лица, применяемое для решения задач, стоящих перед федеральными органами исполнительной власти, в целях защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Одним из субъектов правоохраны, наиболее часто применяющим задержание физических лиц, выступают органы внутренних дел, которые в своей деятельности руководствуются положениями ФЗ «О полиции»¹, нормами отраслевого законодательства², а также рядом подзаконных нормативных правовых актов³. Следует отметить, что несмотря на схожую правовую природу административно-процессуального и уголовно-процессуального задержания, фактические аспекты его реализации в отношении отдельных групп правонарушителей имеют существенные отличия, а в отдельных случаях и нормативные пробелы, которые предлагается рассмотреть более подробно.

Перечень лиц, которых полиция имеет право задерживать, содержится в части 2 статьи 14 ФЗ «О полиции». Представляется целесообразным разделить их на три группы:

- 1) лица, совершившие административные правонарушения;
- 2) лица, совершившие преступления;
- 3) лица, свобода которых ограничивается по иным основаниям,

¹ Федеральный закон от 07.02.2011 №3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. – 14.02.2011. – № 7. – ст. 900.

² Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – ст. 1.; Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 24.12.2001. – № 52 (ч. 1). – ст. 4921.

³ Постановление Правительства РФ от 16.04.2012 № 301 «Об утверждении Положения об условиях содержания, нормах питания и порядке медицинского обслуживания задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 23.04.2012. – № 17. – ст. 1975.

предусмотренным федеральными законами.

Представляется целесообразным остановиться на вопросе правового статуса лиц, задержанных за совершение административных правонарушений и преступлений. Так, задержанные обладают совокупностью схожих прав, которые предполагают возможность уведомления близкого родственника (родственника) или близкого лица о временном ограничении свободы и месте фактического нахождения в срок, не превышающий трех часов с момента задержания (за исключением лиц, прямо предусмотренных частью 11 статьи 14 ФЗ «О полиции»); получения исчерпывающих сведений о причинах и основаниях ограничения свободы; получения юридической и экстренной медицинской помощи, услуг переводчика; отказа от дачи объяснения.

Иные элементы правового статуса, а также организационно-процессуальные особенности реализации рассматриваемой меры государственного принуждения имеют существенные отличия.

Во-первых, различным образом исчисляется срок задержания. Толкование статьи 92 УПК РФ, а также анализ мнений исследователей рассматриваемой проблематики, позволяют констатировать, что отправной точкой для начала течения срока задержания подозреваемого (обвиняемого) является время фактического ограничения свободы передвижения указанного лица [15].

В свою очередь, в соответствии с частью 4 статьи 27.5 КоАП РФ срок административного задержания начинается с момента доставления лица, совершившего административное правонарушение, в территориальный орган внутренних дел или иное структурное подразделение (служебное помещение, помещение муниципального органа) полиции.

Давая правовую оценку действиям уполномоченных лиц, осуществляющих доставку, судебные инстанции исходят из того, что «законодатель не устанавливает конкретных сроков доставки, поскольку невозможно предусмотреть и учесть конкретные обстоятельства, влияющие на его продолжительность (территориальная удаленность, наличие и/или техническое состояние транспорта, пропускная способность автодорог, климатические условия, состояние здоровья доставляемого и пр.)»¹. Более того, в случаях задержания лица, которое находится в состоянии опьянения любого вида, препятствующем проведению административных процедур (например, установления личности) или процессуальных действий, юридически срок ограничения его свободы начинается с момента вытрезвления, но не может превышать 48 часов.

¹ Кассационное определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 23.07.2025 № 88а-10080/2025 (УИД 66RS0004-01-2024-004772-54) // СПС КонсультантПлюс.

Применение подобных законодательных конструкций не позволяет включать в срок задержания временной период, в течение которого лицо, фактически находясь под стражей, препровождалось в орган внутренних дел, а затем на протяжении длительного времени находилось в нем, что, по нашему мнению, порождает значительный правовой диссонанс. Наличие указанных проблем отмечается и другими исследователями [16, с.30-33; 17, 55-63].

Во-вторых, административно-процессуальное и уголовно-процессуальное задержание осуществляется различными должностными лицами органов внутренних дел. Так, составление протокола о задержании лиц, совершивших административные правонарушения, осуществляется уполномоченным сотрудником дежурной части (начальником дежурной смены, оперативным дежурным, дежурным по разбору с доставленными и т.д.)¹. В свою очередь, принятие процессуального решения о задержании подозреваемого (обвиняемого) в совершении преступления находится в исключительной компетенции следователя (дознателя). Указанные должностные лица наделены полномочиями по прекращению задержания лиц, временно находящихся под стражей.

В-третьих, различаются места содержания под стражей лиц, свобода которых временно ограничена в результате применения соответствующих мер обеспечения по делу об административном правонарушении и процессуального принуждения. Физические лица, совершившие административные правонарушения, подлежат водворению в камеру для административно задержанных, в то время как обвиняемые и подозреваемые помещаются в изолятор временного содержания. Совместно размещение указанных категорий правонарушителей не допускается.

Наряду с поднятой проблематикой значительное число вопросов возникает и в связи с задержанием лиц, свобода которых ограничивается по иным основаниям, предусмотренным федеральными законами, например, пунктами 4, 7, 8, 11, 13 части 2 статьи 14 ФЗ «О полиции». Выразим мнение о том, что особенностью задержания лиц по отмеченным основаниям выступает «внепроцессуальная форма» его осуществления, которая порождает ряд правовых неопределенностей.

Первым обстоятельством, требующим внимания, выступает невозможность соотнесения указанных юридических фактов ни с административными правонарушениями, ни с преступлениями, что обуславливает невозможность применения соответствующих норм указанного отраслевого законодательства. Так, в соответствии с пунктом 4

¹ Приказ МВД России от 30.08.2017 № 685 «О должностных лицах системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных составлять протоколы об административных правонарушениях и осуществлять административное задержание» // СПС КонсультантПлюс.

части 2 статьи 14 ФЗ «О полиции» задержанию могут быть подвергнуты лица, находящиеся в розыске, - до передачи их соответствующим органам, учреждениям или должностным лицам, являющимся инициаторами розыска подозреваемого (обвиняемого).

Анализ приведенной нормы позволяет констатировать, что в момент фактического задержания такое лицо может не совершать юридически наказуемого деяния. В практической деятельности достаточно часто встречаются случаи, когда в розыск объявляются подозреваемые (обвиняемые) в совершении преступлений, в отношении которых была избрана мера пресечения, не связанная с заключением под стражу (подписка о невыезде), то есть отсутствует судебное решение, позволяющее ограничивать свободу подозреваемого на срок более 48 часов. Отмеченное обстоятельство приводит к тому, что инициатор розыска подозреваемого (обвиняемого), территориально находящийся за сотни или тысячи километров от места его задержания, не имеет фактической возможности своевременно доставить такое лицо без нарушения принципа законности, вытекающего из положений части 2 статьи 22 Конституции РФ¹.

Вторым обстоятельством, требующим внимания, служит отсутствие законодательно закрепленных требований к форме и содержанию протокола о задержании указанной категории лиц, что создает определенные проблемы в практической деятельности. Так, порядок составления административно-процессуальных (статья 27.4 КоАП РФ «Протокол об административном задержании», статья 28.2 КоАП РФ «Протокол об административном правонарушении») и уголовно-процессуальных (статья 92 УПК РФ «Порядок задержания подозреваемого») документов достаточно подробно регламентируется отраслевым законодательством, а их бланки имеют устоявшуюся в правоприменительной практике форму. В свою очередь, в вопросе документирования задержания, например, лиц, находящихся в розыске, существует значительный нормативный пробел, выражающийся в отсутствии какой-либо правовой регламентации таких действий, что закономерно порождает правовую неопределенность, негативно влияет на соблюдение прав и свобод граждан.

Подводя краткий итог анализа текущего состояния и проблем правоприменительной практики, можно сделать следующие выводы. Задержание как мера государственного принуждения, реализуемая в деятельности органов внутренних дел, выступает одним из эффективных средств защиты прав и свобод граждан, интересов общества и государства. Правовая регламентация отдельных процессуальных аспектов ее

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС КонсультантПлюс.

реализации представляется нам несовершенной, а в отдельных аспектах – глубоко пробельной. Необходимость устранения обозначенных проблем обуславливает, по нашему мнению, необходимость дальнейшего исследования теоретических основ и совершенствования практико-ориентированной организационной и процессуальной составляющей применения задержания в целях соблюдения принципа законности.

Список источников:

1. Ожегова (2022) – Ожегова Г.А. К вопросу о государственном принуждении // Государственная власть и местное самоуправление. – 2020. – № 12. – С. 22-28.
2. Пучнин (2000) – Пучнин А.С. Принуждение и право: дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2000. 234 с.
3. Ильин (2006) – Ильин, И.А. О противлении злу силою // Путь духовного обновления: работы разных лет. СПб.: Библиополис. 2006. С. 394-396.
4. Лейст (1981) – Лейст О.Э. Санкции и ответственность по советскому праву (теоретические проблемы). М.: Изд-во Московского ун-та, 1981. 240 с.
5. Козулин (1986) – Козулин А.И. Правовое принуждение (правовые начала государственного принуждения в советском обществе): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Свердловск, 1986. 16 с.
6. Макарейко (2025) – Макарейко Н.В. Мера государственного принуждения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2025. – Т. 70, № 2. – С. 74-77.
7. Рогов (2013) – Рогов А.П. Особенности государственного принуждения в правовом государстве: автореф. дисс ... канд. юрид. наук: 12.00.01. – Саратов, 2013. – 27 с.
8. Поникаров (2009) – Поникаров В.А. Теоретико-прикладные основы организации и осуществления административно-юрисдикционной деятельности в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.14. - Рязань, 2009. – 53 с.
9. Каплунов (2005) – Каплунов А.И. Административное принуждение, применяемое органами внутренних дел (системно-правовой анализ): автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.14. – Москва, 2005. – 60 с.
10. Овчарова (2021) – Овчарова Е.В. Административное принуждение за нарушение налогового законодательства в Российской Федерации как элемент механизма правового регулирования в области налогов и сборов: автореф. дис. ... д-ра. юрид. наук: 12.00.14. – Москва, 2021. – 51 с.
11. Романькова (2017) – Романькова С.А. Административное принуждение, применяемое полицией в области дорожного движения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Омск, 2017. – 23 с.
12. Буторина (2013) – Буторина, Л.С. Административное принуждение, применяемое в отношении несовершеннолетних: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Москва, 2013. – 31 с.
13. Огиенко (2019) – Огиенко А.С. Административно-правовое принуждение в сфере миграции: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Москва, 2019. – 28 с.
14. Барышев (2007) – Барышев В.В. институт административного

принуждения: соотношение материального и процессуального права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.14. – Ростов-на-Дону, 2007. – 27 с.

15. Шараева (2018) – Шараева, Я.А. Исчисление срока задержания лица, подозреваемого в совершении преступления // Право: история и современность. 2018. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ischislenie-sroka-zaderzhaniya-litsa-podozrevaemogo-v-sovershenii-prestupleniya> (дата обращения: 12.11.2025).

16. Вашаев (2025) – Вашаев М.А. Проблемные вопросы нормативного регулирования административного задержания в деятельности органов внутренних дел (полиции) // Вестник Московского университета МВД России. – 2025. – № 3. – С. 30-33.

17. Беженцев (2025) – Беженцев А.А. Законность при административном задержании и личном досмотре: особенности реализации // Вестник Всероссийского института повышения квалификации сотрудников Министерства внутренних дел Российской Федерации. – 2025. – № 1(73). – С. 55-63.

References:

Ozhegova (2022) – Ozhegova, G.A. On the Issue of State Coercion [K voprosu o gosudarstvennom prinuzhdenii] // State Power and Local Self-Government // [Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie]. – 2020. – No. 12. – Pp. 22-28.

Puchnin (2000) – Puchnin, A.S. Coercion and Law: Diss. ... Candidate of Legal Sciences. Tambov, 2000. 234 p.

Ilyin (2006) – Ilyin, I.A. On Resisting Evil by Force // The Path of Spiritual Renewal: Works of Different Years. St. Petersburg: Bibliopolis, 2006. Pp. 394-396.

Leist (1981) – Leist, O.E. Sanctions and Responsibility under Soviet Law (Theoretical Issues). Moscow: Moscow University Press, 1981. 240 p.

Kozulin (1986) – Kozulin, A.I. Legal coercion (the legal principles of state coercion in Soviet society): abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences'. Sverdlovsk, 1986. 16 p

Makareiko (2025) – Makareiko, N.V. A measure of state coercion [Mera gosudarstvennogo prinuzhdeniya] // Legal science and practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia // [YUridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii]. – 2025. – Vol. 70, No. 2. – Pp. 74-77.

Rogov (2013) – Rogov, A.P. Features of state coercion in a rule-of-law state: abstract. diss ... Candidate of Sciences. jurid. Sciences : 12.00.01. – Saratov, 2013. – 27 p.

Ponikarov (2009) – Ponikarov, V.A. Theoretical and Applied Foundations of the Organization and Implementation of Administrative and Jurisdictional Activities in the Penitentiary System of the Russian Federation : Abstract of Dissertation ... Dr. Law. Sciences: 12.00.14. - Ryazan, 2009. – 53 p.

Kaplunov (2005) – Kaplunov, A.I. Administrative Coercion Applied by Internal Affairs Bodies (System-Legal Analysis): Abstract of Dissertation ... Dr. Law. Sciences: 12.00.14. – Moscow, 2005. – 60 p.

Ovcharova (2021) – Ovcharova, E.V. Administrative coercion for violation of tax legislation in the Russian Federation as an element of the mechanism of legal regulation in the field of taxes and fees: abstract of the dissertation of Dr. jurid. Sciences : 12.00.14. – Moscow, 2021. – 51 p.

Romankova (2017) – Romankova, S.A. Administrative coercion used by the police in the field of traffic: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences : 12.00.14. – Omsk, 2017. – 23 p.

Butorina (2013) – Butorina, L.S. Administrative coercion used against minors: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. Sciences : 12.00.14. – Moscow, 2013. – 31 p.

Ogienko (2019) – Ogienko, A.S. Administrative and legal coercion in the field of migration: abstract of the dissertation of the candidate. jurid. sciences : 12.00.14. – Moscow, 2019. – 28 p.

Baryshev (2007) – Baryshev, V.V. The Institute of Administrative Coercion: the Correlation of Material and Procedural Law: author. dis. ... cand. jurid. sciences : 12.00.14. – Rostov-on-Don, 2007. – 27 p.

Sharaeva (2018) – Sharaeva, Ya.A. Calculation of the Period of Detention of a Person Suspected of Committing a Crime [Ischislenie sroka zaderzhaniya lica, podozrevaemogo v sovershenii prestupleniya] // Law: History and Modernity // [Pravo: istoriya i sovremennost']. 2018. No. 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ischislenie-sroka-zaderzhaniya-litsa-podozrevaemogo-v-sovershenii-prestupleniya> (date of access: 12.11.2025).

Vashaev (2025) – Vashaev, M.A. Problematic Issues of Normative Regulation of Administrative Detention in the Activities of Internal Affairs Bodies (Police) [Problemye voprosy normativnogo regulirovaniya administrativnogo zaderzhaniya v deyatelnosti organov vnutrennih del (policii)] // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia // [Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii]. – 2025. – No. 3. – Pp. 30-33.

Bezantsev (2025) – Bezantsev, A.A. Legality in Administrative Detention and Personal Search: Features of Implementation [Zakonnost' pri administrativnom zaderzhanii i lichnom dosmotre: osobennosti realizacii] // Bulletin of the All-Russian Institute for Advanced Training of Employees of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation // [Vestnik Vserossijskogo instituta povysheniya kvalifikacii sotrudnikov Ministerstva vnutrennih del Rossijskoj Federacii]. – 2025. – No. 1(73). – Pp. 55-63.

Административное право

УДК: 342

JEL: K23

ШТЫМОВ Кантемир Заурович

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», ул. Садовая-Кудринская, д. 9, стр. 1, Москва, 123242, Россия.

<https://orcid.org/0009-0005-3439-8365>

Штымов Кантемир Заурович, аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва.

E-mail: kantik15012000@gmail.com

Научный руководитель: Степаненко Юрий Викторович, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, член-корреспондент РАЕН, профессор кафедры административного права и процесса имени Л.Л. Попова Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) E-mail: stepanenko.50@mail.ru

**К ВОПРОСУ АВТОМАТИЧЕСКОЙ ФИКСАЦИИ
АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ**

Аннотация

Предмет/тема. Статья посвящена исследованию допустимости доказательств, полученных с помощью средств автоматической фиксации административных правонарушений, как элемента комплекса мер, направленных на профилактику и предупреждение дорожно-транспортных происшествий. Анализ действующего законодательства, особенностей правоприменительной практики в области фиксации административных правонарушений и привлечения виновных лиц к административной ответственности.

Цель/задачи. Целью исследования является анализ ключевых проблем, связанных с фиксацией административных правонарушений специальными техническими средствами автоматической фиксации, допустимости доказательств, полученных с помощью средств автоматической фиксации при рассмотрении дел об административных правонарушениях, а также выработка предложений по совершенствованию законодательства в целях эффективной работы уполномоченных органов исполнительной власти по профилактике и предупреждению дорожно-транспортных происшествий.

Методология. При подготовке статьи использовались следующие методы: наблюдение, сравнение, описание, анализ, синтез (общенаучные методы); формально-юридический, историко-правовой (частнонаучные методы).

Результаты/выводы. Анализ законодательства и сложившейся в Российской Федерации практики свидетельствует, что на сегодняшний день существует необходимость в принятии комплексных мер в области фиксации административных правонарушений специальными техническими средствами автоматической фиксации, направленных на профилактику и предупреждение дорожно-транспортных происшествий на дорогах общего пользования Российской Федерации.

Ключевые слова: административные правонарушения, автоматическая фиксация, дорожное движение, собственники транспортных средств.

Administrative law

Kantemir Z. Shtymov

Post-graduate student, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow.

Scientific supervisor: Yuri Viktorovich Stepanenko, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Professor of the L.L. Popov Department of Administrative Law and Procedure at the O.E. Kutafin Moscow State Law University (MGUA)

ON THE ISSUE OF AUTOMATIC RECORDING OF ADMINISTRATIVE OFFENSES

Annotation

Subject/topic The article examines the admissibility of evidence obtained through automated systems for recording administrative offenses, as an element of a comprehensive set of measures aimed at preventing and reducing road traffic accidents. Analysis of current legislation and the specifics of law enforcement practices in the field of recording administrative offenses and bringing offenders to administrative responsibility.

Goal/objectives The aim of the study is to analyze key issues related to: the recording of administrative offenses using automated technical systems; the admissibility of evidence obtained via automated recording systems in administrative offense proceedings; developing proposals to improve legislation in order to enhance the effectiveness of authorized executive bodies in preventing and reducing road traffic accidents.

Methodology In preparing the article, the following methods were employed: general scientific methods: observation, comparison, description, analysis, and synthesis; specific scientific methods: formal-legal and historical-legal approaches.

Results/conclusions An analysis of legislation and established practices in the Russian Federation indicates that there is currently a need to adopt comprehensive measures in the area of recording administrative offenses via automated technical means. These measures should be aimed at preventing and reducing road traffic accidents on public roads throughout the Russian Federation.

Keywords: *administrative offenses, automatic recording, road traffic, vehicle owners.*

Стремительное развитие современных технологий наряду с ростом городского населения и увеличения количества личного транспорта, передвигающегося по дорогам общего пользования, усложняет процесс разработки и принятия правовых актов, регулирующих возникающие общественные отношения [1]. Данные обстоятельства в условиях несоответствия фактической ресурсной оснащенности профильных ведомств объему возложенных функций по обеспечению безопасности дорожного движения становятся импульсом к исключению человека из административного процесса и автоматизации сбора доказательств по делам об административных правонарушениях [2].

Фиксация административных правонарушений специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме (далее – СТСАФ), представляется инструментом, наиболее эффективным на пути к повышению безопасности дорожного движения на территории Российской Федерации, впервые использованным подразделениями Министерства внутренних дел Российской Федерации в 2008 году¹, однако не имеющим до настоящего времени надлежащего нормативно-правового обеспечения.

Как отмечает Б.В. Рудаков, несмотря на без малого два десятка лет широкого применения СТСАФ в обеспечении безопасности дорожного движения, единого определения термина «СТСАФ» до сих пор не выработано [3].

В работах В.И. Майорова и других известных исследователей проблем безопасности дорожного движения рассматривался вопрос необходимости разработки и введения в действие нормативно-правового акта, определяющего единые условия применения, использования и размещения СТСАФ [4]. Важно, что проблема нормативного определения СТСАФ в современной России лежит как в плоскости нормативно-правового регулирования, так и в сфере практического применения.

С развитием технологий, в арсенале органов исполнительной власти Российской Федерации, уполномоченных на рассмотрение дел об административных правонарушениях, помимо стационарных СТСАФ начали появляться иные СТСАФ, позволяющие осуществлять фиксацию административных правонарушений не только на оживленных участках, но и на всей протяженности улично-дорожной сети России.

К наиболее часто применяемым уполномоченными ведомствами СТСАФ, помимо стационарных, относятся мобильные, передвижные и носимые СТСАФ. При наличии в современном российском законодательстве фрагментарно сформированной нормативно-правовой базы (с сохранением у правоприменителей проблем технического и правосубъектного характера) применения стационарных, мобильных и передвижных СТСАФ², использование носимых СТСАФ до настоящего момента надлежащим образом не закреплено [5].

¹ Постановление Правительства РФ от 20.02.2006 № 100 «О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2006 – 2012 годах» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2025).

² Федеральный закон от 29.05.2023 № 197-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" и статью 3 Федерального закона "О Государственной компании "Российские автомобильные дороги" и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2025).

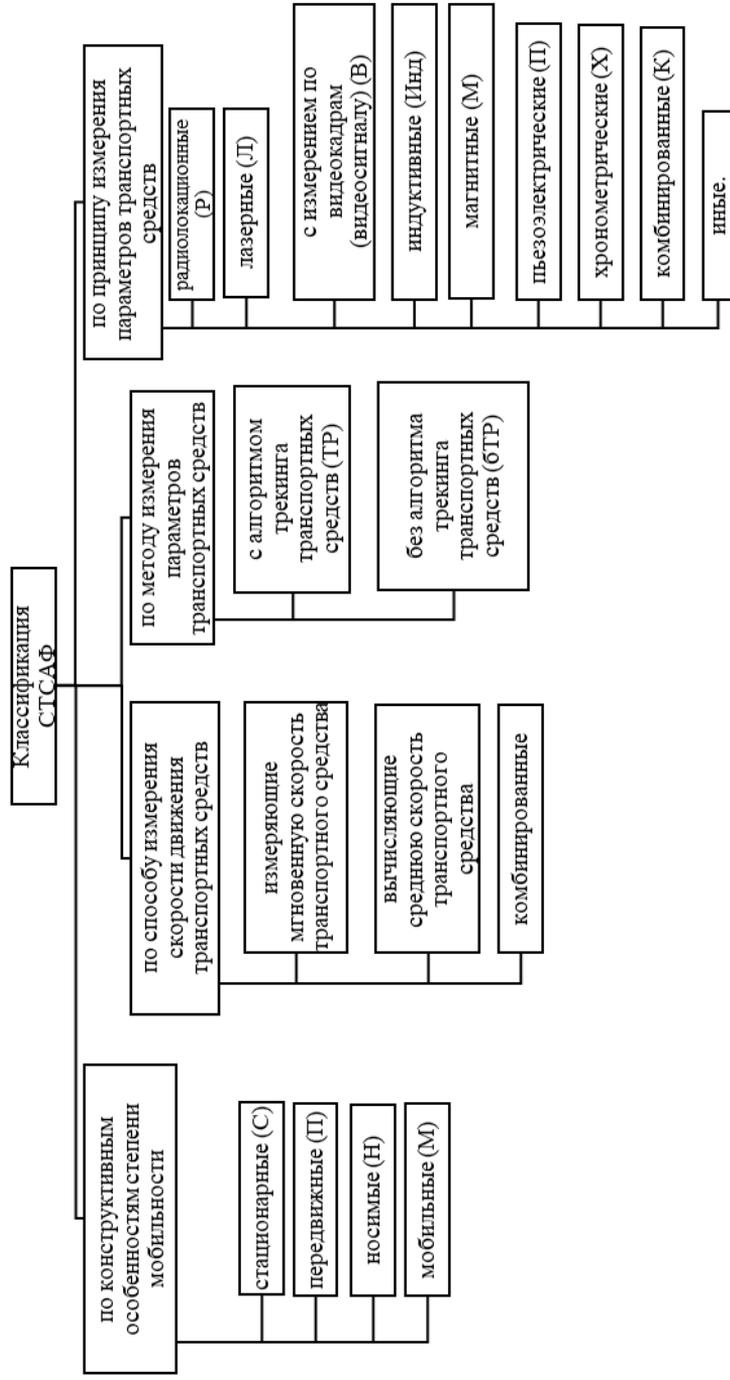

Таблица 1 – Классификация специальных технических средств автоматической фиксации административных правонарушений / Classification of special technical means for automatic recording of administrative offenses
 Источник: составлено автором.

Ярким примером служит осуществление Правительством Москвы полномочий, переданных ему в соответствии с Соглашением между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Москвы о передаче городу Москве части федеральных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях¹.

В рамках осуществления полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, ответственность за которые предусмотрена частью 5 статьи 12.16 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ), Правительством Москвы разработано, а уполномоченным на привлечение лиц, совершивших административные правонарушения в области дорожного движения органом исполнительной власти города Москвы² применено носимое СТСАФ «программно-аппаратный комплекс «Помощник Москвы». СТСАФ, являвшееся в действительности программным обеспечением, устанавливаемым как на стационарные СТСАФ, так и на мобильные устройства, соответствовало действующим на момент создания требованиям к сертификации и поверке СТСАФ. Так, решением Московского городского суда от 18.06.2020 по делу № 7-6644/2020 установлено, что программно-аппаратный комплекс «Помощник Москвы» является одним из видов технических средств, работающих в автоматическом режиме, перечисленных в части 3 статьи 28.6 КоАП РФ, и обеспечивает автоматическую фиксацию событий (в том числе административных правонарушений) в зоне своего обзора без влияния человека. Важно, что судами общей юрисдикции признавалась законной фиксация административного правонарушения, с одной стороны, осуществленная СТСАФ, но с другой – зона фиксации которого установлена должностным лицом уполномоченного органа по его усмотрению. Сложившуюся судебную практику в данной сфере изменил Верховный Суд Российской Федерации³.

¹ Соглашение между Министерством внутренних дел Российской Федерации и Правительством Москвы от 04.10.2013 № 77-684 о передаче городу Москве части федеральных полномочий по рассмотрению дел об административных правонарушениях, предусмотренных Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2025).

² Постановление Правительства Москвы от 14.10.2013 № 679-ПП "О Московской административной дорожной инспекции" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2025).

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 № 20 "О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2025).

Высшей судебной инстанцией разъяснено, что под автоматическим режимом СТСАФ следует понимать работу соответствующего технического средства без какого-либо непосредственного воздействия на него человека, когда такое средство размещено в установленном порядке в стационарном положении либо на движущемся по утвержденному маршруту транспортном средстве, осуществляющем фиксацию в зоне своего обзора всех административных правонарушений, для выявления которых оно предназначено, независимо от усмотрения того или иного лица.

С этого момента любое постановление, основанием вынесения которого являлись фотоматериалы, полученные с помощью программно-аппаратного комплекса «Помощник Москвы», в судах общей юрисдикции подлежало отмене за недоказанностью обстоятельств, послуживших основанием к вынесению постановления. Данные обстоятельства свидетельствуют об отсутствии системности при конструировании норм и правил, регламентирующих применение СТСАФ [6]. Иной трудностью, с которой столкнулись правоприменители на заре становления автоматической фиксации административных правонарушений, являлась проблема доказывания. Исходя из положений статьи 1.5 КоАП РФ¹ в редакциях до 2007 года, лицо, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, невиновно до момента, пока уполномоченным лицом, судьей либо органом не доказано обратное. Данная норма, в условиях невозможности достоверного установления личности лица, непосредственно осуществляющего управление транспортным средством в момент совершения административного правонарушения, с помощью СТСАФ, вкуче с правомерностью использования транспортного средства неограниченным кругом лиц, привела к ситуации, позволяющей нарушителям, требующим от правоохранительных органов доказательства вины конкретного водителя, уходить от административной ответственности.

Во избежание ухода виновных лиц от ответственности и в целях дальнейшего развития проекта автоматической фиксации административных правонарушений, законодателем в редакции КоАП РФ от 24.07.2025 статья 1.5 Кодекса была дополнена частью 3 и примечанием, в соответствии с которым бремя доказывания должностным лицом вины водителя трансформировалось в необходимость доказывания привлеченным к ответственности лицом своей невиновности в случаях фиксации правонарушения СТСАФ.

Данная норма, столь необходимая для устойчивого развития автоматических средств фиксации как основного способа профилактики и

¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 27.07.2006) // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2025).

предупреждения дорожно-транспортных происшествий, в настоящий момент, по мнению автора, требует пересмотра.

Так, согласно статье 2.6.1 КоАП РФ, в случае фиксации СТСАФ правонарушений в области дорожного движения, проезда по платным дорогам и благоустройства территорий к ответственности привлекаются собственники (владельцы) транспортных средств. Если транспортные средства, участвующие в дорожном движении, являются источником повышенной опасности¹, а административная ответственность в области неоплаты проезда по платным дорогам несет для государства в первую очередь фискальный характер, применение «упрощенного порядка» привлечения к административной ответственности в указанных сферах представляется разумным. Иная ситуация - для правонарушений, допущенных в сфере благоустройства территорий.

Ярким примером является законодательство об административных правонарушениях Москвы и Санкт-Петербурга. В кодексах об административных правонарушениях указанных субъектов Российской Федерации существуют нормы, запрещающие размещение транспортных средств на территориях, занятых зелеными насаждениями. Например, в соответствии со статьей 8.25 КоАП Москвы² в случае совершения такого правонарушения с использованием транспортного средства, собственником (владельцем) которого является физическое лицо, на хозяина транспортного средства налагается штраф в размере 5000 рублей. В случае же если собственником (владельцем) является юридическое лицо, штрафная санкция увеличивается в 60 раз и составляет 300 000 рублей.

В условиях, когда в таких городах федерального значения, как Москва и Санкт-Петербург, все больший процент автомобилей, передвигающихся по улично-дорожной сети, составляют транспортные средства, занятые в деятельности по перевозке пассажиров и багажа легковым такси, а также транспортные средства, предназначенные для краткосрочной аренды («каршеринг»), не представляются фактически реализуемыми разъяснения Верховного Суда РФ, определяющие доказательства факта нахождения транспортного средства во владении (пользовании) другого лица для пересмотра постановлений по делам об административных правонарушениях, по которым к ответственности привлечен собственник (владелец) транспортного средства. Полисы обязательного страхования гражданской ответственности³, оформленные на транспортные средства

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14 ФЗ (ред. от 24.06.2025) // СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения 30.10.2025 г.).

² Закон г. Москвы от 21.11.2007 № 45 "Кодекс города Москвы об административных правонарушениях" (ред. от 24.09.2025) // СПС «КонсультантПлюс». (Дата обращения 30.10.2025 г.).

³ Федеральный закон от 25.04.2002 N 40-ФЗ "Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2025).

указанной категории, зачастую не ограничивают круг лиц, допущенных к управлению, а договоры аренды или лизинга при обжаловании вышестоящему должностному лицу органа, вынесшему постановление или в суде, требуют подтверждения исполнения указанных договоров (информация о платежах, акты приема-передачи и т.д.).

Дополнительные трудности лиц, привлеченных к ответственности в порядке статьи 2.6.1 КоАП РФ, заключаются в недостаточных, по мнению автора, сроках давности привлечения к административной ответственности в отмеченных в статье областях (60 дней), а также самой процедуре обжалования постановлений, в рамках которой доказательства исследуются, по внутреннему убеждению, лица, рассматривающего жалобу, в соответствии со статьей 26.11 КоАП РФ.

На практике ответственность водителей вышеупомянутой категории транспортных средств наступает лишь в рамках договорных отношений с собственниками (владельцами) транспортных средств и, конечно, в размере суммы штрафа, эквивалентному сумме для юридических лиц. К проблемам доказывания вины исследователи также относят статус лиц, характеризующихся КоАП РФ как собственников (владельцев) транспортных средств. В частности, А.Д. Дымберов отмечал необходимость конкретизации положений статьи 2.6.1 КоАП РФ, определяя собственников (владельцев) как лиц, на которых в Государственной инспекции безопасности дорожного движения Министерства внутренних дел Российской Федерации зарегистрированы транспортные средства [7].

В рамках рассмотрения данной проблемы интересной представляется инициатива, планируемая к реализации Министерством внутренних дел Российской Федерации в 2026 году. Ведомством предложен экспериментальный проект, предусматривающий фиксацию СТСАФ нарушений, ответственность за которые предусмотрена частью 2 статьи 12.37 КоАП РФ (отсутствие полиса ОСАГО). Реализация данного проекта стала возможной благодаря развитию системы межведомственного электронного взаимодействия, в рамках которой участники информационного взаимодействия, в том числе оператор автоматизированной информационной системы страхования¹, содержащей информацию о всех оформленных на территории Российской Федерации полисах ОСАГО, могут оперативно обмениваться информацией в электронном виде.

Говоря о проблеме допустимости доказательств, полученных с помощью СТСАФ, стоит рассматривать комплекс мер, направленных на стабильную работу уполномоченных ведомств, включающий в себя не только технический аспект, но и развитие нормативно-правовой базы

¹ Закон РФ от 27.11.1992 № 4015-1 "Об организации страхового дела в Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 30.10.2025).

данной деятельности и процедуры дальнейшего обжалования вынесенных в «упрощенном порядке» постановлений по делам об административных правонарушениях.

Исходя из изложенного, представляется целесообразным:

– понятие «специальные технические средства фиксации административных правонарушений, работающие в автоматическом режиме» определить, как «совокупность технических средств/программного обеспечения, предназначенных(-ого) для сбора, обработки и передачи зафиксированной информации, обеспечивающие(-ее) выявление признаков заданного события без оперативного вмешательства человека»;

– исключить из статьи 2.6.1 КоАП РФ правонарушения в области благоустройства территорий с добавлением указанной области правонарушений в пункт 1 статьи 28.7 КоАП РФ для обеспечения возможности проведения по делам указанной категории административных расследований в целях установления фактического виновника совершенного правонарушения;

– автоматизировать процедуру обжалования постановлений, вынесенных на основании материалов, зафиксированных СТСаФ, в случаях обжалования постановлений по причине нахождения транспортного средства во владении (пользовании) другого лица посредством автоматического запроса сведений в автоматизированную информационную систему страхования;

– увеличить до 90 дней сроки давности привлечения к административной ответственности за правонарушения, указанные в статье 2.6.1 КоАП РФ, в целях упрощения процедуры пересмотра дел об административных правонарушениях в уполномоченных органах исполнительной власти.

Список источников:

1. Степаненко, Журавлев (2025) – Степаненко Ю.В., Журавлев В.В. Правовая неопределенность и неопределенность права: сравнительный анализ // Современный юрист. 2025. № 3 (52).

2. Степаненко, Чепурных (2018) – Степаненко Ю.В., Чепурных Д.А. К вопросу об организации административно-юрисдикционного производства в деятельности Госавтоинспекции // Современный юрист. 2018. № 1 (22).

3. Рудаков (2022) – Рудаков Б.В. Современные специальные технические средства автоматической фиксации административных правонарушений Правил дорожного движения и проблемы их применения // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №1 (32).

4. Майоров, Дымберов, Молчанов (2016) – Майоров В.И., Дымберов А.Д., Молчанов П.В. Правовые проблемы применения специальных технических средств автоматической фотовидеофиксации нарушений правил дорожного движения. // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2016. №3 (37).

5. Степаненко, Котляров (2018) – Степаненко Ю.В., Котляров Ю.В. Проблемы формирования наднациональной системы актов технического регулирования в Российской Федерации // Современный юрист. 2018. № 2 (23).

6. Климович, Кузнецов (2015) – Климович Е.В., Кузнецов А.В. О некоторых проблемах правового регулирования применения специальных технических средств фиксации нарушений правил дорожного движения // Правопорядок: теория, история, практика. 2015. № 1 (4).

7. Дымберов (2018) – Дымберов А.Д. О некоторых вопросах административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств за правонарушения в области дорожного движения // Вестник Московского университета МВД России. 2018. №2.

References:

Stepanenko, Zhuravlev (2025) – Stepanenko Y.V., Zhuravlev V.V. Legal uncertainty and uncertainty of law: comparative analysis. [Pravovaja neopredelennost' i neopredelennost' prava: sravnitel'nyj analiz] // The modern lawyer. 2025. № 3 (52).

Stepanenko, Chepurny (2018) – Stepanenko Y.V., Chepurny D.A. Revisiting the question of the organization of administrative jurisdictional proceedings in the activities of state traffic police departments. [K voprosu ob organizatsii administrativno-yurisdiktsionnogo proizvodstva v deyatelnosti Gosavtoinspektzii] // The modern lawyer. 2018. № 1 (22).

Rudakov (2022) – Rudakov B.V. Modern special technical means of automatic recording of traffic rule violations and problems of their application. [Sovremennye spetsial'nye tekhnicheskie sredstva avtomaticheskoi fiksatsii administrativnykh pravonarushenii Pravil dorozhnogo dvizheniia i problemy ikh primeneniia] // Legal and Order: History, Theory, Practice. 2022. №1 (32).

Maiorov, Dymberov, Molchanov (2016) – Maiorov, V.I., Dymberov, A.D., Molchanov, P. V. The legal problems of using the special technical means of automatic photographic and video recording of traffic rules violations. [Pravovye problemy primeneniia spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv avtomaticheskoi fotovideofiksatsii narushenii pravil dorozhnogo dvizheniia] // Legal Science and Law Enforcement Practice. 2016. 3(37).

Stepanenko, Kotlyarov (2018) – Stepanenko Y.V., Kotlyarov Y.V. The problem of the formation of the supernational system of technical regulations in the Russian Federation [Problemy formirovaniia nadnatsional'noj sistemy aktov tekhnicheskogo regulirovaniia v Rossijskoj Federatsii] // The modern lawyer. 2018. № 2 (23).

Klimovich, Kuznetsov (2015) – Klimovich, E.V., & Kuznetsov, A.V. About some legal regulation problems special technical means for registering traffic violations. [O nekotorykh problemakh pravovogo regulirovaniia primeneniia spetsial'nykh tekhnicheskikh sredstv fiksatsii narushenii pravil dorozhnogo dvizheniia] // Law and Order: Theory, History, Practice. 2015. №1(4).

Dymberov (2018) – Dymberov, A.D. About some issues of administrative liability of vehicle owners for traffic offenses [O nekotorykh voprosakh administrativnoi otvetstvennosti sobstvennikov (vladel'tsev) transportnykh sredstv za pravonarusheniia v oblasti dorozhnogo dvizheniia] // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. №2.

Семейное право

УДК 347.63

JEL: K36

*ПУРГЕ Анна Роландовна*¹

¹ ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет», ул. Гоголя 41, Владивосток, 690014, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-4865-5551>

¹ Пурге Анна Роландовна, доктор юридических наук, директор Института права Владивостокского государственного университета, Владивосток. E-mail: a.purge@mail.ru

СОСТОЯНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ВНЕДРЕНИЯ БЭБИ-БОКСОВ В РОССИИ: ПРОБЛЕМНЫЙ АСПЕКТ

Аннотация

Предмет/тема. Объектом настоящего научного исследования являются общественные отношения, которые складываются на территории российского государства в связи с практикой использования бэби-боксов. В свою очередь, в качестве предмета настоящего исследования выступили соответствующие материалы правореализационной практики; научные труды ученых, посвященные разработке выбранной темы.

Цели/задача. Цель - выявить проблемные аспекты состояния и перспектив внедрения бэби-боксов в Российской Федерации.

Методология. Основными методами настоящего научного исследования выступили формально-юридический метод, логический метод, системно-структурный анализ, а также наблюдение. Кроме того, автором также были использованы метод правового прогнозирования, метод правового моделирования.

Вывод. Научная новизна настоящего исследования заключается в проведении углубленного анализа особенностей практики внедрения и использования бэби-боксов в России, а также формулировании собственных выводов относительно возможного правового регулирования применения бэби-боксов на территории российского государства. В качестве основного результата настоящего исследования автором разработаны точечные рекомендации в части создания модели правового регулирования практики использования бэби-боксов в России.

Ключевые слова: *бэби-бокс, законодательная регламентация практики использования бэби-боксов, Россия, применение бэби-боксов, опыт фактического использования бэби-боксов.*

Family law

¹ **Anna R. Purge**

Doctor of Legal Sciences, Director of the Institute of Law, Vladivostok State University, Vladivostok. E-mail: a.purge@mail.ru

THE STATE AND PROSPECTS OF THE INTRODUCTION OF BABY BOXES IN RUSSIA: A PROBLEMATIC ASPECT

Abstract

Subject/Topic. The object of this scientific study is the social relations that develop in Russia in connection with the use of baby boxes. The subject of this

study, in turn, is the relevant materials from law enforcement practice and scholarly works devoted to the development of the chosen topic.

Objectives/Task. The goal is to identify problematic aspects of the state and prospects for the introduction of baby boxes in the Russian Federation.

Methodology. The primary methods used in this research were the formal legal method, the logical method, systemic-structural analysis, and observation. The author also employed legal forecasting and legal modeling.

Conclusion. The scientific novelty of this study lies in its in-depth analysis of the specifics of the implementation and use of baby boxes in Russia, as well as the formulation of conclusions regarding the possible legal regulation of their use in the Russian Federation. As a key outcome of this study, the author developed targeted recommendations for the creation of a legal model for the use of baby boxes in Russia.

Key words: *baby box, legislative regulation of the practice of using baby boxes, Russia, the use of baby boxes, the experience of actual use of baby boxes.*

В Конвенции о правах ребенка 1989 г. закреплена обязанность каждого государства, являющегося ее членом, по обеспечению максимально возможной степени выживания детей на их территории (ч. 2 ст. 6)¹. Россия, будучи по сей день участником данной Конвенции, а также иных указанных выше международно-правовых актов, приняла на себя обязательства привести свое национальное законодательство в соответствие с международными принципами и предписаниями в сфере защиты прав и интересов ребенка. Так, согласно ст. 2 Конституции РФ права человека и гражданина (в том числе ребенка) признаются высшей ценностью на территории российского государства, а их соблюдение и защита являются главной обязанностью последнего.

В ч.1 ст. 20 Конституции РФ право на жизнь признается в качестве неотъемлемого и неотчуждаемого личного права каждого человека, в том числе и ребенка, а в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ провозглашена обязанность государства по защите материнства и детства, и поэтому Россия обязана обеспечивать максимально возможную степень выживания детей на ее территории за счет введения различных социально-экономических мер².

На это, в частности, указывал и Президент РФ в ежегодном послании Федеральному Собранию в феврале 2023 г.: по его мнению, смысл всей политики российского государства заключается в сбережении людей, человеческого капитала как главного богатства страны, и, как следствие, создании благоприятных условий для качественной жизни, для

¹ Конвенция о правах ребенка: одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 // СПС «КонсультантПлюс». Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/?ysclid=ls874gvaki16223571 (дата обращения: 07.11.2025).

² Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 (посл. ред. от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 07.11.2025).

благополучного детства и материнства¹. Несмотря на это, по сей день одной из неразрешенных проблем в российской действительности остается проблема роста числа так называемых «отказных» детей: так, по состоянию на конец 2023 года свыше 20 тысяч детей находились в государственных учреждениях в связи с добровольным отказом их родителей от их воспитания и предоставления ими согласия на их последующее усыновление². При этом, несмотря на то что механизм добровольного отказа родителей от родительских прав в отношении детей достаточно детализированным образом урегулирован в положениях действующего российского законодательства (в частности, предписаниями Семейного кодекса РФ³, Федерального закона от 24.04.2008 № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве»⁴, до сих пор некоторые матери, не желающие в силу каких-либо личных причин проходить официальную процедуру отказа от своих новорожденных детей, попросту оставляют их в опасности (например, в мусорных баках, на улицах, в парках, в подъездах, под дверьми больниц и государственных учреждений, специализирующихся на помощи детям), подвергая их жизнь и здоровье реальной угрозе, или вовсе убивают их. Об этом, в частности, свидетельствуют данные статистики, сформированной на базе Следственного комитета РФ и Судебного Департамента при Верховном Суде РФ. Так, за 2022 год были осуждены за совершение преступления, предусмотренного ст. 106 УК РФ (убийство матерью новорожденного ребенка), 27 женщин⁵. Право детей на жизнь, безусловно, во всех таких случаях нарушается.

Возможным решением существующей проблемы, на наш взгляд, может стать повсеместное внедрение на территории российского государства практики использования специально оборудованных мест,

¹ Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ от 21.02.2023 // СПС «КонсультантПлюс». Электронный ресурс. Доступно на сайте: – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_440178/?ysclid=ls88wk006g228833 (дата обращения: 07.11.2025).

² От каждого третьего ребенка в российских приютах родители отказались сами // Накануне.Ру. Информационно-новостной портал: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://www.nakanune.ru/news/2023/08/28/22733465/> (дата обращения: 07.11.2025).

³ Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (посл. ред. от 23.11.2024 № 405-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/?ysclid=ls8a5pkdgi12013691 (дата обращения: 07.11.2025).

⁴ Об опеке и попечительстве: Федеральный закон от 24.04.2008 № 48-ФЗ (посл. ред. от 29.09.2025 № 367-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_76459/ (дата обращения: 07.11.2025).

⁵ Данные о назначенном наказании за совершение преступлений, предусмотренных различными статьями Уголовного кодекса РФ // Судебная статистика РФ: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/ug/t/14/s/17?ysclid=ls8bay9dnl1739469512> (дата обращения: 07.11.2025).

предназначенных для анонимного и безопасного оставления новорожденных детей - бэби-боксов. Сегодня, в силу отсутствия необходимого законодательного регулирования, такие бэби-боксы, начиная с 2011 года, функционируют только лишь в 15 городах России¹. Практика их использования за весь период существования в регионах России достаточно успешна: 200 новорожденных детей были спасены от летального исхода². Следует отметить, что практика использования бэби-боксов в целях сокращения смертности новорожденных за рубежом началась еще до реализации аналогичного пилотного проекта в России: сегодня бэби-боксы повсеместно используются в Австрии, Бельгии, Германии, Италии, США, Швейцарии, Чехии, Японии, Польше.

Очевидно, что сегодня существует потребность в детализированном правовом регулировании порядка использования бэби-боксов в России с учетом зарубежного законодательного опыта. Однако уже несколько соответствующих законопроектов, вносимых в 2017 и 2021 году (после внесения изменений) в текст законопроекта, на рассмотрение в Государственную Думу были отклонены³ и отправлены на доработку⁴. Более того, вносились также на рассмотрение в Государственную Думу и законопроекты о запрете функционирования бэби-боксов в России, например, в 2016 году, однако и они не были поддержаны со стороны депутатов⁵. Неоднозначные точки зрения по вопросу необходимости правового регулирования и практики применения бэби-боксов в России представлены сегодня и на доктринальном уровне: некоторые авторы говорят о целесообразности и эффективности их использования, другие отмечают их бесполезность и небезопасность, указывая на существование иных механизмов добровольного отказа родителей от новорожденных

¹ Бэби бокс: за и против, в каких городах есть, что говорит закон // Субсидии.Нет. Информационно-новостной портал: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://subsidiy.net/rozhdenie-rebenka/novosti-rozhdenie-rebenka/bebi-boks-za-i-protiv-v-kakih-gorodah-est-chto-govorit-zakon.html> (дата обращения: 07.11.2025).

² Оксана Пушкина рассказала, сколько детей были спасены благодаря бэби-боксам // РИА.Новости: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://ria.ru/20191107/1560683927.html?ysclid=ls8btx4rmo342038665> (дата обращения: 07.11.2025).

³ Беби-боксы заменят на «окна жизни». Законопроект Оксаны Пушкиной отправили на доработку // Коммерсантъ. Периодическое издание: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4604065> (дата обращения: 07.11.2025).

⁴ В ухудшающихся условиях они лишили младенцев права на жизнь. Профильные ведомства «завернули» доработанный законопроект о бэби-боксах // Фонтанка.Ру. Информационно-новостной портал: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://www.fontanka.ru/2021/03/09/69802559/?ysclid=ls43pmtf9n851533495> (дата обращения: 07.11.2025).

⁵ В Госдуме раскритиковали законопроект Мизулиной о бэби-боксах // Газета. Ру: Информационно-новостной портал: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: https://www.gazeta.ru/politics/news/2016/06/03/n_8718167.shtml?updated (дата обращения: 07.11.2025).

детей, установленных законом. Все названные обстоятельства в совокупности обуславливают актуальность выбранной темы исследования и определяют потребность в ее научной разработке с целью поиска возможного решения существующей проблемы.

Проблема отсутствия правового регулирования практики использования бэби-боксов в России и в зарубежных странах неоднократно становилась самостоятельным объектом научного осмысления ряда отечественных правоведов. Об этом, в частности, свидетельствуют научные статьи Н.В. Вараксина [1, с. 1-8], И.С. Данилова [2, с. 110-116], Е.М. Карелина [3, с. 1138-1141], М.А. Кондрашова [4, с. 67-70], А.В. Ролдугина [5, с. 531-533], а также некоторых других ученых, использованных нами в качестве теоретической базы настоящего исследования. При этом на сегодняшний день не подготовлено и не защищено ни одной диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук или доктора юридических наук, посвященной разработке этой темы исследования, что свидетельствует о низкой степени ее научной разработанности в доктрине и в очередной подчеркивает ее актуальность.

В настоящее время на территории России не принят специальный законодательный акт, регулирующий порядок использования бэби-боксов, что значительно осложняет практику их фактического применения в рамках пилотного проекта. Так, несмотря на отсутствие их легального статуса, бэби-боксы, начиная с 2011 года, функционируют в 15 городах России: Перми, Добрянке, Березниках (Пермский край), Люберцах (Московская область), Владимире (Владимирская область), Краснодаре, Сочи, Новороссийске, Армавире (Краснодарский край), Курске (Курская область), Кириши (Ленинградская область), Пскове (Псковская область), Петропавловске-Камчатском (Камчатский край), Калининграде (Калининградская область), Екатеринбурге (Свердловская область).

Между тем попытки легализовать практику использования бэби-боксов неоднократно предпринимались. Первый законопроект № 862162-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации», одним из разработчиков которого выступил председатель Комитета Совета Федерации по регламенту и организации парламентской деятельности В.А. Тюльпанов, был внесен в Государственную Думу в августе 2015 года. В соответствии с его положениями предлагалось разрешить сам факт использования бэби-боксов в России, в силу того, что прямо на законодательном уровне такая практика не запрещена¹. Однако уже в сентябре того же года законопроект

¹ Законопроект № 862162-6 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/862162-6?ysclid=lsbf19b5re513327838> (дата обращения: 07.11.2025).

был возвращен Государственной Думой субъекту законодательной инициативы для доработки. Затем, в декабре 2017 года, по инициативе группы депутатов во главе с Пушкиной О.В. в Государственную Думу на рассмотрение был внесен законопроект № 345593-7 «О внесении изменений в статью 10 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» и в статью 19 Федерального закона «Об актах гражданского состояния», в положениях которого предлагалось в статье 10 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» от 24 июля 1998 года 124-ФЗ предусмотреть право органов государственной власти субъектов РФ в порядке, установленном законом соответствующего субъекта РФ, создавать специализированные места для анонимного оставления новорожденного ребенка, оборудованные в структурных подразделениях медицинских организаций государственной системы здравоохранения, муниципальной системы здравоохранения, оказывающих реанимационные мероприятия для новорожденных (детей в возрасте до 4 недель).

Также предлагалось в части 4 этой же статьи сделать указание на то, что требования к порядку оборудования и эксплуатации специализированных мест для анонимного оставления ребенка, устанавливаются органами исполнительной власти субъекта Российской Федерации в сфере охраны здоровья¹. Указанный законопроект достаточно длительный период времени находился на рассмотрении и только лишь в декабре 2020 года был отправлен на доработку, ввиду того что в правовом заключении предлагалось требования к порядку оборудования и эксплуатации специализированных мест для анонимного оставления ребенка устанавливать на федеральном, а не на региональном уровне, а также исключить указание на возраст ребенка (так как предполагается, что в некоторых случаях в бэби-боксе можно оставить и двухмесячного, и трехмесячного ребенка). Однако несмотря на внесение соответствующих корректировок в текст законопроекта, он был повторно отклонен в марте 2021 года [19]. Ввиду этого по сей день функционирование бэби-боксов на территории российского государства легализовано лишь за счет действия общих норм закона, предусмотренных ст. 14.2, ст. 15 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка» от 24.07.1998 № 124-ФЗ²,

¹ Законопроект № 345593-7 «О внесении изменений статью 10 Федерального закона «Об основных гарантиях прав ребенка Российской Федерации» и в статью 19 Федерального закона «Об актах гражданского состояния // Система обеспечения законодательной деятельности: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/345593-7?ysclid=ls9qitiyry124744936> (дата обращения: 07.11.2025).

² Об основных гарантиях прав ребенка: Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ (посл. ред. от 04.11.2025 № 408-ФЗ) // СПС «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_19558/?ysclid=lsbhgdyjdi349174107 (дата обращения: 26.11.2025).

допускающих принятие мер по защите прав детей, попавших в тяжелую жизненную ситуацию, со стороны органов государственной власти субъектов РФ.

Между тем вносился в Государственную Думу в 2016 году и законопроект, направленный на установление запрета на использование бэби-боксов на территории российского государства, одним из разработчиков которого выступала депутат Е.В. Мизулина. Кроме того, законопроектом также предлагалось установить административную ответственность за установку бэби-боксов в отношении юридических лиц: либо административный штраф в размере от 1 млн до 5 млн руб., либо приостановление деятельности юридического лица на срок до 90 суток. В качестве главного довода в поддержку законопроекта в пояснительной записке указывалось, что практика использования бэби-боксов может привести к росту числа отказов от детей в России, так как анонимность при оставлении ребенка влечет за собой безнаказанность родителей. Помимо прочего, по мнению авторов указанного законопроекта, при функционировании бэби-боксов нарушается право ребенка на знание своих родителей¹.

Такие доводы разработчиков данного законопроекта не кажутся нам убедительными и состоятельными из-за следующих причин. Во-первых, в России и без того ежегодно оставляют тысячи младенцев матери в роддомах (за последний год этот показатель - 2889 младенцев)², в то время как за период с 2011 по 2021 годы в бэби-боксы было помещено всего лишь 200 младенцев [9], соответственно, ни о каком значительном увеличении числа оставленных родителями детей говорить нельзя. Во-вторых, в тех случаях, если состояние новорожденного ребенка, помещенного в бэби-бокс, при его осмотре медицинскими работниками будет расценено как тяжелое, крайне тяжелое или средней тяжести, а также на его теле будут обнаружены следы травм и побоев, то установить личность матери (родителя), даже при условии его изначальной анонимности, за счет проведения оперативно-розыскных мероприятий будет возможно, также как это возможно в случаях подкидывания детей в мусорные баки, в подъезды, в иные общественные места, что позволяет говорить о возможности привлечения родителей ребенка к уголовной и административной ответственности при наличии к тому оснований.

И, наконец, в-третьих, как уже отмечалось, нам представляется, что

¹ Мизулина внесла в Госдуму законопроект о запрете бэби-боксов // Российская газета. Периодическое издание: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://rg.ru/2017/07/20/mizulina-vnov-vnesla-v-gosdumu-zakonoproekt-o-zaprete-bebi-boksov.html?ysclid=lsbhbq1rmv889493206> (дата обращения: 07.11.2025).

² Названо число брошенных в роддомах российских детей // Лента.Ру. Информационно-новостной портал: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://lenta.ru/news/2019/06/04/childfree/?ysclid=lsbhz931zo165480309> (дата обращения: 07.11.2025).

право ребенка на жизнь куда приоритетнее, чем его право знать своих родителей, свое происхождение, и при его усыновлении он точно также не будет владеть информацией о персональных данных своих биологических родителей без существенного к тому интереса, подтвержденного в судебном порядке, однако институт усыновления считается вполне законным и конституционно соответствующим. Кроме того, на законодательном уровне возможно предусмотреть и норму, в соответствии с которой мать, оставляющая ребенка при наличии у нее такого желания, может оставить свои персональные данные в запечатанном конверте, которые будут при наличии желания ребенка переданы ему после достижения им совершеннолетия, что позволит отчасти обеспечить защиту его права знать своих родителей (такой опыт имеется в законодательной практике Франции¹). Иными словами, если использование бэби-боксов спасает хотя бы одну детскую жизнь, то такая практика должна, на наш взгляд, быть признана эффективной и результативной.

Несмотря на то что данный законопроект был также дважды (до и после внесен исправлений) отклонен Государственной Думой и возвращен субъекту законодательной инициативы, среди отечественных ученых-правоведов и практикующих юристов немалое количество сторонников данной позиции.

Так, среди сторонников позиции о необходимости законодательного запрета практики использования бэби-боксов в России, в частности, В.И. Ковалевский. Данный автор полагает, что целевое предназначение бэби-боксов – сокращение детоубийств – не будет реализовано, поскольку, по его мнению, женщина, находящаяся в состоянии послеродовой депрессии, принявшая решение убить своего новорожденного ребенка, не будет даже искать бэби-бокс, где она могла бы анонимно оставить ребенка, а будет действовать сиюминутно и импульсивно. В такие бэби-боксы, на его взгляд, помещают своих детей только те женщины, которые и не собирались их убивать изначально: им на законодательном уровне и без того предоставлено право официально «отказаться от своих родительских прав» на базе специально уполномоченных государственных органов [6, с. 4]. Однако, на наш взгляд, такой довод крайне субъективен, и не имеет никакой доказательственности: иными словами, к сегодняшнему дню не был проведен социологический опрос всех двухсот матерей в России, оставивших анонимно своих детей в бэби-боксах, о том, какие мысли были у них на момент принятия такого решения, стоял ли выбор убить ребенка или оставить его. Соответственно, все это лишь гипотетические

¹ Гражданский кодекс Франции: Закон Франции от 21.03.1804 (посл. ред. от 01.09.2021) // Зарубежное законодательство. Портал «Океан. Закон»: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <http://oceanlaw.ru/wp-content/uploads/2018/02/%D0%A4%D1%80.%D0%9A%D0%BE%D0%B4%D0%B5%D0%BA%D1%81-123.pdf> (дата обращения: 06.11.2025).

рассуждения самого автора, и не более.

Другие противники практики использования бэби-боксов в России, А.Р. Гайсина, Н.В. Волкова, считают, что это может способствовать не только популяризации анонимных отказов от детей, но и нарушает целый комплекс прав самого ребенка, среди которых, самое главное – право на получение алиментов со стороны родителя, оставившего его в бэби-боксе, ведь даже при лишении родителя родительских прав с последнего не снимается обязанность по содержанию его ребенка, в соответствии с ч. 3 ст. 70 Семейного кодекса РФ [7, с. 21-24].

Однако, как уже было отмечено, ни о какой популяризации анонимных отказов от детей в России к настоящему моменту говорить нельзя: значительно чаще ежегодно отказываются от родительских прав в отношении новорожденных детей их матери в роддомах, в порядке, установленном законом (они сразу дают свое согласие на их усыновление). Кроме того, представляется разумным в целях профилактики этой проблемы, а также защиты права ребенка на воспитание в семье, по опыту Латвии, Японии, Франции, на базе медицинских учреждений, где будут размещены такие бэби-боксы, организовать круглосуточную работу психолого-правовых консультативных центров, в которые мать, решившаяся оставить ребенка, также анонимно, сможет обратиться за помощью (информация о такой возможности обязательно должна быть размещена на стенде рядом с бэби-боксом). Не кажется состоятельным и довод автора о нарушении права ребенка на получение алиментов со стороны родителя, лишенного родительских прав, в силу сохранения анонимности последнего, в силу того, что статистические данные, к большому сожалению, и без того свидетельствуют о том, что такие нерадивые родители не спешат выплачивать алименты на содержание своих детей. Так, в 2022 году в Федеральной службе судебных приставов находилось 1,6 млн судебных решений о принудительном взыскании алиментов на 233 млн рублей, в большинстве исполнительных производств (свыше 80 %) образовывалась задолженность¹. Соответственно, право ребенка на получение алиментов от родителя может быть нарушено фактически и при несохранении анонимности последнего: возможно, было бы куда проще и эффективнее на законодательном уровне установить норму о выплате дополнительных пособий для таких детей – «подкидышей».

В свою очередь, экс-уполномоченный по правам ребенка в РФ Павел Астахов в своем докладе критиковал идею легализации практики использования бэби-боксов в России как аморальную и неэтичную: по его мнению, при такой практике новорожденных детей, сродни котятam,

¹ Алименты глазами статистики // Тинькофф. Journal: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL: <https://journal.tinkoff.ru/alimony-stat/> (дата обращения: 07.11.2025).

оставляют в «коробках»¹. Такой довод также является весьма субъективным, ведь убивать новорожденных детей, бросать их в мусорные баки, подкидывать в подъезды куда более аморальнее и опаснее для жизни и здоровья самого ребенка.

Учитывая несостоятельность аргументов позиции противников легализации бэби-боксов в России, мы в полной мере соглашаемся с теми авторами, которые выступают за принятие специального закона, регулирующего порядок использования данных устройств (среди таких авторов, в частности, выделяется Ю.А. Запандова [8]). Полагаем, опираясь на изложенную выше информацию в рамках настоящего исследования, что несомненными плюсами использования бэби-боксов на территории российского государства являются:

- обеспечение конституционно провозглашенного права ребенка на жизнь, профилактика и предупреждение детоубийств, жестокого обращения родителей с детьми;

- обеспечение сохранности анонимности матери (родителя), принявшего решение об оставлении ребенка в бэби-боксе, что обеспечивает охрану их права на неприкосновенность частной жизни;

- обеспечение интересов лиц, являющихся потенциальными усыновителями детей за счет увеличения числа новорожденных и младенцев, поступающих на пребывание в государственные учреждения таким образом;

- обеспечение реальной возможности удочерения (усыновления) ребенка благополучной, приемной семьей, способной обеспечить ему достойный уровень жизни и атмосферу любви и заботы;

- полная техническая безопасность для жизни и здоровья ребенка самого бэби-бокса, незамедлительное оказание квалифицированной медицинской помощи оставленным младенцам;

- уникальная законодательная возможность в отличие от предусмотренной законом процедуры для иных похожих случаев (оставление ребенка в роддоме, в общественном месте) вернуть оставленного ребенка матери, при наличии такого желания последней, без судебного разбирательства.

В этой связи, резюмируя все изложенное, представляется крайне значимым и целесообразным принятие специального федерального закона «О бэби-боксах в РФ», в положениях которого были бы урегулированы следующие аспекты:

- закреплено легальное определение понятия «бэби-бокс», учитывающее его технические характеристики и юридико-социальное предназначение

¹ Павел Астахов против детского бокса // Коммерсантъ. Периодическое издание: [сайт]. Электронный ресурс. Доступно на сайте: URL:<https://www.kommersant.ru/doc/2812300?ysclid=lsbjk6eoq9425792529>: (дата обращения: 07.11.2025).

(ранее в содержании настоящего исследования нами было предложено собственное авторское видение такого определения);

- закреплено правило о том, что такие бэби-боксы могут функционировать только на базе медицинских учреждений, либо иных государственных учреждений, предназначенных для временного пребывания и постоянного проживания детей, при условии круглосуточного дежурства в них медицинского работника;

- закреплено правило о том, что в бэби-бокс может быть помещен только ребенок, не достигший шестимесячного возраста;

- закреплено правило об обязательном функционировании при учреждении, оснащенном бэби-боксом, круглосуточного центра психологической и правовой помощи, куда мать, решившая оставить ребенка, может обратиться при условии сохранения своей анонимности;

- закреплено правило о том, что дежурный медицинский работник незамедлительно изымает ребенка, помещенного в бэби-бокс, проводит его осмотр, диагностирует и фиксирует состояние его здоровья, а также уведомляет о помещении ребенка территориальный отдел полиции и территориальный отдел опеки и попечительства;

- закреплено правило о том, что родитель, оставивший ребенка анонимно в бэби-боксе, не подлежит юридической ответственности и преследованию государства за совершение такого действия, за исключением случаев, когда был установлен факт физического насилия родителей в отношении ребенка;

- закреплено правило об обеспечении анонимности родителя, оставившего ребенка в бэби-боксе. При желании мать, отец могут сообщить свои персональные данные, оставив их в запечатанном конверте, однако разглашение их возможно только при наличии согласия усыновителей и при условии достижения ребенком возраста 18 лет;

- закреплено правило о том, что требования к порядку оборудования эксплуатации специализированных мест для анонимного оставления ребенка, устанавливаются федеральными органами исполнительной власти;

- закреплено правило о том, что мать и отец ребенка могут вернуть его в семью в течение двух месяцев с момента его оставления в бэби-боксе, при наличии результатов проведенной генетической (ДНК) экспертизы, подтверждающих их кровное родство, и только по истечении указанного срока ребенок может быть усыновлен.

Одномоментно с этим соответствующие изменения, корреспондирующие данным положениям нового федерального закона, должны быть внесены в Семейный кодекс РФ в части регулирования порядка усыновления, лишения родительских прав. Кроме того, в ст. 125 УК РФ должны быть внесены изменения в виде примечания к настоящей статье: «Примечание. Мать ребенка или иное лицо, оставившее ребенка до 6 месяцев в специализированном месте для анонимного оставления детей,

освобождаются от уголовной ответственности, если в их действиях не содержится иного состава преступления», в целях исключения уголовного преследования в отношении такого лица.

Полезным и целесообразным видится также и распространение социальных рекламных роликов о местонахождении бэби-боксов в городах России на телевизионных каналах, баннерах, например, с лозунгом: «Мама, лучше оставь, чем убей». Все это в совокупности позволит повысить эффективность практики использования бэби-боксов на территории российского государства.

Список источников:

1. Вараксина (2020) - Вараксина Н.В. Ящик для ребенка, или некоторые аспекты реализации в России проекта «бэби-бокс». // *Дневник наук.* – 2020. – № 11. – С. 1-8.

2. Данилова (2023) - Данилова И.С. Применение системы «беби-боксов» в Российской Федерации: теория и практика правоприменения. // *Мудрый юрист.* – 2023. – № 12. – С. 110-116.

3. Карелина (2017) - Карелина Е.М. К вопросу об использовании бэби-боксов в России. // *Экономика и социум.* – 2017. – № 5-2 (36). – С. 1138-1141.

4. Кондрашова (2016) – Кондрашова М.А. Институт «Бэби-боксов» для новорожденных как один из способов осуществления семейных прав и исполнения обязанностей. // *Вестник Саратовской государственной юридической академии.* – 2016. – № 3 (110) – С. 67-70.

5. Ролдугин (2017) – Ролдугин А. В. «Бэби-боксы» («Окна жизни») как один из подходов к спасению детей в трудных жизненных ситуациях: опыт России. // *Молодой ученый.* – 2017. – № 7 (141). – С. 531-533.

6. Ковалевский (2015) – Ковалевский В.И. «Ящик для ребенка», или Некоторые аспекты реализации в России проекта «бэби-бокс». // *Современное право.* – 2015. – № 12. – С. 1-7.

7. Гайсина (2015) – Гайсина А.Р. Проект бэби-бокс - за и против. // *Экономика и социум.* – 2016. – № 11-2 (30). – С. 21-24.

8. Западнова (2015) – Западнова Ю.А. Возможно ли считать «baby box» мерой профилактики жестокого обращения с детьми? // *Политика, государство и право.* – 2015. – № 5. – С. 110-118.

References:

Varaksina (2020) – Varaksina N.V. A box for a child, or some aspects of the implementation of the “baby box” project in Russia. [Yashchik dlya rebenka, ili nekotoryye aspekty realizatsii v Rossii proyekta «bebi-boksoy»] // *Diary of sciences.* - 2020. - No. 11. - P. 1-8.

Danilova (2023) – Danilova I.S. Application of the "baby box" system in the Russian Federation: theory and practice of law enforcement. [Primeneniye sistemy «bebi-boksoy» v Rossiyskoy Federatsii: teoriya i praktika pravoprimeneniya] // *Wise lawyer.* - 2023. - No. 12. - P. 110-116.

Karelina (2017) – Karelina E.M. On the issue of using baby boxes in Russia. [K voprosu ob ispol'zovanii bebi-boksoy v Rossii] // *Economy and society.* – 2017. – No. 5-2 (36). – pp. 1138-1141.

Kondrashova (2016) – Kondrashova M.A. The Institute of "Baby Boxes" for Newborns as One of the Ways of Exercising Family Rights and Fulfilment of

Duties. [Institut «Bebi-boksov» dlya novorozhdennykh kak odin iz sposobov osushchestvleniya semeynykh prav i ispolneniya obyazannostey] // Bulletin of the Saratov State Law Academy. - 2016. - No. 3 (110) -. P. 67-70.

Roldugin (2017) – Roldugin A. V. “Baby boxes” (“Windows of life”) as one of the approaches to saving children in difficult life situations: the experience of Russia. [«Bebi-boksy» («Okna zhizni») kak odin iz podkhodov k spaseniyu detey v trudnykh zhiznennykh situatsiyakh: opyt Rossii] // Young scientist. - 2017. - No. 7 (141). - P. 531-533.

Kovalevsky (2015) - Kovalevsky V.I. "A Box for a Child", or Some Aspects of the Implementation of the "Baby Box" Project in Russia [«Yashchik dlya rebenka», ili Nekotoryye aspekty realizatsii v Rossii proyekta «bebi-boks»] // Modern Law. - 2015. - No. 12. - P. 1-7.

Gaisina (2015) – Gaisina A.R. Baby box project - pros and cons. [Proekt bebi-boks - za i protiv] // Economy and society. – 2016. – No. 11-2 (30). – pp. 21-24.

Zapadnova (2015) – Zapadnova Yu.A. Is it possible to consider the “baby box” as a measure to prevent child abuse? [Vozmozhno li schitat' «baby box» meroy profilaktiki zhestokogo obrashcheniya s det'mi?] // Politics, state and law. - 2015. - No. 5. - P. 110-118.

Информационное право

УДК 349
ГРНТИ 10.19
ББК 67.4

*СТЕБИВКО Алексей Юрьевич*¹

¹ Главное следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и городу Севастополю, ул. Ленина, д. 64, Раздольненский район, Республика Крым, пгт. Раздольное, 296200, Россия.

¹ Российский государственный университет правосудия, ул. Новочеремушкинская, 69, г. Москва, 117418, Россия.

<https://orcid.org/0000-0001-5152-5315>

¹ Алексей Юрьевич Стебивко, следователь Главного следственного управления Следственного комитета Российской Федерации по Республике Крым и городу Севастополю; аспирант Российского государственного университета правосудия. Email: a.stebivko@yandex.ru

**ПРАВОВЫЕ РЕЖИМЫ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ
В АВТОМАТИЗИРОВАННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

Аннотация

Предмет/тема. Нормативная база персональных данных в автоматизированном судопроизводстве, их понятие, классы, правовые режимы, правовые особенности их использования и раскрытия третьим лицам, не являющимся участниками судебного процесса.

Цель: раскрыть содержание и режимы персональных данных в автоматизированном судопроизводстве по сравнению с режимами персональных данных в иных режимах ограниченного доступа.

Методы: методологическую основу данного исследования составили методы системности и анализа.

Результаты: определено содержание и порядок правового регулирования персональных данных в системе автоматизированного судопроизводства, выделены режимы публично доступных, условно обезличенных, обезличенных, публично недоступных и недоступных персональных данных. Предложено внедрение дополнительного правового режима – персональных данных неавтоматизированного учета.

Выводы: режимы персональных данных в автоматизированном судопроизводстве требуют детального анализа и четкого правового регулирования, с целью охраны прав и свобод человека и гражданина, которые первичны перед открытостью и гласностью судопроизводства, в связи с чем полагается необходимым частичное исключение автоматизированного учета персональных данных граждан в опубликованных судебных актах.

Ключевые слова: персональные данные, автоматизированное судопроизводство, тайна, конфиденциальность, приватность.

Information law

¹ **Alexey Yu. Stebivko,**

Investigator of the Razdolnensky Interdistrict Investigative Department Main Investigative Directorate of the Investigative Committee of the Russian Federation for the Republic of Crimea and the City of Sevastopol; Postgraduate Student, Russian State University of Justice

**LEGAL REGIMES OF PERSONAL DATA
IN AUTOMATED LEGAL PROCEEDINGS**

Abstract

Subject/Topic The article highlights the regulatory framework of personal data in automated legal proceedings, their concepts, classes, legal regimes, legal features of their use and disclosure to third parties who are not participants in the judicial process.

Purpose To reveal the content and the modes of personal data in automated legal proceedings compared to the modes of personal data in other restricted access modes.

Methods The methodological basis of this study is based on the methods of consistency and analysis.

Results defined content and procedure for legal regulation of personal data in the automated legal system, identified regimes of publicly available, conditionally impersonal, impersonal, publicly inaccessible and inaccessible personal data. Proposed introduction of an additional legal regime – personal data of non-automated accounting.

Conclusions Personal data regimes in automated legal proceedings require detailed analysis and clear legal regulation in order to protect human and civil rights and freedoms, which are primary to openness and transparency of legal proceedings, and therefore it is necessary to exclude automated accounting of personal data of citizens in published judicial acts.

Keywords: *personal data, automated legal proceedings, secrecy, confidentiality, privacy.*

Права и свободы человека, включая тайну частной жизни и переписки, рассматриваются в современном мире как высшая ценность. В ходе эволюции и внедрения автоматизированных систем учета эти категории трансформировались в понятие «персональные данные». В контексте публичности судопроизводства такие сведения нуждаются в особом уровне защиты.

Научный анализ персональных данных как информационной категории и объекта правового регулирования представлен в работах многих исследователей. Среди них И.Л. Бачило, Н.Н. Ковалева, П.У. Кузнецов, В.Н. Лопатин, А.В. Минбалеев, А.В. Морозов, И.М. Рассолов, А.А. Стрельцов, А.А. Тедеев, Л.К. Терещенко, Т.А. Полякова, А.А. Фатьянов, Д.А. Ловцов и другие.

В настоящий момент понятие правовых режимов персональных данных в автоматизированном судопроизводстве отсутствует, и в Федеральном

законе № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ не закреплено. Проблема защиты персональных данных в автоматизированном судопроизводстве заключается в отсутствии полноты регулирования связанных с ними правоотношений, а также в связи с необходимостью большей защиты указанной категории информации. При этом особенности такой категории информации, как персональные данные, в системе автоматизированного судопроизводства не учитываются более общей категорией информации – информацией ограниченного доступа.

В настоящий момент, в условиях значительного иностранного влияния, персональные данные в правовом поле Российской Федерации являются информацией первостепенного значения².

Под информацией понимаются сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления (ст. 2 Федерального закона № 149-ФЗ³). Данная дефиниция охватывает и персональные данные. В правовом поле информация обладает различными статусами – правовыми режимами. Под правовым режимом подразумевается специальный порядок правового регулирования, основанный на уникальной комбинации юридических методов и средств, которые формируют необходимые общественные отношения [1]. Если изложить указанный термин кратко – правовым режимом является набор определенных правил, регулирующих заданную сферу деятельности⁴ (общественных отношений).

Правила обработки персональных данных (режимы персональных данных) разрабатывались на стадии законопроекта задолго до опубликования 27.07.2006 Федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных»⁵ и на момент публикации указанного закона (создание Государственной автоматизированной системы «Правосудие»

¹ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных». Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=100001#6nNGIyUda59yHXD> (дата обращения: 10.08.2025).

² Волкова Н.С., Ефремов А.А., Зырянов С.М. и др.; отв. ред. Л.К. Терещенко. Государство, общество и личность: пути преодоления вызовов и угроз в информационной сфере: монография. М.: Инфотропик Медиа, 2024. 352 с.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=500166&dst=100001#nvxCIyUITQ6hXrJ6> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ Пушкин А. Правовой режим иностранных инвестиций в Российской Федерации. М.: Альпина Паблшер, 2012. С. 32.

⁵ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=100001#6nNGIyUda59yHXD> (дата обращения: 10.08.2025).

завершено только 30.11.2006 в соответствии с актом о приемке работ¹) не учитывали широкое использование персональных данных в информационных сетях, электронное судопроизводство, публичное распространение судебных актов².

Законодательством (ст. 7, 9 Федерального закона № 149-ФЗ³) установлено деление правовых режимов информации на общий и специальные. Общий режим отличается открытостью и доступностью сведений для всех категорий лиц (информация общего доступа). Специальные режимы вводятся для охраны информации, свободное обращение которой может нанести ущерб правам и законным интересам личности, общества и государства (информация ограниченного доступа, подразделяемая на конфиденциальную и секретную) [2].

К общедоступной информации закон относит общеизвестные сведения и иную информацию, не имеющую ограничений в доступе. Такая информация может свободно использоваться любыми лицами (ст. 7, 9 Федерального закона № 149-ФЗ). В отличие от этого, понятие информации ограниченного доступа в законодательстве не раскрывается. Фактически к этой категории можно отнести любые сведения, в отношении которых нормативно установлены ограничения доступа [3].

В российской правовой системе информация ограниченного доступа часто обозначается термином «тайна». Статья 23 Конституции РФ закрепляет базовые тайны: личную и семейную тайну, тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Хотя персональные данные прямо не названы тайной, анализ статей 2, 3, 5, 6 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»⁴ позволяет отнести их к данной категории [4].

Согласно позиции, изложенной в пункте 1 статьи 3 Федерального закона «О персональных данных», под персональными данными понимаются любые сведения, которые прямо или косвенно связаны с идентифицируемым или идентифицированным физическим лицом. Данная дефиниция соответствует широкой трактовке, принятой в российском и

¹ Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Электронный ресурс. Доступно на сайте: <http://www.cdep.ru/index.php?id=256> (дата обращения: 04.10.2020).

² Поликанина О.А., Поликанин А.Н., Шабурова А.В. Организация защиты персональных данных в государственных и муниципальных системах // Интерэкспо ГЕО-Сибирь 2022. Том 6. С. 198.

³ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=500166&dst=100001#nvxCiYUITQ6hXrJ6> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=499769&dst=100001#6nNGIyUda59yHXD> (дата обращения: 10.08.2025).

европейском праве, согласно которой к таким данным может быть причислена практически любая информация, с использованием которой можно определить субъекта персональных данных¹.

Критерием названного определения (персональных данных) служит также: 1) возможность выделить конкретное лицо среди других субъектов персональных данных; 2) обработка персональных данных с целью идентификации лица и влияния на лицо (субъекта персональных данных); 3) обработка персональных данных несет последствия для лица (субъекта персональных данных)².

Законодательство РФ не содержит строгого перечня персональных данных. Указ Президента РФ № 188 от 06.03.1997 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера»³ определяет их как сведения о фактах, событиях и обстоятельствах частной жизни гражданина, позволяющие идентифицировать его личность. Таким образом, к персональным данным относятся ФИО, пол, возраст, образование, контактная информация, сведения о семейном положении, биографии, финансовом положении, а также фотография для целей идентификации (письма Роскомнадзора от 10.02.2020 № 08АП-6782⁴, Минцифры России от 17.07.2020 № ОП-П24-070-19433⁵).

Правовой режим персональных данных может быть динамичным. Одни и те же данные в разных ситуациях могут относиться к информации ограниченного доступа или быть общедоступными. Например, они могут размещаться с согласия субъекта персональных данных в общедоступных справочниках, либо быть опубликованы в соответствии с требованиями закона (ст. 3, 8 Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О

¹ Савельев А.И. Гражданско-правовые аспекты регулирования оборота данных в условиях попыток формирования цифровой экономики // Вестник гражданского права. 2020. № 1. С. 60 – 92.

² Purtova N. The Law of Everything. Broad Concept of Personal Data and Future of EU Data Protection Law // Law, Innovation and Technology. 2018. Vol. 10. Iss. 1. P. 1 – 35.

³ Указ Президента РФ от 06.03.1997 № 188 «Об утверждении Перечня сведений конфиденциального характера» Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=182734&dst=100010#ТСхvHyUD3PnIc7TI> (дата обращения: 10.08.2025).

⁴ <Письмо> Роскомнадзора от 10.02.2020 N 08АП-6782 «О направлении информации по протоколу совещания» (вместе с «Практическими рекомендациями по применению положений Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» при обработке биометрических персональных данных несовершеннолетних») Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=393146&cacheid=2CAE15AF4E61F245EAAB31D93BCA2B55&mode=splus&rnd=VRiihw#StNxHyUxgmwkwftG> (дата обращения: 10.08.2025).

⁵ Письмо Минцифры России от 17.07.2020 № ОП-П24-070-19433 «О рассмотрении обращения» Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=393140&cacheid=A5C91983FE469D81C4C611AC4EE570C7&mode=splus&rnd=VRiihw#5OtxHyUWCLmElSwr> (дата обращения: 10.08.2025).

персональных данных»). В сфере судопроизводства использование персональных данных регламентировано п. 3 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О персональных данных». Их обработка осуществляется для идентификации личности участников процесса в судебных актах и автоматизированных системах, что является развитием принципов открытости и гласности, обеспечивающих публичный доступ к информации о сторонах судебного разбирательства и текстам судебных актов, в соответствии с постановлением Пленума ВС РФ № 35 от 13.12.2012¹. В рамках судопроизводства персональные данные приобретают специальный правовой режим, сочетающий элементы служебной тайны, тайны судопроизводства и публичной информации, при этом часть указанных данных подлежит обязательному публичному опубликованию.

Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации»² определяет состав общедоступной информации. В него входят данные о делах, находящихся в производстве суда: регистрационные номера, наименования, информация об участниках, о движении дел, а также о вынесенных судебных актах. Тексты судебных постановлений, сведения об их обжаловании и результаты решений подлежат размещению в интернете в режиме публичного доступа. Согласно данному закону, к персональным данным в судебных актах относятся:

1. ФИО участников судебного процесса, их дата и место рождения, адреса, телефоны, паспортные данные, ИНН, СНИЛС;
2. информация о месте нахождения земельных участков и объектов недвижимости, транспортных средствах, иные сведения об имуществе и банковских счетах.

Общим правилом, установленным Федеральным законом № 262-ФЗ³, является исключение персональных данных из текстов судебных актов

¹ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.12.2012 № 35 «Об открытости и гласности судопроизводства и о доступе к информации о деятельности судов» Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=139119&dst=100001#7V1pIyUkXLAdquFj3> (дата обращения: 10.08.2025)

² Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422098&dst=1000000001&cacheid=9D587377C45CDA612E20D69B29CA1E87&mode=splus&rnd=BPdxJA#pKHpIyUm46nFqxc71> (дата обращения: 10.08.2025)

³ Федеральный закон от 22.12.2008 № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=LAW&n=422098&dst=1000000001&cacheid=9D587377C45CDA612E20D69B29CA1E87&mode=splus&rnd=BPdxJA#pKHpIyUm46nFqxc71> (дата обращения: 10.08.2025).

перед их размещением в сети Интернет. Для замены используются инициалы, псевдонимы или иные обозначения, препятствующие идентификации. Однако из текстов не исключаются ИНН и ОГРНИП индивидуального предпринимателя, а также ФИО истцов, ответчиков, третьих лиц, подсудимых, судей, прокуроров, адвокатов и представителей.

Законом № 262-ФЗ также установлен запрет на размещение в сети Интернет текстов судебных актов по определенным категориям дел. К ним относятся дела, затрагивающие государственную безопасность; семейно-правовые споры, включая усыновление; дела, связанные с правами несовершеннолетних; дела, связанные с преступлениями против половой неприкосновенности; дела по вопросам дееспособности, принудительной госпитализации в психиатрический стационар, исправлениях в актах гражданского состояния, установлении юридически значимых фактов, а также делах, рассматриваемых в упрощенном порядке.

На основе вышеизложенного в автоматизированном судопроизводстве можно выделить следующие типы персональных данных:

1. По критерию получения: предоставленные самим участником судопроизводства и полученные иным образом (полученные в ходе судебного разбирательства);

2. По критерию доступа: публичные (опубликованные) и непубличные;

3. По критерию полноты идентификации: полные (ФИО, адрес, ИНН, СНИЛС) и неполные (фамилия с инициалами, часть адреса и т.д.);

4. По критерию обезличивания [5]: обезличенные¹ и необезличенные;

5. По критерию использования: используемые в тексте судебного акта и используемые в информационной системе (карточке дела);

6. По критерию наличия: содержащиеся в системе и отсутствующие в ней.

Указанные типы подлежат классификации на режимы:

– Публично доступные (данные опубликованы и позволяют идентифицировать лицо);

– Условно обезличенные (данные частично опубликованы, что создает вероятность идентификации);

– Обезличенные (данные обезличены, что не создает вероятность идентификации);

– Публично недоступные (данные не опубликованы, при этом имеются в информационной системе);

– Недоступные (данные отсутствуют в системе).

¹ Сафьянников А.В. Обезличенные данные: есть ли будущее в России? Электронный ресурс. Доступно на сайте: <https://online.consultant.ru/riv/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=146758&cacheid=328B8259670B5930C33428F0C3B32762&mode=splus&md=VRiihw#78cBlyUUOo9ehRt> (дата обращения: 15.08.2025).

Хотя судебные постановления в России не относятся к первичным источникам права, они играют важную роль как производные нормативные акты. Судебные постановления основываются на законе, конкретизируют и дополняют его применительно к реальным правоотношениям, в том числе в условиях несовершенства и неполноты законодательства. Судебные постановления обязаны учитывать различные обстоятельства, включая данные об участниках судебного процесса и их имущественном положении. В результате персональные данные становятся элементом информации, отражаемой в судебных актах и находящейся в публичном доступе, что требует особого регулирования для баланса между гласностью и защитой прав личности.

Современная правовая парадигма признает высшей ценностью человека, его права и свободы. Эти права, включая право на тайну частной жизни, рассматриваются как естественные и неотчуждаемые, не предоставляемые государством, а присущие человеку от рождения [6]. По мнению автора, для минимизации рисков разглашения в условиях автоматизированного судопроизводства необходим дополнительный правовой режим – режим публичных персональных данных неавтоматизированного учета. Это позволит совместить обработку персональных данных в автоматизированном судопроизводстве, обеспечивая при этом необходимый уровень защиты.

Список источников:

1. Проскурякова (2016) – Проскурякова М.И. Конституционно-правовые рамки защиты персональных данных в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2016. № 2. С. 12–27.
2. Ловцов, Федичев (2017) - Ловцов Д.А., Федичев А.В. Архитектура национального классификатора правовых режимов информации ограниченного доступа // Правовая информатика. – 2017. № 2. С. 35-54.
3. Бачило (2015) – Бачило И.Л. О методологии выявления и классификации понятийного аппарата в информационном праве // Понятийный аппарат информационного права / Сб. науч. работ. - М.: ИГП РАН - Издательство «Канон+» РООИ «Реабилитация». – 2015. С. 8-18.
4. Ловцов (2009) – Ловцов Д.А. Концептуально-логическое моделирование юридического понятия «тайна» // Информационное право. – 2009. № 2. С. 12–14.
5. Сафьянников (2022) – Сафьянников А.В. Обезличенные данные: есть ли будущее в России? // Вестник экономического правосудия Российской Федерации». – 2022, № 9. С. 55-74.
6. Челмакина (2021) – Челмакина М.А. Понятие частной жизни в конституционном праве // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство» – 2021. Том 9. № 1 (33) С. 139-148.

References:

Proskuryakova (2016) – Proskuryakova M.I. The constitutional and legal framework for the protection of personal data in Russia [Konstitucionno-pravovye ramki zashchity personal'nyh dannyh v Rossii] Bulletin of St.

Petersburg University // [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo]. – 2016. № 2. pp. 12–27.

Lovcov (2017) – Lovcov D.A., Fedichev A.V. Architecture of the national classifier of legal regimes of restricted access information [Arhitektura nacional'nogo klassifikatora pravovyh rezhimov informacii ogranichenogo dostupa] // Legal informatics [Pravovaya informatika]. – № 2 – 2017. pp. 35-54.

Bachilo (2015) – Bachilo I.L. On the methodology of identification and classification of the conceptual framework in information law [O metodologii vyyavleniya i klassifikacii ponyatijnogo apparata v informacionnom prave] // The conceptual apparatus of information law [Ponyatijnyj apparat informacionnogo prava] / Collection of scientific papers. - M.: IGP RAS - Publishing house «Canon+» ROOI «Rehabilitation». – 2015. pp. 8-18.

Lovcov (2009) – Lovcov D.A. Conceptual and logical modeling of the legal concept of «secret» [Konceptual'no-logicheskoe modelirovanie yuridicheskogo ponyatiya «tajna» Information law [Informacionnoe parvo]. 2009. № 2. pp. 12–14.

Saf'yannikov (2022) – Saf'yannikov A.V. Anonymized data: is there a future in Russia? [Obezlichennye dannye: est' li budushchee v Rossii?] // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation [Vestnik ehkonomicheskogo pravosudiya Rossiiskoi Federatsii]. – 2022. № 9. pp. 55-74.

Chelmakina (2021) – Chelmakina M.A. The concept of private life in constitutional law [Ponyatie chastnoj zhizni v konstitucionnom prave] Electronic scientific journal «Science. Society. The State» [Elektronnyj nauchnyj zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo»] – 2021. Volume 9. № 1 (33) pp. 139-148.

Информационное право

УДК. 340.13

JEL: K40

*КАРАМАНОВ Константин Андреевич*¹

¹ Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), ул. Миклухо-Маклая, 55А, Москва, 117279, Россия.

¹ ООО “Онпоинт”, разработчик 2 категории, г. Москва, БЦ “Лефорт” улица Электрозаводская, дом 27, с. 2.

<https://orcid.org/0009-0006-6121-1380>

Караманов Константин Андреевич, аспирант Российской государственной академии интеллектуальной собственности (РГАИС).

E-mail: KonstantKar@yandex.ru

Научный руководитель: Альбов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права, Российская государственная академия интеллектуальной собственности (РГАИС), ул. Миклухо-Маклая, 55А, Москва, 117279, Россия.

<https://orcid.org/0000-0003-1716-0177>

Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России). Азовская ул., д. 2, корп. 1, Москва, 117638, Россия. E-mail: aar62@yandex.ru

МАШИНОЧИТАЕМОСТЬ ПРАВА КАК ИНСТРУМЕНТ ПРАВОВОЙ ОПРЕДЕЛЁННОСТИ: СРАВНЕНИЕ ПОДХОДОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ, ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА И КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ

Аннотация

Предмет/тема. Статья посвящена анализу машиночитаемости права как инструмента обеспечения правовой определённости в правовых порядках Российской Федерации, Европейского союза и Китайской Народной Республики с учётом связи формализованных юридических моделей с верховенством права и цифровым правосудием.

Цели/задачи. Цель исследования – сопоставить институциональные модели машиночитаемого права в трёх юрисдикциях сквозь призму правовой определённости; задачи включают уточнение доктринальных и нормативных подходов, выделение ключевых инфраструктурных элементов и оценку их влияния на пределы усмотрения.

Методология. Используются анализ, синтез, индукция и дедукция в сочетании с формально-юридическим, сравнительно-правовым и системно-структурным подходами, позволяющими рассматривать машиночитаемость как компонент единой цифровой правовой инфраструктуры.

Результаты/выводы. Показано, что в России машиночитаемое право формируется как вспомогательный слой формализации при приоритете текста закона, в ЕС интегрируется в режимы “better regulation”, RegTech и SupTech, обеспечивая стандартизацию регуляторных данных, а в КНР реализуется преимущественно через инфраструктуру «умных судов», усиливающих единообразие практики и вертикальный контроль. Обосновывается, что машиночитаемость усиливает защиту адресата от произвольного усмотрения лишь при включённости в рамку верховенства права, прозрачности формальных моделей и сохранении судебного

контроля, что позволяет сформулировать критерии оценки национальных стратегий в данной сфере.

Ключевые слова: *машиночитаемое право, правовая определённость, цифровое правосудие, верховенство права, автоматизация правоприменения, RegTech, SupTech, умные суды.*

Information law

¹ **Konstantin A. Karamanov**

¹ 2nd-year postgraduate student, Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS).

¹ Onpoint LLC, 2nd Category Developer, Moscow, Business Center “Lefort”, Elektroavodskaya Street, 27, Building 2.

Scientific supervisor: Aleksey P. Albov, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Civil and Business Law at Russian State Academy of Intellectual Property (RGAIS); “All-Russian State University of Justice” (Russian Law Academy of the Ministry of Justice of Russia)

MACHINE-READABLE LAW AS A TOOL FOR LEGAL CERTAINTY: A COMPARISON OF APPROACHES IN THE RUSSIAN FEDERATION, THE EUROPEAN UNION AND THE PEOPLE’S REPUBLIC OF CHINA

Abstract

Subject/Topic. The article examines machine-readable law as an instrument for ensuring legal certainty in the legal systems of the Russian Federation, the European Union and the People’s Republic of China, focusing on the relationship between formalised legal models, the rule of law and digital justice.

Purpose/Objectives. The aim is to compare institutional models of machine-readable law in the three jurisdictions through the lens of legal certainty; the objectives include clarifying doctrinal and regulatory approaches, identifying key infrastructural elements and assessing their impact on the scope of discretion.

Methodology. The study relies on analysis, synthesis, induction and deduction combined with formal-legal, comparative-legal and systemic-structural methods, which make it possible to treat machine-readability as part of a unified digital legal infrastructure.

Results/Conclusions. It is shown that in Russia machine-readable law is emerging as an auxiliary layer of formalisation with the primacy of statutory text; in the EU it is integrated into “better regulation”, RegTech and SupTech regimes, enabling standardisation of regulatory data; in China it is implemented mainly through the infrastructure of “smart courts”, reinforcing uniform case law and vertical control. The article argues that machine-readability enhances protection against arbitrary discretion only when embedded in the framework of the rule of law, accompanied by transparency of formal models and preserved judicial review, which allows for criteria to evaluate national strategies in this field.

Keywords: *machine-readable law, legal certainty, digital justice, rule of law, automation of law enforcement, RegTech, SupTech, smart courts.*

Введение

Цифровая трансформация публичного управления, развитие искусственного интеллекта (ИИ) и LegalTech привели к тому, что право всё чаще описывается не только как текст, но и как данные. В зарубежной и

отечественной литературе именно машиночитаемые форматы юридических документов фиксируются как одно из центральных направлений этой трансформации, позволяющее автоматизировать рутинные операции и повысить эффективность правового регулирования [1].

Исторически представление права в машиночитаемом виде прошло путь от технического определения машиночитаемого документа к более сложным конструкциям “машиночитаемого права”. Так, уже в приказе Главархива СССР от 25.05.1988 № 33 машиночитаемый документ определялся как “документ, пригодный для автоматического считывания содержащейся в нём информации”¹, что отражало сугубо технический подход — право оставалось текстом, а машиночитаемость относилась к носителю и формату.

Современные представления о машиночитаемости права значительно шире. В Концепции развития технологий машиночитаемого права, машиночитаемое право определяется как “основанное на онтологии права изложение определённого набора правовых норм на формальном языке (в том числе языке программирования, языке разметки), а также технологии машиночитаемого права”², то есть акцент смещается с носителя на формализованное содержание нормы и инфраструктуру её применения. Именно такая конструкция позволяет рассматривать машиночитаемость не только как форму представления нормативного текста, но и как инструмент переработки, валидации и автоматического исполнения правовых предписаний.

В российской доктрине обсуждаются праксиологическое, онтологическое и телеологическое измерения машиночитаемого права, что важно для увязки технических решений с целями правового регулирования и принципом правовой определённости [2]. Теоретическая артикуляция этих измерений задаёт методологические рамки для оценки того, какие элементы правовой материи допускают формализацию без потери смысла, а какие неизбежно сохраняют “человеческое измерение” и требуют интерпретации.

С теоретико-правовой точки зрения правовая определённость традиционно связывается с ясностью, предсказуемостью и стабильностью

¹ Приказ Главархива СССР от 25.05.1988 № 33 “Государственная система документационного обеспечения управления. Основные положения. Общие требования к документам и службам документационного обеспечения” [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_94185/4b2ee6bf48f5b5c4da8e7cf014584291169563bf/ (дата обращения: 13.11.2025).

² Концепция развития технологий машиночитаемого права. Электронный ресурс. Доступно на сайте КонсультантПлюс: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/47-1.pdf> (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31).

правового регулирования, достаточной определённости содержания прав и обязанностей для адресата. Машиночитаемые форматы юридических документов концептуально направлены на усиление именно этих характеристик: их достоинства называют расширенную доступность правовой информации, прозрачность и открытость, функциональную совместимость данных, обеспечение единообразного толкования юридических документов и возможность автоматической проверки соблюдения требований [1, с 37].

Показательным в этом отношении является вывод Европейского банковского управления: при переводе финансового законодательства в машиночитаемую форму основным преимуществом таких технологий является устранение необходимости для финансовых учреждений толковать законодательство, если оно недостаточно чёткое либо может быть истолковано неправильно¹, что прямо связывает машиночитаемость с уменьшением интерпретационной неопределённости и унификацией правоприменительной практики. В этом смысле машиночитаемое право оказывается потенциальным инструментом реализации принципа правовой определённости: оно должно снижать вариативность прочтения нормы за счёт формализованной структуры и встроенных механизмов проверки.

Однако та же линия развития обостряет ряд классических проблем теории права. Отмечается, что не все виды норм могут быть переведены на формальный язык без потери содержания: особенно трудно формализуются принципы, оценочные понятия и специализированные нормы, так что попытки их полной формально-логической алгоритмизации вызывают обоснованный скепсис, в дополнение к этому подчёркиваются риски утраты человеческой интерпретации, зависимости правовой системы от сложной цифровой инфраструктуры, а также неопределённости в распределении ответственности за ошибки, возникающие при использовании машиночитаемых форматов [1, с 28]. Эти обстоятельства ставят под вопрос универсальность идеи машиночитаемости как гарантии правовой определённости и требуют более тонкой, дифференцированной оценки.

Тем не менее, несмотря на эти ограничения, переход к машиночитаемому праву уже происходит и в Российской Федерации (РФ), и в Европейском союзе (ЕС), и в Китайской Народной Республике (КНР), принимая различные институциональные и технологические формы. В РФ ключевой точкой отсчёта выступает Концепция развития технологий машиночитаемого права, задающая рамку для перевода норм в

¹ EBA response: EC consultation on the digital finance strategy / action plan. — URL: https://www.eba.europa.eu/sites/default/files/document_library/About%20Us/Missions%20and%20tasks/Correspondence%20with%20EU%20institutions/2020/886668/EBA%20R%20esponse%20to%20EC%20DFS%20consultation%20260620.pdf (дата обращения: 14.11.2025).

машиночитаемый формат и для создания онтологической инфраструктуры, тогда как в ЕС машиночитаемость встраивается прежде всего в режимы RegTech и SupTech, ориентированные на снижение регулятивной нагрузки и повышение предсказуемости правоприменения в финансовой сфере¹.

В КНР, где активно развиваются системы “умных судов” и цифрового управления, машиночитаемость права тесно переплетается с задачами централизации и автоматизированного мониторинга правоприменения, анализ этих различий позволяет выявить, усиливают ли конкретные модели машиночитаемости гарантию правовой определённости или, напротив, создают новые зоны неопределённости.

Настоящая статья ставит целью сопоставить подходы РФ, ЕС и КНР к машиночитаемости права именно сквозь призму принципа правовой определённости. Объектом исследования являются процессы цифровой трансформации нормотворчества и правоприменения, а предметом — модели машиночитаемого представления правовых норм и механизмов их автоматизированного исполнения, влияющие на доступность, предсказуемость и стабильность права.

На основе анализа нормативных актов, стратегических документов и доктринальных подходов планируется:

- 1) реконструировать понимание машиночитаемости права в каждой из трёх юрисдикций;
- 2) выявить, какие аспекты правовой определённости они стремятся усилить за счёт машиночитаемых технологий и какие риски признают допустимыми;
- 3) предложить типологию моделей машиночитаемости (регулятивно-надзорная, управленческая, судебская) и оценить их совместимость с базовыми принципами правового государства. Тем самым вводная часть статьи обосновывает необходимость перехода от абстрактных дискуссий о машиночитаемом праве к содержательному сравнению конкретных институциональных решений, позволяющему судить о том, в какой мере машиночитаемость становится реальным инструментом обеспечения правовой определённости, а не только очередным этапом технократической модернизации правовой материи.

Методика

Эмпирическую базу исследования составили нормативные и стратегические акты РФ, ЕС и КНР, регулирующие цифровую трансформацию нормотворчества и правосудия, а также доктринальные работы о машиночитаемом праве, электронном правосудии,

¹ Концепция развития технологий машиночитаемого права. Электронный ресурс. Доступно на сайте КонсультантПлюс: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/47-1.pdf> (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31).

RegTech/SupTech и “умных судах”. Такой отбор источников позволил рассматривать машиночитаемость не как абстрактную техническую идею, а как реально складывающуюся инфраструктуру трёх правопорядков, связанную с обеспечением правовой определённости.

Из общенаучных методов использовались анализ, синтез, индукция и дедукция. Анализ применялся для выделения ключевых элементов машиночитаемости (формальные модели норм, идентификаторы, цифровые каналы публикации и обмена, автоматизированные решения) в каждом правопорядке. Синтез позволил объединить эти разрозненные элементы в целостные модели использования машиночитаемости, а индукция — обобщить эмпирические описания практик ЕС, РФ и КНР в виде трёх типовых траекторий. Дедукция применялась для выведения требований к машиночитаемому праву из принципов законности, правовой определённости, доступа к правосудию и подотчётности власти.

Из специальных юридических методов использовались формально-юридический и сравнительно-правовой. Формально-юридический метод был задействован для анализа статуса машиночитаемых форматов в системе источников права, их соотношения с текстом акта, а также для фиксации пределов допустимой автоматизации правоприменения в нормативных и концептуальных документах. Сравнительно-правовой метод обеспечил сопоставимость России, ЕС и Китая по единым критериям: понимание машиночитаемости права, её связь с правовой определённой, степень открытости машиночитаемых форматов и роль человека в контуре принятия решений.

Системно-структурный подход применялся для реконструкции полного жизненного цикла нормы и судебного решения в трёх юрисдикциях: от подготовки и принятия акта до его машиночитаемого представления, использования в цифровом судопроизводстве и встроенности в практику автоматизированных решений. Такой подход позволил рассматривать машиночитаемость как часть единой правовой инфраструктуры, а не как набор изолированных технических проектов, и тем самым связать технические решения с вопросом о реальном состоянии правовой определённости в России, Европейском союзе и Китайской Народной Республике

Результаты исследования

В российском правопорядке машиночитаемость права реконструируется прежде всего как технический способ фиксации уже существующей нормативности, а не как самостоятельный второй слой права. В Концепции развития технологий машиночитаемого права она определяется как изложение определённого набора правовых норм на формальном языке, основанное на правовой онтологии, при этом специально подчёркивается, что такие представления дополняют текст на естественном языке и не

имеют над ним приоритета¹. В доктринальных работах эта позиция разворачивается в сторону анализа границ формализации: подчёркивается, что машиночитаемое право возможно лишь там, где нормы могут быть изложены на формальном языке с однозначным смыслом, а оценочные и принципиальные предписания сохраняют пространство для человеческого усмотрения. На этой основе машиночитаемые форматы на практике связывают прежде всего с теми массивами регулирования, где допустима жёсткая алгоритмизация и тестируемость предписаний, при сохранении текстового уровня для более открытых и ценностных норм². Через эту призму машиночитаемость в России задумана как инструмент повышения непротиворечивости и предсказуемости регулирования, сокращения произвольной дискреции за счёт унификации алгоритмов применения типовых норм, а также ускорения и стандартизации правоприменительных процедур. При этом в качестве допустимых признаются, но подлежащих компенсации, риски технических ошибок, рассогласования между кодом и текстом, невозможности полной формализации норм-принципов и оценочных категорий.

В Концепции прямо выделяются опасности автоматического исполнения норм и неправильной квалификации фактов при чрезмерном снижении роли человека. Ответом на эти риски становятся заложенные в ней гарантии: приоритет текста на естественном языке, право лица отказаться от автоматического решения, требования экспертного и общественного контроля соответствия кода юридическому тексту и сохранение решающей роли человека в правоприменении. В итоге российский подход формирует концептуально выстроенную, но осторожную модель, в которой машиночитаемость мыслится как вспомогательный инструмент внутри человекоцентричной архитектуры правоприменения.

В Европейском союзе понимание машиночитаемости права тесно связано с концепцией “better regulation”, а также развитием RegTech (Regulatory Technology) и SupTech (Supervisory Technology): право здесь всё более рассматривается как совокупность взаимосвязанных данных и метаданных, пригодных для автоматизированной обработки в рамках

¹ Концепция развития технологий машиночитаемого права. Электронный ресурс. Доступно на сайте КонсультантПлюс: <https://spa.msu.ru/wp-content/uploads/47-1.pdf> (утв. Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15.09.2021 № 31).

² Drafting legislation in the era of AI and digitisation: reference study / University of Bologna; European Commission, Directorate-General for Informatics. 2022. [Электронный ресурс]. Доступно на сайте: URL: <https://interoperable-europe.ec.europa.eu/sites/default/files/document/2022-06/Drafting%20legislation%20in%20the%20era%20of%20AI%20and%20digitisation%20-%20study.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

сквозной ИТ-экосистемы нормотворчества¹. Право в таком подходе реконструируется как связанный массив формализованных требований: регуляторные обязанности описываются через модели данных (Data Point Model, XBRL-таксономии и др.), связанные с валидационными правилами и встроенные в инфраструктуру надзора, что позволяет переходить от простого структурирования текста к модельно-ориентированной регуляторике, где именно модель данных становится основой для оценки соблюдения нормы². Исследования, выполненные по заказу институтов ЕС в рамках проектов по развитию LEOS и связанных с ним “умных функциональностей”, прямо описывают машиночитаемое право как технологический слой, призванный повысить качество и прозрачность законодательства, обеспечить согласованность норм, отслеживание их изменений и транспозиции директив, но не заменить традиционные процедуры выработки права.³

Сквозь эту призму правовая определённость усиливается за счёт однозначности и сопоставимости регуляторных требований, прозрачности версионности актов, унификации отчётности и автоматизированной проверки соблюдения норм, а также за счёт открытости законодательных данных, позволяющей внешним субъектам самостоятельно анализировать массив права. Вместе с тем признаются риски усложнения инфраструктуры, возможного доминирования технической логики над юридической и зависимости от поставщиков технологий, их пытаются сдерживать через акцент на ответственной, “гибридной” модели ИИ с человеческим надзором и через увязку с требованиями разрабатываемого регулирования ИИ в ЕС, где принципам ответственности, объяснимости и оспоримости автоматизированных решений придаётся нормативный вес. В целом европейская модель демонстрирует высокую совместимость с принципами правового государства, поскольку машиночитаемость здесь встроена в систему гарантий прозрачности, подотчётности и судебного контроля.

В Китайской Народной Республике понимание машиночитаемости права в меньшей степени оформлено как абстрактная дефиниция и в

¹ Drafting legislation in the era of AI and digitisation: reference study / University of Bologna; European Commission, Directorate-General for Informatics. 2022. [Электронный ресурс]. Доступно на сайте: URL: <https://interoperable-europe.ec.europa.eu/sites/default/files/document/2022-06/Drafting%20legislation%20in%20the%20era%20of%20AI%20and%20digitisation%20-%20study.pdf> (дата обращения: 18.11.2025).

² Reporting frameworks [Электронный ресурс] / European Banking Authority. URL: <https://www.eba.europa.eu/risk-and-data-analysis/reporting/reporting-frameworks> (дата обращения: 16.11.2025).

³ AI-based solutions for legislative drafting in the EU: Summary report [Электронный ресурс]. — Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2024. — URL: <https://op.europa.eu/it/publication-detail/-/publication/dece3782-90ed-11ef-a130-01aa75ed71a1/language-en> (дата обращения: 16.11.2025).

гораздо большей степени проявляется через практику “умных судов” (Smart Courts) и общенациональную цифровизацию судопроизводства. Здесь право реконструируется как элемент цифровой инфраструктуры управления судебной системой: электронные дела, шаблоны процессуальных документов, централизованные базы данных судебной статистики, модули анализа материалов и автоматической сигнализации судье об отклонении от формальных требований закона образуют машиночитаемый уровень правосудия, в который встроены алгоритмы поддержки принятия процессуальных и материальных решений [4].

В рамках реформы умных судов поэтапно создаётся многоуровневая инфраструктура, в которой данные обо всех стадиях движения дела поступают в крупные центры обработки Верховного народного суда, а ИИ-системы используются для поиска аналогичных дел, помощи в назначении наказания, подготовки документов, оценки “разумности” усмотрения судьи и мониторинга показателей работы судов. В такой конфигурации правовая определённость усиливается прежде всего как единообразие и предсказуемость практики, строгая процессуальная дисциплина и высокая управляемость системы в целом, при этом технологии цифрового правосудия одновременно служат инструментом укрепления управленческого контроля над судами.

Исследователи отмечают, что данные реформы одновременно повышают стандартизацию судебных процедур и результатов и увеличивают политико-административный надзор над поведением судей, сокращая пространство индивидуального усмотрения в пользу вертикально организованного контроля [5]. В результате китайская модель использует машиночитаемость как инструмент стандартизации и вертикального контроля, формируя правопорядок, в котором определённость обеспечивается ценой смещения акцента с независимости суда и процедурных гарантий в сторону эффективности и управляемости.

Предлагаемая типология моделей машиночитаемости права позволяет связать эти три конструкции с вопросом о совместимости с базовыми принципами правового государства. Регулятивно-надзорная модель, наиболее полно проявляющаяся в ЕС и частично в России, основывается на формализации регуляторных требований и отчётности в виде данных, пригодных для автоматического исполнения и контроля, при достаточной прозрачности стандартов и открытости инфраструктуры она способна существенно уменьшать произвол и повышать предсказуемость, оставаясь в русле идеи верховенства права. Управленческая модель, наиболее ярко выраженная в КНР и в более мягком виде присутствующая в российских проектах цифровизации контроля и надзора, делает машиночитаемость элементом архитектуры мониторинга и планирования, усиливая управляемость и прозрачность для центра, но в то же время создавая угрозу подмены юридического рассуждения показателями эффективности и

алгоритмическими ориентирами. Судейская модель, в которой машиночитаемость влияет непосредственно на процесс отправления правосудия через системы поддержки судебных решений и другие элементы алгоритмизированного правосудия, в Китае уже радикально приближается к алгоритмически опосредованному судопроизводству, тогда как в России и ЕС пока сохраняется на уровне пилотных проектов с декларируемым вспомогательным характером и акцентом на человеческий контроль [5]. Именно от того, остаётся ли алгоритм в режиме советника или превращается в фактический источник решения, зависит её совместимость с правом на справедливое судебное разбирательство и принципами независимости суда.

Тем самым в результатах исследования фиксируется, что машиночитаемость права не сводится к единому универсальному сценарию цифровизации, а воплощается в разных институциональных конфигурациях. В российской модели она выступает как концептуально оформленный, но ограниченный по амбициям инструмент балансировки формализации и защиты прав человека, в европейской модели — как технологическая опора политики улучшения регулирования, встроенная в механизмы прозрачности, подотчётности и открытых данных, в китайской модели — как ключевой элемент инфраструктуры умных судов и цифрового управления, обеспечивающий высокую определённость в смысле единообразия практики, но ставящий под вопрос классические параметры правового государства. Именно такое содержательное сравнение конкретных решений позволяет судить о том, где машиночитаемость действительно становится инструментом укрепления правовой определённости, а где — лишь очередным этапом технократической модернизации правовой материи.

Заключение

Сравнительный анализ российской, европейской и китайской траекторий показывает, что машиночитаемость права оказывается не нейтральной технической надстройкой, а способом по-новому выстраивать правопорядок в цифровом пространстве. В отечественной теории цифрового правопорядка подчёркивается, что выбор модели регулирования — от централизованной до смешанной — задаёт баланс между поддержанием правовой государственности и ростом роли негосударственных цифровых платформ, именно от ясности и предсказуемости этой модели зависит, станет ли цифровая инфраструктура фактором усиления либо, наоборот, эрозии правовой определённости. В этом контексте машиночитаемое право выступает не как техническая опция, а как один из механизмов обеспечения либо подрыва единства правопорядка в цифровой среде.

С этой точки зрения российская модель машиночитаемости, ориентированная на онтологическое описание норм при сохранении

приоритета текста закона и контролируемой сферы применения, выглядит как попытка встроить формальные языки в уже сложившееся понимание правовой определённости. Исследования, посвящённые принципу правовой определённости в уголовном судопроизводстве, показывают, что предсказуемость правоприменения обеспечивается прежде всего чёткостью критериев для суда, стабильностью процедур и возможностью контроля и проверки мотивации судебных решений, а не простым технологическим упорядочением информации [6]. Если перенести этот подход на машиночитаемые форматы, онтологическая модель нормы оказывается допустима именно как вспомогательный инструмент, который повышает алгоритмичность процедур и снижает риск случайных ошибок, но не подменяет собой судебное усмотрение, не превращает определённость в механическое следование коду и не вытесняет процессуальные гарантии человека.

Европейская регулятивно-надзорная и китайская управленческо-судебная модели демонстрируют два полюса использования машиночитаемости для производства правовой определённости: через стандартизацию регуляторных данных и через тотальный контроль за судебной практикой. В российской литературе, посвящённой электронному правосудию и сравнительному анализу цифровизации судебных систем, подчёркивается, что переход к электронному и “умному” правосудию в ЕС и КНР сочетает рост единообразия процедур с риском подмены содержательной справедливости формальной управляемостью и ориентацией на показатели эффективности [7].

Анализ китайских “умных судов” в российской доктрине подтверждает, что интеграция ИИ действительно повышает согласованность и скорость решений, снижает нагрузку на судей и облегчает доступ к правосудию, однако делает судебную систему более управляемой “сверху”, сужая пространство для индивидуализированного усмотрения и усиливая зависимость судей от централизованных цифровых инструментов [8]. В философско-правовом ключе китайский опыт прямо описывается как попытка найти баланс между эффективностью и справедливостью, где специальные принципы применения ИИ в судах призваны противостоять рискам и уменьшить вероятность морально-этических коллизий, возникающих при алгоритмизации судебной деятельности [9].

Сопоставление трёх моделей позволяет уточнить предложенную типологию: регулятивно-надзорная машиночитаемость ЕС максимизирует формальную предсказуемость и сопоставимость данных, управленческая модель КНР — управляемость и стандартизацию правоприменения в масштабах всей судебной системы, тогда как судейско-процессуальная модель РФ стремится встроить цифровые инструменты в рамки существующих гарантий справедливого суда и правового государства. В работах о цифровизации правосудия подчёркивается, что допустимым

является только такой формат использования ИИ и связанных с ним машиночитаемых технологий, при котором они выступают именно средством оптимизации и вспомогательной аналитики, а не источником новых рисков для независимости суда и для принципа состязательности [10].

Исследования правовой культуры в цифровом обществе подчёркивают, что в цифровой сфере “правовая неопределённость весьма велика, и основой защиты индивида является сформированная правовая культура на личностно-значимом уровне” [11]. Развивая этот тезис, правовую культуру, опору на базовые ценности и своевременную реакцию государства на вызовы цифровизации можно рассматривать как главный противовес технократическим экспериментам в правовой сфере. В этом смысле машиночитаемость может стать инструментом подлинной правовой определённости только тогда, когда формальные модели права проектируются как продолжение, а не замена конституционных принципов верховенства права, разделения властей и судебной защиты, причём в каждой из трёх рассмотренных юрисдикций этот выбор делает не техника, а правовая политика.

Выводы

Проведённый сравнительный анализ показывает, что машиночитаемость права в современных правовых порядках перестаёт быть сугубо технической характеристикой юридического текста. В России, Европейском союзе и Китае она включена в разные институциональные проекты и по-разному работает на правовую определённость. В одном случае формальные языки и онтологии задумываются как вспомогательный инструмент, упорядочивающий и проясняющий уже существующие нормы, в другом — как инфраструктура регуляторных данных и надзорной отчётности, в третьем — как элемент архитектуры “умных судов” и вертикального управления судебной системой. Тем самым вопрос о машиночитаемости права оказывается не только и не столько вопросом о формате представления норм, сколько вопросом о модели правового порядка в цифровую эпоху.

Выдвинутая в работе типология регулятивно-надзорной, управленческой и судебской моделей машиночитаемости позволяет зафиксировать принципиальные различия между подходами трёх юрисдикций. Европейская регулятивно-надзорная модель ориентирована на стандартизацию и сопоставимость данных, на повышение прозрачности и предсказуемости регуляторных требований, при декларируемом сохранении человеческого контроля и процессуальных гарантий. Китайская управленческо-судейская модель делает акцент на управляемости и единообразии судебной практики, используя ИИ и машиночитаемые форматы для централизации информации и выравнивания решений, но при этом объективно сужает пространство

независимого судебного усмотрения. Российский подход остаётся концептуально наиболее осторожным: машиночитаемое право осмысливается как “второй слой” представления нормы, который не должен иметь приоритета над текстом закона и не может полностью вытеснить человеческое толкование и оценку.

С точки зрения принципа правовой определённости это означает, что одна и та же технология производит разные эффекты в зависимости от того, в какой институциональной логике она работает — логике верховенства права или логике управленческого контроля. Там, где машиночитаемость служит инструментом прозрачности, воспроизводимости и проверяемости решений, она действительно способна уменьшать произвол и усиливать предсказуемость правоприменения. Там же, где она встроена в логику мониторинга показателей и вертикального контроля, определённая всё больше превращается в управляемость, а ключевые юридические решения смещаются из пространства публичной аргументации в пространство скрытого алгоритмического дизайна. Именно это разделение делает недостаточными абстрактные формулы вроде “право как код” и требует анализа конкретных институциональных конфигураций.

Для российской правовой системы главным выводом становится необходимость развивать технологии машиночитаемого права не как автономный технократический проект, а как продолжение конституционных принципов правового государства. Перспективным представляется дальнейшее сближение двух линий: инфраструктуры электронного правосудия и концепции машиночитаемого права, но при жёстком сохранении приоритета текста закона, независимости суда, права на рассмотрение дела человеком и открытости используемых формальных моделей. В этих условиях машиночитаемость может стать не очередным слоем цифрового администрирования, а реальным инструментом укрепления правовой определённости: адресат будет лучше понимать нормы и последствия своих действий, суд — опираться на более прозрачные и проверяемые алгоритмы, а правопорядок в целом — сохранять баланс между эффективностью цифровой инфраструктуры и требованиями справедливости и правовой защищённости личности.

Список источников

1. Березина (2025) – Березина Е.А. Машиночитаемый формат юридических документов: разработка и применение в зарубежных государствах // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 3. С. 25–41.
2. Понкин (2021) – Понкин И.В. Концепт машиночитаемого права // Юридическая техника. 2021. № 15. С. 231–236.
3. Перевозкин (2024) – Перевозкин А. А. Теоретико-правовая характеристика машиночитаемого права // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19. № 8. С. 22–37.

4. Wang, Qu (2024) – Wang P., Qu G. AI in court: the promotion and regulation of information technology in China's Smart Court movements // Artificial Intelligence and International Human Rights Law: Developing Standards for a Changing World / ed. by M. Balcerzak, J. Kapelańska-Pręgowska. Cheltenham : Edward Elgar Publishing, 2024. P. 309–324. by M. Balcerzak, J. Kapelańska-Pręgowska. — Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024. — P. 309–324.

5. Reiling, Papagiannas (2025) – Reiling A.D., Papagiannas S. Lessons from China's Smart Court Reform? // International Journal for Court Administration. 2025. Vol. 16. № 1. P. 1–19.

6. Усачев (2021) – Усачев А.А. Правовая определенность как основа уголовного судопроизводства: от теории к совершенствованию законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 8 (129). С. 129–140.

7. Зеленская (2023) – Зеленская Л.А. Отдельные вопросы перспективы использования "электронного правосудия": опыт Российской Федерации и зарубежных стран // Теория и практика общественного развития. 2023. № 10. С. 214–219.

8. Мяханова, Гунзынов (2024) – Мяханова А.Н., Гунзынов Ж.П. Организация "умного суда": китайский опыт // Вестник Бурятского государственного университета. Юриспруденция. 2024. № 3. С. 71–77.

9. Бальчиндоржиева, Мяханова, Сапкеев (2023) – Бальчиндоржиева О.Б., Мяханова А.Н., Сапкеев Д.В. Философско-правовые и этические аспекты организации "умного суда": китайский опыт // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2023. № 3. С. 70–76.

10. Момотов (2021) – Момотов В.В. Искусственный интеллект в судопроизводстве: состояние, перспективы использования // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). 2021. № 5 (81). С. 188–191.

11. Хохлова, Дуваярова (2022) – Хохлова Е.М., Дуваярова С.А. Правовая культура и цифровизационное современное общество // Проблемы права. 2022. № 4 (87). С. 14–19.

References:

Berezina (2025) – Berezina E. A. Machine-readable format of legal documents: development and application in foreign states [Mashinochitaemyi format yuridicheskikh dokumentov: razrabotka i primeneniye v zarubezhnykh gosudarstvakh] // Actual Problems of Russian Law. 2025. Vol. 20, # 3. P. 25–41.

Ponkin (2021) – Ponkin I. V. The concept of machine-readable law [Kontsept mashinochitaemogo prava] // Legal Technique. 2021. # 15. P. 231–236.

Perevozkin (2024) – Perevozkin A. A. Theoretical and legal characteristics of machine-readable law [Teoretiko-pravovaia kharakteristika mashinochitaemogo prava] // Actual Problems of Russian Law. 2024. Vol. 19, # 8. P. 22–37.

Wang, Qu (2024) – Wang P., Qu G. AI in court: the promotion and regulation of information technology in China's Smart Court movements // Artificial Intelligence and International Human Rights Law: Developing Standards for a Changing World / ed. by M. Balcerzak, J. Kapelańska-Pręgowska. Cheltenham: Edward Elgar Publishing, 2024. P. 309–324.

Reiling, Papagiannas (2025) – Reiling A. D., Papagiannas S. Lessons from China's Smart Court Reform? // International Journal for Court Administration. 2025. Vol. 16, # 1. P. 1–19.

Usachev (2021) – Usachev A. A. Legal certainty as the basis of criminal proceedings: from theory to legislation improvement [Pravovaia opredelennost' kak osnova ugovnogo sudoproizvodstva: ot teorii k sovershenstvovaniuu zakonodatel'stva] // Actual Problems of Russian Law. 2021. Vol. 16, # 8 (129). P. 129–140.

Zelenskaya (2023) – Zelenskaya L. A. Some issues of prospects for the use of “electronic justice”: experience of the Russian Federation and foreign countries [Otdel'nye voprosy perspektivy ispol'zovaniia "elektronного правосудii": opyt Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnykh stran] // Theory and Practice of Social Development. 2023. # 10. P. 214–219.

Myakhanova, Gunzynov (2024) – Myakhanova A. N., Gunzynov Zh. P. Organization of a “smart court”: Chinese experience [Organizatsiia "umnogo suda": kitaiskii opyt] // Bulletin of Buryat State University. Jurisprudence. 2024. # 3. P. 71–77.

Balchindorzhieva, Myakhanova, Sapkeev (2023) – Balchindorzhieva O. B., Myakhanova A. N., Sapkeev D. V. Philosophical-legal and ethical aspects of organizing a “smart court”: Chinese experience [Filosofsko-pravovye i eticheskie aspekty organizatsii "umnogo suda": kitaiskii opyt] // Bulletin of Buryat State University. Philosophy. 2023. # 3. P. 70–76.

Momotov (2021) – Momotov V. V. Artificial intelligence in legal proceedings: current state and prospects of use [Iskusstvennyi intellekt v sudoproizvodstve: sostoianie, perspektivy ispol'zovaniia] // Vestnik of Kutafin Moscow State Law University (MSAL). 2021. # 5 (81). P. 188–191.

Khokhlova, Duvayarova (2022) – Khokhlova E. M., Duvayarova S. A. Legal culture and digitalization of modern society [Pravovaia kul'tura i tsifrovizatsionnoe sovremennoe obshchestvo] // Problemy prava (Issues of Law). 2022. # 4 (87). P. 14–19.

Финансовое право

УДК 343.8

JEL K14

*КУЛАЖИНА Анастасия Олеговна*¹

¹ ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Ленинградский просп., 49, ГСП-3, г. Москва, 125993, Россия.
<https://orcid.org/0009-0000-5307-2073>

¹ Кулажина Анастасия Олеговна; стажер-исследователь Института исследований социально-экономических трансформаций и финансовой политики Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, аспирант юридического факультета ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации». Москва, Россия. E-mail: anastasiakulazhina@yandex.ru

Научный руководитель: Исмаилов Исмаил Шапурович, кандидат юридических наук, доцент кафедры международного и публичного права Юридического факультета Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, Москва.
E-mail: ishismailov@fa.ru

**ФИНАНСОВЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ В ЦИФРОВУЮ ЭПОХУ:
ФИНАНСОВЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В РОССИИ, КИТАЕ, БРАЗИЛИИ,
ОБЪЕДИНЕННЫХ АРАБСКИХ ЭМИРАТАХ**

Аннотация

Предмет/тема. Цифровые финансовые инструменты в странах БРИКС — прежде всего цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ), криптовалюты и связанные с ними инфраструктурные решения.

Цели/задачи. Определение ключевых особенностей зарубежных моделей регулирования цифровых валют в рассматриваемых юрисдикциях и выявление возможностей их гармонизации для укрепления финансового суверенитета стран.

Вывод. КНР демонстрирует наиболее продвинутую модель: цифровой юань уже признан законным платежным средством и активно тестируется в массовых и трансграничных платежах. Бразилия находится в фазе интенсивного развития: комплексно урегулирован крипторынок, но ЦВЦБ Drex пока тестируется и не имеет законного статуса как платежное средство. Россия занимает промежуточную позицию: цифровой рубль нормативно закреплён, но фактическая сфера его использования ограничена, криптовалюты в национальных платежах запрещены, при этом запускаются экспериментальные правовые режимы для трансграничных расчетов. Общее направление развития во всех трех странах связано с укреплением финансового суверенитета и снижением зависимости от частных криптоинструментов и иностранных платежных систем.

Ключевые слова: *финансовый суверенитет, финансовые технологии, трансграничные расчеты, цифровые валюты центральных банков, смарт-контракты, KYC-контроль.*

Financial law

¹ **Anastasia O. Kulazhina**

PhD student of the Faculty of Law of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation.

Scientific supervisor: Ismailov Ismail Shapurovich, PhD in Law, Associate Professor of the Department of International and Public Law, Faculty of Law, Financial University under the Government of the Russian Federation.

FINANCIAL SOVEREIGNTY IN THE DIGITAL AGE: FINANCIAL TECHNOLOGIES IN RUSSIA, CHINA, BRAZIL, AND THE UNITED ARAB EMIRATES

Annotation

Subject/topic Digital financial instruments in the BRICS countries, primarily digital currencies of central banks (DCBs), cryptocurrencies, and related infrastructure solutions.

Goals/objectives Identification of key features of foreign models of digital currency regulation in the jurisdictions under consideration and identification of opportunities for their harmonization to strengthen the financial sovereignty of countries.

Conclusion China is demonstrating the most advanced model: the digital yuan has already been recognized as a legal tender and is being actively tested in mass and cross-border payments. Brazil is in a phase of intensive development: the crypto market is comprehensively regulated, but the Drex digital currency is still being tested and does not have legal status as a means of payment. Russia occupies an intermediate position: the digital ruble is legally fixed, but the actual scope of its use is limited, cryptocurrencies are prohibited in national payments, and experimental legal regimes for cross-border settlements are being launched. The general direction of development in all three countries is related to strengthening financial sovereignty and reducing dependence on private crypto tools and foreign payment systems.

Keywords: *financial sovereignty, financial technologies, cross-border settlements, digital currencies of central banks, smart contracts, KYC control.*

Цифровые технологии и их регулирование становятся одним из ключевых направлений государственной политики во многих странах. Внедрение цифровых финансовых инструментов сегодня находится в центре внимания не только национальных правительств, но и надгосударственных образований, стремящихся выработать согласованные подходы к использованию инновационных решений в финансовой сфере [1, с. 39].

В Бразилии регулирование финтеха и виртуальных активов продолжает активно развиваться. Так, в июне 2023 года вступил в силу Закон № 14.478/22 от 22 декабря 2022 года¹, который закрепил основные принципы использования виртуальных активов и деятельность поставщиков услуг в

¹ LEI № 14.478, DE 21 DE DEZEMBRO DE 2022 [Электронный ресурс] // Planalto. URL: https://www.planalto.gov.br/ccivil_03/_ato2019-2022/2022/lei/L14478.htm (дата обращения: 07.10.2025).

этой сфере. Закон определяет виртуальные активы как цифровое представление стоимости, применимое для расчетов или инвестиций, при этом исключая традиционные валюты, электронные деньги, программы лояльности и ценные бумаги. Ключевое значение в нем имеет регулирование деятельности посредников — поставщиков услуг виртуальных активов, для которых вводятся требования лицензирования и надзора со стороны государственных органов. Следующим шагом стало принятие Временной меры № 1.303/2025, которая изменила налоговый режим в отношении виртуальных активов¹. Согласно документу, с 1 января 2026 года будет введена единая ставка налога в размере 17,5% на доходы и прирост капитала от операций с виртуальными активами. Это заменяет действовавшую ранее систему, при которой налог уплачивался только с доходов, превышающих порог в 35 000 реалов (около \$6 300), и по прогрессивной шкале (от 15% до 22,5%). Новая система направлена на унификацию правил и сокращение возможностей для ухода от налогов, а также отражает стремление государства легализовать и централизовать контроль над растущим криптовалютным рынком.

Отметим, что в Бразилии пока отсутствует комплексное регулирование цифровой валюты центрального банка, однако уже с марта 2023 года активно тестируется национальная цифровая валюта под названием Drex, что делает страну одним из пионеров в области цифровых валют в Латинской Америке. Если сравнивать с Россией, можно выделить несколько особенностей: 1) лицензирование поставщиков услуг (virtual asset service providers, VASPs) в Бразилии более проработанный механизм, чем в России, где пока действует лишь общий запрет на использование криптовалют в качестве законного платежного средства. Россия могла бы заимствовать этот опыт для создания, регулируемого крипторынка и контроля над посредниками; 2) цифровая валюта Центрального Банка Бразилии Drex — аналог российских планов по цифровому рублю, который уже тестируется Банком России. Однако в отличие от Бразилии, в России есть оформившаяся нормативная база: в 2023 году принят Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 № 340-ФЗ². Цель настоящего акта заключается в формировании правовой базы и установлении норм осуществления операций с цифровым рублем. Конкретно

¹ Provisional Measure establishes new rules for the taxation of financial investments and virtual assets and Decree adjusts the increase of the IOF [Электронный ресурс] // Planalto. URL: <https://www.trenchcrossi.com/en/legal-alerts/provisional-measure-establishes-new-rules-for-the-taxation-of-financial-investments-and-virtual-assets-and-decree-adjusts-the-increase-of-the-iof/> (дата обращения: 07.10.2025).

² Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 24.07.2023 № 340-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_452645/ (дата обращения: 07.10.2025).

регламентированы процедуры открытия, сопровождения и закрытия счетов цифрового рубля, порядок предоставления доступа к соответствующему цифровому ресурсу, специфика заключения договоров банковского обслуживания счетов цифрового рубля, осуществление транзакций с такими счетами, условия обращения взыскания на средства должника и случаи временной блокировки операций по счету. Кроме того, отдельные нормы документа определяют, что обращение взыскания на цифровые рубли возможно исключительно при условии отсутствия либо недостаточного объема денежных средств в традиционном российском рубле, иностранной валюте и драгоценных металлах, а также подчеркивается, что средства, размещенные в форме цифрового рубля, не подлежат привлечению банками в качестве вкладов (депозитов). В этом аспекте Россия опережает Бразилию по степени нормативного закрепления.

Как отмечает Исмаилов И.Ш., ключевой мотивацией для центральных банков при разработке и внедрении цифровых валют выступает стремление предотвратить чрезмерную популяризацию частных криптовалют и стейблкоинов, а также обеспечить соответствие денежно-кредитной системы растущим потребностям общества в цифровых платежных [2, с. 76]. В этом контексте цифровые валюты центральных банков представляют собой гибридную форму денег, сочетающую свойства наличных (эмиссия и контроль со стороны регулятора), безналичных (доступ через банковскую инфраструктуру) и цифровых (существование исключительно в кодовой форме).

В Китае правовое регулирование финансовых технологий и, в особенности, цифровых валют центрального банка достигло наиболее продвинутой стадии среди стран БРИКС. Ключевым проектом является внедрение цифрового юаня (e-CNY), разработка которого осуществляется Народным банком Китая. Юридическая основа для данного проекта была заложена поправками к Закону о Народном банке Китая (People's Bank of China Law), предусматривающими возможность выпуска цифровой формы национальной валюты. При этом цифровой юань признается законным платежным средством, наравне с наличными и безналичными деньгами, что существенно отличает китайскую модель от экспериментальных проектов других государств [3, с. 140]. Практическое внедрение цифрового юаня началось еще в 2020 году в формате пилотных проектов в ряде регионов, а в настоящее время он тестируется в более чем двадцати крупных городах, включая Пекин и Шанхай. Нормативная политика Китая ориентирована на поэтапное внедрение цифровой валюты в массовый оборот с приоритетным использованием в сфере розничных платежей, включая государственные социальные программы, транспорт и электронную коммерцию.

Отдельного внимания заслуживает специфика китайской правовой модели, основанной на высокой степени централизации и тесной

интеграции государственных цифровых инструментов с национальными платежными системами. На практике это проявляется в том, что Народный банк Китая напрямую контролирует эмиссию цифрового юаня и определяет порядок его обращения, а участие коммерческих банков и частных финтех-компаний ограничено рамками строго регламентированного взаимодействия. Кроме того, Китай активно внедряет цифровой юань в трансграничные расчеты в рамках инициативы mBridge, что отражает стремление укрепить международное значение национальной валюты и снизить зависимость от доллара США.

С точки зрения юридической квалификации цифровых валют центральных, как отмечает Л. В. Санникова, важно различать широкий и узкий подход к понятию ЦВЦБ. При широком подходе к ЦВЦБ относятся любые цифровые валюты, выпущенные центральным банком, тогда как узкий подход ограничивает их цифровой формой национальной валюты, признанной законным платежным средством. Такой критерий позволяет отличать ЦВЦБ от государственных стейблкоинов или иных цифровых финансовых инструментов, которые хотя и могут использоваться для расчетов, но не обладают прямым обязательством центрального банка и номинированы в других единицах. Например, Petro в Венесуэле или Sango coin в Центральноафриканской Республике [4, с. 30]. Важность разграничения ЦВЦБ и иных цифровых активов заключается не только в теоретическом определении, но и в практических последствиях для валютного регулирования и контроля, что подтверждается недавними изменениями российского законодательства, включившего иностранные ЦВЦБ в понятие иностранной валюты.

Сравнение с российской моделью показывает, что в России процесс внедрения цифрового рубля также носит поэтапный характер, однако правовая конструкция существенно отличается. В то время как в Китае цифровой юань уже обладает статусом законного платежного средства, в России цифровой рубль рассматривается как дополнительная форма национальной валюты, использование которой пока ограничено определенными категориями операций. Российский подход предполагает большую осторожность и постепенность, что обусловлено необходимостью адаптации правовой системы и финансового сектора к новым рискам. С точки зрения заимствования китайского опыта в России, целесообразным представляется усиление правовой интеграции цифрового рубля в национальную платежную систему, а также разработка механизмов его использования в трансграничных расчетах, в том числе с партнерами по БРИКС. При этом китайская модель жесткой централизации вряд ли может быть в полной мере применена в российской юрисдикции, поскольку российский финансовый рынок сохраняет более диверсифицированную структуру взаимодействия государства и частных игроков. Китай активно регулирует цифровые платежи через платформы Alipay и WeChat Pay, а

также развивает цифровой юань. Особое внимание уделяется контролю крупных технологических компаний и безопасности транзакций. Для России интересен опыт Китая в интеграции цифровой валюты с платежной экосистемой и в регулировании BigTech-платформ, что повышает прозрачность рынка и защищает конкуренцию.

Инновационные подходы к обращению материальных ценностей в цифровой среде становятся новым этапом в развитии финансово-технологического сектора. Характерным примером служит практика Китая, где была реализована концепция так называемых «цифровых ломбардов» — автоматизированных устройств, осуществляющих прием и оценку золотых изделий с последующим перечислением денежных средств гражданину. Технически такие устройства представляют собой многофункциональные терминалы, способные в автоматическом режиме определить массу и пробу драгоценного металла, рассчитать сумму выплаты в соответствии с текущими котировками Шанхайской биржи золота, а также произвести физическую переработку изделия при температуре около 1200 °С. Весь процесс, включая идентификацию клиента и перевод денежных средств, осуществляется в течение приблизительно тридцати минут, при этом информация о совершенной операции может быть автоматически передана в налоговые и иные надзорные органы. Таким образом, цифровой ломбард представляет собой синтез традиционного института залога и современных финтех-технологий, обеспечивающих прозрачность, оперативность и контроль операций. Для государства подобная модель выгодна благодаря возможности полной цифровой отчетности и интеграции в национальные системы мониторинга финансовых потоков, что соответствует принципам регуляторных технологий (RegTech) и надзорных технологий (SupTech).

В российском правовом поле деятельность ломбардов регулируется Федеральным законом от 19 июля 2007 г. № 196-ФЗ «О ломбардах»¹. Согласно ст. 2 указанного акта, ломбард представляет собой специализированную коммерческую организацию, осуществляющую предоставление краткосрочных займов гражданам под залог движимого имущества с последующим хранением предмета залога. Таким образом, ключевыми признаками являются личный прием имущества, выдача займа и обеспечение сохранности переданного объекта. Применение китайской модели в России сталкивается с рядом правовых и технологических ограничений: отсутствие правового механизма удаленного приема и уничтожения предмета залога. Действующее законодательство предполагает физическое хранение имущества до момента исполнения

¹ Федеральный закон «О ломбардах» от 19.07.2007 № 196-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. Доступно на сайте: URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_70009/a9533930265965b115ab240ad073cb341fe8f8a8/ (дата обращения: 07.10.2025).

обязательства, тогда как модель цифрового ломбарда предполагает немедленное уничтожение (переплавку) предмета. Это противоречит ст. 343 ГК РФ, в соответствии с которыми залогодержатель обязан обеспечить сохранность — вещи не совершать действия, которые могут повлечь утрату заложенного имущества. В перспективе концепция цифрового ломбарда может быть реализована в России в формате токенизации драгоценных металлов — выпуском цифровых прав, обеспеченных физическим золотом, на основании Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах»¹. Такая модель позволит обеспечить законное обращение токенизированных активов, минуя физическое хранение. С юридической точки зрения концепция «цифрового ломбарда» может рассматриваться как перспективное направление цифровизации сектора микрофинансирования и вторичного обращения материальных активов. Однако ее прямая имплементация в существующую правовую систему Российской Федерации в настоящее время затруднительна, поскольку требует: корректировки норм о залоге и хранении имущества, создания специального режима регулирования для автоматизированных сделок с драгоценными металлами, интеграции с правовым режимом цифровых финансовых активов и цифрового рубля. Таким образом, реализация подобного института возможна в долгосрочной перспективе, при условии разработки гибридной модели, сочетающей элементы традиционного ломбарда (право собственности, залоговое обеспечение) с цифровыми инструментами токенизации и смарт-контрактами. В этом контексте цифровые ломбарды могут стать элементом национальной финтех-экосистемы, обеспечивающей превращение физических активов в ликвидные цифровые инструменты, что будет способствовать формированию правовой инфраструктуры экономики данных в Российской Федерации.

В Объединенных Арабских Эмиратах наблюдается активная институционализация использования криптовалютных инструментов в сфере услуг и туризма. Примером служит инициатива авиакомпании Emirates, заключившей меморандум о взаимопонимании с платежной платформой Crypto.com Pay, направленный на интеграцию цифровых валют в систему приема платежей за авиабилеты и сопутствующие услуги².

¹ Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358753/ (дата обращения: 07.10.2025).

² Emirates signs MoU with Crypto.com for future integration of Crypto.com Pay as a payment [Электронный ресурс] // The Emirates Group. URL: <https://www.emirates.com/media-centre/emirates-signs-mou-with-cryptocom-for-future-integration-of-cryptocom-pay-as-a-payment-option-for-customers/#> (дата обращения: 07.10.2025).

Данный проект соотносится с государственной стратегией Дубая по развитию Web3-инфраструктуры и криптовалютного регулирования, закрепленной в Закон № 4 2022 года «О регулировании виртуальных активов в эмирате Дубай»¹, который создал орган VARA (Virtual Assets Regulatory Authority) — специализированный надзорный институт для компаний, работающих с цифровыми активами [4, с. 58]. В результате формируется благоприятная правовая среда для трансграничных расчетов с использованием стейблкоинов и иных криптоинструментов, что позволяет бизнесу (в том числе международным авиаперевозчикам) легитимно принимать криптовалюту в качестве средства оплаты. С правовой точки зрения, Emirates реализует интеграционную модель, при которой цифровые валюты используются как средство расчета, а не как самостоятельный финансовый инструмент. При этом обеспечивается контроль на уровне KYC/AML-процедур, а операции проходят в соответствии с требованиями VARA и центрального банка ОАЭ. Если гражданин Российской Федерации оплачивает авиабилет Emirates криптовалютой:

- оплата проходит через иностранный сайт, платежный шлюз или юрлицо за пределами РФ, то операция формально считается трансграничной; запрет Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 № 259-ФЗ не применяется, поскольку расчет совершается вне юрисдикции Российской Федерации.

- если же Emirates имела бы российскую «дочку» и принимала криптоплатежи внутри страны, то это прямое нарушение закона.

Опыт ОАЭ в лице Emirates иллюстрирует синергию бизнеса и государства в сфере цифровизации платежных систем. Для Российской Федерации данный пример имеет концептуальное значение: он показывает, как в условиях гибкого правового регулирования можно сочетать инновации с финансовой безопасностью. При этом прямая адаптация модели Emirates невозможна в текущей редакции законодательства Российской Федерации, однако ее принципы (цифровая идентичность, прозрачность, KYC-контроль, мультивалютность) могут быть использованы при дальнейшем развитии национальных систем цифровых платежей и трансграничных расчетов с использованием цифрового рубля и цифровых финансовых активов.

Таким образом, гражданин РФ может заплатить криптовалютой за билет иностранной компании, но российская компания не может принять оплату

¹ Law №. 4 of 2022 Concerning the Regulation of Virtual Assets in the emirate of Dubai [Электронный ресурс] // The Supreme Legislation Committee in the Emirate of Dubai. URL:[https://dlp.dubai.gov.ae/Legislation%20Reference/2022/Law%20No.%20\(4\)%20of%202022%20Regulating%20Virtual%20Assets.html#_ftn1](https://dlp.dubai.gov.ae/Legislation%20Reference/2022/Law%20No.%20(4)%20of%202022%20Regulating%20Virtual%20Assets.html#_ftn1) (дата обращения: 07.10.2025).

в криптовалюте. Идея трансграничных криптоплатежей правомерна в России при соблюдении условий валютного и налогового контроля, однако внутренний оборот и использование криптовалюты в качестве платежного средства по-прежнему запрещены.

Следует отметить, что в российском праве уже происходят сдвиги в направлении легализации использования цифровых валют в трансграничных расчетах. Так, в 2024 году в рамках инициативы Министерства финансов и Банка России был одобрен экспериментальный правовой режим (далее — ЭПР), допускающий проведение внешнеэкономических операций с использованием криптовалют¹. Правовой механизм ЭПР позволяет компаниям — участникам внешнеэкономической деятельности (далее – ВЭД) заключать контракты и осуществлять расчеты с иностранными контрагентами в цифровых валютах при условии уведомления регулятора и соблюдения процедур валютного и налогового контроля.

Данная новелла стала ответом на потребность бизнеса в альтернативных платежных инструментах в условиях ограничений международных расчетов и фактически заложила основу для тестирования трансграничных криптоопераций под государственным надзором. С правовой точки зрения, такая модель позволяет выработать гибкий режим регулирования, в рамках которого криптовалюты и стейблкоины не подменяют национальные платежные средства, а выполняют функцию технологического инструмента для обеспечения исполнения внешнеторговых обязательств. Это приближает российскую правовую систему к международной практике, где токенизированные валюты используются как средство расчета в трансграничных сделках с сохранением контроля со стороны национальных финансовых регуляторов.

Министр финансов Антон Силуанов заявил, что в контексте легализации криптовалютных расчетов во внешней торговле Россия планирует существенное усиление «контрольных функций Банк России». По его словам, отдельный акцент будет сделан на операциях с импортом, валютным выводом и расчетами с применением криптовалют, что требует нормативного закрепления и совместного надзора с Федеральной службой по финансовому мониторингу Российской Федерации². Таким образом, в правовом поле начинается переход от запусков пилотных цифровых моделей к созданию строгих процедур контроля и ответственности за международные криптовалютные транзакции. Потенциал криптовалют в

¹ Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 08.08.2024 № 223-ФЗ // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_482453/ (дата обращения: 18.10.2025).

² Минфин и ЦБ решили легализовать расчеты в криптовалюте во внешней торговле [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8140025> (дата обращения: 18.10.2025).

решении ключевых задач международного взаимодействия заключается не в их замене национальных валют, а в создании гибридных моделей цифровых расчетов, объединяющих правовую определенность, технологическую эффективность и контроль со стороны государства. Именно такие механизмы могут стать основой для дальнейшей интеграции цифровых финансовых инструментов в экономическое пространство БРИКС и других международных объединений.

Заключение

Развитие финансовых технологий в Индии, Китае, ОАЭ, ЮАР, России и Бразилии демонстрирует стратегический курс этих государств на укрепление финансового суверенитета и снижение зависимости от внешне контролируемых расчетных инфраструктур. Каждая из стран формирует собственную архитектуру цифровых валют и платежных технологий, направленную на повышение технологической самостоятельности, устойчивости трансграничных расчетов и защиту экономической системы от внешних валютно-финансовых рисков.

Несмотря на различия в моделях внедрения — от национальных систем цифровых валют до регуляторных песочниц и криптоплатформ — все указанные юрисдикции демонстрируют единый вектор развития: расширение контроля государства над финансовой инфраструктурой, повышение ее прозрачности и обеспечение независимости стратегически значимых расчетов. Такой подход способствует формированию альтернативных цифровых финансовых контуров, не зависящих от традиционных международных платежных посредников и доминирующих иностранных валют. В долгосрочной перспективе это позволяет государствам укрепить свои позиции в глобальной экономике, стимулировать инновации и обеспечить приоритет национальных интересов при трансформации финансового сектора.

Список источников:

1. Бунич (2024) – Бунич Г.А. Финансовые технологии и инновации в международной практике // *Мировая экономика и мировые финансы*. — 2024. — №3. — С. 37-44.
2. Исмаилов (2024) - Исмаилов И.Ш. Цифровые валюты центральных банков (CBDC) как новый институт цифрового денежного обращения: правовая сущность, история, зарубежный опыт // *Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*. – 2024. – № 9(121). – С. 73-81.
3. Кочергин (2024) - Кочергин Д.А. Мировой опыт внедрения цифровых валют центральных банков для розничных платежей в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах // *Вестник Института экономики Российской академии наук*. — 2024. — №5. — С. 130-171.
4. Крылов (2025) – Крылов Д.С. Цифровая трансформация Объединенных Арабских Эмиратов как инструмент национальной модернизации и внешнеполитической стратегии (2023–2025) // *Россия и мусульманский мир*. — 2025. — №2 (336). — С. 54-64.

5. Санникова (2025) - Санникова Л.В. Правовые основы цифровых валют центральных банков и цифрового рубля // Финансовый журнал. — 2023. — Т. 15. — № 5. — С. 27–44.

References:

Bunich (2024) – Bunich G.A. Financial Technologies and Innovations in International Practice // World Economy and World Finance. [Finansovye tekhnologii i innovatsii v mezhdunarodnoi praktike // Mirovaya ekonomika i mirovie finansi]. 2024. №. 3. P. 37-44.

Ismailov (2024) - Ismailov I.Sh. Central Bank Digital Currencies (CBDC) as a New Institution of Digital Monetary Circulation: Legal Essence, History, and Foreign Experience // Bulletin of the Kutafin University (MSAL). [Tsifrovie valyuti tsentralnikh bankov (CBDC) kak novii institut tsifrovogo denezhnogo obrashcheniya: pravovaya sushchnost, istoriya, zarubezhnii opit // Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA)]. 2024. № 9(121). P. 73-81.

Kochergin (2024) - Kochergin D.A. Global Experience in the Implementation of Central Bank Digital Currencies for Retail Payments in Emerging and Developing Countries // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Mirovoi opit vnedreniya tsifrovikh valyut tsentralnikh bankov dlya roznichnikh platezhei v stranakh s formiruyushchimsya rinkom i razvivayushchikhsya stranakh // Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk]. 2024. № 5. P. 130-171.

Krylov (2025) - Krylov D.S. Digital transformation of the United Arab Emirates as an instrument of national modernization and foreign policy strategy (2023-2025) // Russia and the Muslim world. [Tsifrovaya transformatsiya Obedinennikh Arabskikh Emiratov kak instrument natsionalnoi modernizatsii i vneshnepolicheskoi strategii (2023–2025) // Rossiya i musulmanskii mir.] — 2025. — №2 (336). — P. 54-64.

Sannikova (2025) - Sannikova L.V. Legal Foundations of Central Banks' Digital Currencies and the Digital Ruble // Financial Journal. [Legal Foundations of Central Banks' Digital Currencies and the Digital Ruble // Financial Journal.]. 2023. Vol. 15. №. 5. P. 27–44.

**СОСТАВ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА
COMPOSITION OF THE EDITORIAL COUNCIL**

Главный редактор: Юрий Викторович Степаненко, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ВНИИ МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва, Россия. E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Editor in Chief: Yuri Viktorovich Stepanenko, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Chief Researcher of the WNI MWD of Russia Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia. E– mail: stepanenko.50@mail.ru

Заместитель главного редактора: Куприянова Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента бизнес–аналитики ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Deputy Editor: Lyudmila M. Kupriyanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business Analytics at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow. (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ / EDITORIAL COUNCIL

Председатель совета: Альбов Алексей Павлович – кандидат философских наук, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки и образования, член–корреспондент РАЕН, профессор кафедры «Теория и истории государства и права» Российской таможенной академии (РТА); профессор Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Москва. (E– mail: aap62@yandex.ru).

Chairman of the Board: Alexey P. Albov, candidate of philosophical Sciences, doctor of legal Sciences, Professor, honored worker of science and education, corresponding member of RAE, Professor, Professor of the Department "Theory and History of State and Law" of the Russian Customs Academy (RTA); Professor of the All– Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Moscow, Russia. (E– mail: aap62@yandex.ru).

Заместитель председателя: Куприянова Людмила Михайловна – кандидат экономических наук, доцент, доцент Департамента бизнес–аналитики ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Deputy Chairman of the Editorial Board: Lyudmila M. Kupriyanova, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Business Analytics at the Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E– mail: kuprianovalm@yandex.ru).

Амосова Ольга Сергеевна – кандидат юридических наук, старший юрисконсульт ООО «Мэнпауэр СиАйЭс», Москва.

(E-mail: amosovaolgasergeevna@gmail.com).

Olga S. Amosova, PhD in Law, Moscow.

(E-mail: amosovaolgasergeevna@gmail.com).

Ананьева Анна Анатольевна – доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: annaslast@mail.ru).

Anna A. Ananyeva – Doctor of sciences (in law), Associate Professor, Head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia. (E-mail: annaslast@mail.ru).

Беликова Ксения Михайловна – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГАОУ «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)», Москва. (E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru).

Ksenia M. Belikova, Doctor of sciences (in law), Professor, Professor of the Department of Entrepreneurial and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia. (E-mail: BelikovaKsenia@yandex.ru).

Ванин Виталий Владимирович – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: vvv7@yandex.ru).

Vitaly V. Vanin, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E-mail: vvv7@yandex.ru).

Гирько Сергей Иванович – доктор юридических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, главный научный сотрудник ФКУ НИИ ФСИН России, академик РАЕН, Москва. (E-mail: syvorina959134@mail.ru).

Sergey I. Girko, Federal Penitentiary Service of Russia Research Institute, chief research fellow Doctor of Law, professor, Moscow, Russia.

(E-mail: syvorina959134@mail.ru)/

Головинская Ирина Викторовна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых», Владимир.

(E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru).

Irina V. Golovinskaya, Doctor of law, professor, professor of the Department of criminal law, Vladimir state University named after Alexander Grigoryevich and Nikolai Grigoryevich Stoletov», Vladimir, Russia.

(E-mail: irgolovinskaya@yandex.ru).

Гришина Яна Сергеевна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва. (E-mail: grishinel@inbox.ru).

Yana S. Grishina – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia

(E-mail: grishinel@inbox.ru).

Иванова Светлана Анатольевна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E-mail: Ivanovasa1@yandex.ru).

Svetlana A. Ivanova, doctor of law, professor, professor of the Department of the Department of legal regulation of economic activity, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E-mail: Ivanovasa1@ya.ru).

Капустин Анатолий Яковлевич – доктор юридических наук, профессор, научный руководитель Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, президент Российской ассоциации международного права.

(E-mail: ayakapustin@rambler.ru).

Anatoly Y. Kapustin, Doctor of law, professor, Moscow, Russia.

(E-mail: ayakapustin@rambler.ru).

Кирпичев Александр Евгеньевич – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: aekirpichev@yandex.ru).

Alexsandr E.Kirpichev – Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E-mail: aekirpichev@yandex.ru).

Костылева Елена Дмитриевна – кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник направления конституционно–правовых исследований Центра исследования проблем правосудия ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: helen161969@rambler.ru)

Elena D.Kostyleva, candidate of law, associate Professor senior researcher of the direction constitutional and legal studies Center for justice research Russian state University of justice, Moscow, Russia.

(E-mail: helen161969@rambler.ru).

Кулаков Владимир Викторович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: 79057327361@yandex.ru).

Vladimir V. Kulakov, Doctor of jurisprudence, professor, head of the Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E-mail: 79057327361@yandex.ru).

Курбатов Алексей Янович – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва.

(E-mail: akurbatov63@mail.ru).

Alexey Ya.Kurbatov, doctor of law, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E-mail: akurbatov63@mail.ru).

Курчина Анастасия Сергеевна – кандидат юридических наук, нотариус Белгородского нотариального округа Белгородской области, Белгород.
(E-mail: kurchinanotar@mail.ru).

Anastasya S. Kurchina – candidate of legal sciences, private notary, Belgorod, Russia. (E-mail: kurchinanotar@mail.ru).

Левушкин Анатолий Николаевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)»; профессор кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва. (E-mail: lewuskin@mail.ru).

Anatoly N. Levushkin, doctor of law, professor, professor of the Department of business and corporate law of the Moscow state law University after O.E. Kutafin (MSLA); professor of civil law Department Russian state University of justice, Moscow. (E-mail: lewuskin@mail.ru).

Назаренко Геннадий Васильевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права ФГБОУ ВО «Юго– Западный госуниверситет»

Nazarenko Gennady Vasilyevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, FGBOU HE "South– Western State University"

Никифоров Вадим Алексеевич – доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры истории, теории государства и права и международного права АНОВО «Московский международный университет»

Nikiforov Vadim Alekseevich – Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of History, Theory of State and Law and International Law ANOVO "Moscow International University"

Омелин Виктор Николаевич – доктор юридических наук, профессор
(E-mail: v.omelin@mail.ru).

Viktor N. Omelin– doctor of law, professor, Moscow
(E-mail: v.omelin@mail.ru).

Оспенников Юрий Владимирович – кандидат исторических наук, доктор юридических наук, профессор кафедры философии и истории, ФГБОУ ВО «Херсонский государственный педагогический университет», Херсон.
(E-mail: desmandado@yandex.ru).

Yuri V. Ospennikov, doctor of law, professor of the Department of Philosophy and History, Federal state-financed educational institution of higher education "Kherson State Pedagogical University", Kherson.
(E-mail: desmandado@yandex.ru).

Павликов Сергей Герасимович – доктор юридических наук, профессор, руководитель Департамента правового регулирования экономической деятельности ФГБОУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва. (E-mail: 89152499929@mail.ru).

Sergey G. Pavlikov, doctor of law, professor, head of the Department of legal regulation of economic activity, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E-mail: 89152499929@mail.ru).

Петюкова Оксана Николаевна – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E-mail: oksana55@mail.ru).

Oksana N. Petyukova, doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E-mail: oksana55@mail.ru).

Попова Наталия Федоровна – доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E-mail: nforpova51@mail.ru).

Natalia F. Popova, doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E-mail: nforpova51@mail.ru).

Рожнов Артемий Анатольевич – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E-mail: roartan@mail.ru).

Artemi A. Rozhnov, Doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia. (E-mail: roartan@mail.ru).

Рубаник Владимир Евдокимович – доктор юридических наук, доцент, профессор Департамента международного и публичного права ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E-mail: vladimir-rubanik@yandex.ru).

Vladimir E. Rubanik, Doctor of law, professor, professor of the Department of international and public law, Finance University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia (E-mail: vladimir-rubanik@yandex.ru).

Ручкина Гульнара Флюровна, доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета ФГОБУ ВО «Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации», Москва (E-mail: gumer@bk.ru).

Gulnara F. Ruchkina, Doctor of law, professor, Dean of the faculty of law, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow (E-mail: gumer@bk.ru).

Степаненко Юрий Викторович, профессор кафедры административного права и процесса Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), главный научный сотрудник ВНИИ МВД России доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Москва, Россия (E-mail: stepanenko.50@mail.ru)

Yuri V. Stepanenko, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure at the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy), Chief Researcher of the WNI MWD of Russia Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow, Russia (E-mail: stepanenko.50@mail.ru)

Суслова Светлана Игоревна – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры гражданского права и процесса, заместитель директора по научной работе Иркутского института (филиала) ФГБОУ ВО «Всероссийского государственного университета Юстиции (РПА Минюста России)» (E– mail: svetsuslova@yandex.ru).

Svetlana I. Suslova, Doctor of Law, Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure, Irkutsk, Russia.

(E– mail: svetsuslova@yandex.ru).

Ульянова Марина Вячеславовна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия», Москва

(E– mail: maryulianova14@gmail.com).

Marina V. Ulianova, Associate professor, candidate of legal sciences, Department of Civil Law, Russian State University of Justice, Moscow, Russia.

(E– mail: maryulianova14@gmail.com).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ИЗДАТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ INTERNATIONAL PUBLISHING COUNCIL

Лоренцо Меццасома — Председатель совета — доктор юридических наук, профессор, Университет Перуджа, Председатель Центра правовых исследований о правах потребителей, Италия

Lorenzo Mezzasoma — Chairman of the International editorial board — Doctor, Professor of Civil Law, University of Perugia, Italy, Chair of the Centre of Law Studies on Consumer Rights (E– mail: mezzalor@unipg.it)

Федерика Маццасетта — Заместитель Председателя — доктор юридических наук, профессор Университета Камерино, Адъюнкт— профессор Университета Перуджа, Италия

Federica Mazzasette, Doctorate in Civil Law at Università degli Studi di Camerino, Professor of civil law of the University of Camerino, Adjunct Professor of the University of Perugia — Deputy Chairman of the International advice to the editorial staff (E– mail: federica.mazzasette@libero.it)

Джакомо Понгелли — Научный редактор — доктор юридических наук, профессор, Университет Перуджа, Италия

Giacomo Pongelli, doctor of law, Professor, University of Perugia, Italy — Scientific editor (E– mail: giacomo.pongelli@studioalbinacandian.it)

Джанмарко Чифальди, профессор, Университет им. Д’Аннунцио, город Пескара, Италия

Gianmarco Cifaldi, Professor at the University D’Annunzio in Pescara, Italy (E– mail: cifaldi@gmail.com)

Франческо Риццо, доцент кафедры гражданского права, Университет Камерино, Италия

Francesco Rizzo, Doctor. Professor of Civil Law, University of Camerino, Italy (E– mail: francesco.rizzo@unicam.it)

Джованни Берти де Маринис, адвокат, Италия

Giovanni Berti De Marinis, the Lawyer, Italy (tel: 328 3887795, E– mail: giobertidemarinis@libero.it)

Августин Луна Серрано, доктор, профессор, Университет Барселоны, Почетный Член Ассоциации юристов Барселоны, Испания

Agustin Luna Serrano, PhD, Professor University of Barcelona, Honorary Member of the Bar Association of Barcelona, Spain (Pedralbes 71 Barcelona, Barcelona 08035 Spain; agustineluna@albacarclusa.com)

Евгению Лямас Помпо, Доктор права, Профессор Университет Саламанки, Испания Llamas Pombo Eugenio, Doctor of law, Full Professor, University of Salamanca, Spain (E-mail: ellamas@usal.es)

Доктор Хавьер Перес– Серрабона Гонсалес, Доктор права, Профессор коммерческого права, кафедра коммерческого права, Факультет права Университета Гранады, Испания, Гранада

Dr. Javier Pérez– Serrabona González, Doctor of law, Professor of commercial law, Department of commercial law, Faculty of law of the University of Granada, Spain, Granada (E-mail: jpsgonzalez@ugr.es)

Чирич Александр, доктор юридических наук, профессор, Факультет права, Университет Ниш, Сербия

Aleksandar Ćirić, doctor of law, Professor, Faculty of law, Full professor for International Trade Law, Dean of the Faculty of Law, University of Nis Republic Serbia (E-mail: aciric@prafak.ni.ac.yu)

Деян Вучетич, доктор юридических наук, доцент, Факультет права, Университет Ниш, Сербия

Dejan Vučetić, doctor of law, Professor, Faculty of law, University of Nis, Serbia (E-mail: dvucetic@prafak.ni.ac.rs)

Петер Поташ, доктор права, доктор философии, декан юридического факультета Панъевропейского университета, Братислава, Словакия. Doc. JU Dr. (E-mail: dekan.fp@paneurouni.com)

Peter Potasch, PhD, Dean of the Faculty of law of the Pan-European University, Bratislava, Slovakia (E-mail: dekan.fp@paneurouni.com)

Сведения для авторов

Журнал «Современный Юрист» принимает к публикации авторские статьи, соответствующие тематическим направлениям и научному уровню журнала.

К рукописи предъявляются следующие требования:

Содержание статьи должно обладать определенной новизной и носить научный характер.

Рукопись статьи представляется в редакцию в электронном виде по E-mail или на диске в формате Word для Windows (или в виде распечатки в двух экземплярах). Рукопись на бумажном носителе должна строго соответствовать рукописи в электронном формате. В случае обнаружения расхождений редакция будет ориентироваться на электронный вариант рукописи.

Объем рукописи не должен, как правило, превышать 1 печатного листа, т.е. 40 тыс. знаков или 22–23 машинописных страниц, напечатанных через 2 интервала, включая таблицы и графический материал. В отдельных случаях по решению редакции могут публиковаться статьи и большего объема.

К статье прилагается аннотация и перечень ключевых слов на русском и на английском языке.

Таблицы в тексте или приложения к нему должны иметь заголовки, на каждую таблицу в тексте должна быть ссылка.

Иллюстрации (графики, схемы, диаграммы и т.д.) должны иметь порядковый номер и названия, на каждую иллюстрацию в тексте статьи должна быть ссылка.

В конце статьи приводится список литературы на русском и на английском языке в соответствии с принятыми стандартами библиографического описания.

Нумерация источников в списке литературы должна соответствовать очередности ссылок в тексте. Ссылки на цитируемые источники даются в квадратных скобках с указанием номера источника в списке литературы и страницы работы, например, [18, с.35].

К рукописи прилагаются сведения об авторе (ах) с указанием фамилии, имени, отчества, ученой степени и звания, должности и места работы на русском и английском языке, и контактная информация (и/или E-mail).

Распечатка рукописи должна быть подписана авторами с указанием даты ее отправки.

Решение о публикации или отклонении рукописи принимается редакцией по результатам научной экспертизы.

Авторы несут ответственность за достоверность приводимых фактов, цитат, статистических данных и прочих сведений. Точка зрения авторов публикаций может не совпадать с позицией редакции журнала.

Уважаемые коллеги!

Инновационный Центр прикладных научных исследований «РИМ Университет» приглашает Вас принять участие в международных научных конференциях с дистанционным участием, проводимых ежемесячно с публикацией статьи в Международном научном журнале «Современный Юрист», включенном в систему РИНЦ и перечень ВАК

**1. Международная научно–практическая конференция
«Интеллектуальная собственность: взгляд в будущее»
International Scientific and Practical Conference:
«Intellectual property: a look into the future »**

Дата проведения: 27– 28 марта 2026 г.
Материалы принимаются до 18 марта 2026 г.

**2. Международная научно–практическая конференция
«Реформирование жилищного законодательства: миф или реальность»
International Scientific and Practical Conference:
«Housing law reform: myth or reality »**

Дата проведения: 17– 18 апреля 2026 г.
Материалы принимаются до 08 апреля 2026 г.

Просьба участников присылать свои материалы исследований, тезисы докладов и научные статьи, оформленные в соответствии с требованиями, на электронную почту: rimuniver@gmail.com
Стоимость публикации: 980 рублей 1 страница формат А 4. Минимальный объем статьи 10 страниц, тезисы 3 страницы.

Оплата производится в любом банке или в (ПАО) «ТКБ»

Реквизиты: рас/счет 40703810720100000019 в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК» (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО)

Банк получателя: «ТКБ» (ПАО) город Москва
БИК 044525388 корп./счет 30101810800000000388,
ИНН 7716845146, КПП 771801001

Получатель: АНО ВО «РИМ Университет»,
ОГРН 1177700001489 ОКВЭД 85.22

Заявки на участие в Международной научно–практической конференции принимаются по адресу: rimuniver@gmail.com

Условия публикации и требования к оформлению статьи размещены на сайте издательства: <http://www.rimuniver.ru>

Оплатить подписку на журнал можно в любом отделении
Сберегательного банка, используя купон для оплаты ф. № ПД– 4
По вопросам оформления обращайтесь на сайт: <http://www.rimuniver.ru>
E– mail: rimuniver@gmail.com

Извещение	<p>«РИМ Университет» Форма № ПД– 4</p> <hr/> <p>(наименование получателя платежа) ИНН 7716845146 КПП 771801001</p> <hr/> <p>(ИНН получателя платежа) № р/с 40703810720100000019</p> <hr/> <p>(номер счета получателя платежа) в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК»</p> <hr/> <p>(наименование банка и банковские реквизиты) (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО) г. Москвы корр. счет № 30101810800000000388</p> <hr/> <p>БИК 044525388</p> <hr/> <p>журнал Современный Юрист, 2026 г.</p> <hr/> <p>Подписчик:</p> <hr/> <p>(наименование платежа)</p>
Кассир	<p>Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. коп.</p> <p>Плательщик (подпись) _____</p>
Квитанция	<p>«РИМ Университет»</p> <hr/> <p>(наименование получателя платежа) ИНН 7716845146 КПП 771801001</p> <hr/> <p>(ИНН получателя платежа) № р/с 40703810720100000019</p> <hr/> <p>(номер счета получателя платежа) в АКЦИОНЕРНОМ КОММЕРЧЕСКОМ БАНКЕ «ТРАНСКАПИТАЛБАНК»</p> <hr/> <p>(наименование банка и банковские реквизиты) (ПУБЛИЧНОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО) г. Москвы корр. счет № 30101810800000000388</p> <hr/> <p>БИК 044525388</p> <hr/> <p>журнал Современный Юрист, 2026 г.</p> <hr/> <p>Подписчик:</p> <hr/> <p>(наименование платежа)</p>
Кассир	<p>Дата _____ Сумма платежа: _____ руб. коп.</p> <p>Плательщик (подпись) _____</p>

Приобретение журнала в 2026 году

Заказ журнала	Стоимость, руб.		Способ оплаты
	1 экз.	4 экз.	
Журнал (печатная копия): по объединенному каталогу «Пресса России». Подписной индекс издания № 41272; в редакции журнала: – по почте: 129347 город Москва, ул. Лосевская дом 7, корпус 1 («РИМ Университет», Шакер И.Е.) – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	980	3800	Оплата в почтовых отделениях по объединенному каталогу «Пресса России», подписной индекс № 41272 Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика
Журнал (pdf– file): в редакцию журнала: – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	380	1900	Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика
Отдельная статья (pdf– file): в редакции журнала: – по электронной почте: rimuniver@gmail.com	180		Оплата через банк по выставленному счету на электронную почту заказчика

Авторы могут приобрести журнал в количестве 4 экземпляров по льготной цене 1800 руб. или меньшее количество по обычной цене. Электронную версию (pdf– file) авторы получают бесплатно на свой адрес электронной почты.

**Издательство: «РИМ Университет»
Главный редактор Степаненко Ю.В.
Зам. главного редактора Куприянова Л.М.**

Адрес редакции
107564 город Москва,
ул. Краснобогатырская 38,
стр. 2, каб. 316
Тел. 8 (905) 546– 82– 38.
Адрес в Internet: www.rimuniver.ru
E– mail: rimuniver@gmail.com

При перепечатке материалов ссылка
на журнал Современный Юрист
обязательна

**Издание зарегистрировано в Министерстве
Российской Федерации по делам печати, телерадиовещания
и средств массовых коммуникаций**
30 ноября 2011 г. Свидетельство о регистрации
средства массовой информации ПИ № ФСС77– 47531

**Журнал включен в Перечень ведущих
рецензируемых научных журналов и изданий (ВАК),
в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук:**
Решение Президиума ВАК от 01.12. 2015 № 13– 6518
<http://perechen.vak2.ed.gov.ru>. (ред. 01.02.2022 года).

Журнал включен в НЭБ
Российский индекс цитирования (РИНЦ)

Отпечатано в типографии ООО «Телер»
125130, Москва, ул. Клары Цеткин д.28
Тел.: (495) 937– 8664

Формат 70x108/16
Бумага офсетная обрезная
Подписано в печать 08.12.2025
Усл.печ. л. 9,45 Тираж 980 экз. Заказ № ПЖ– 58